

Феликс Михайлович Шабульдо

ЗЕМЛИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

1987

Предисловие

/3/ Работа посвящена исследованию ведущих тенденций политического развития и основных черт общественно-политического устройства Юго-Западной Руси в XIV в. Учитывая сложность, многогранность, а также недостаточную изученность в конкретно-историческом плане избранной проблемы, автор ограничил задачу рассмотрением важнейших ее вопросов. Главное внимание в исследовании уделено показу борьбы княжеств Юго-Западной Руси против ига Золотой Орды и экспансии чужеземных феодалов, за воссоединение с землями и княжествами Северо-Восточной и Западной Руси на основе идеи общерусского единства.

XIV в. занимает особое место в истории феодально раздробленной и политически разобщенной средневековой Руси, пребывавшей со середины XIII в. в тяжелой зависимости от Золотой Орды, которая в результате нескольких завоевательных походов распространила свое владычество на большую часть Восточной Европы. Именно в этом столетии, впервые со времен установления ордынского господства, произошли крупные позитивные сдвиги в преодолении феодальной раздробленности и политическом объединении земель Руси, усилении организованной борьбы против чужеземного ига и внешней агрессии, а также в формировании на основе древнерусской народности братских русской, украинской и белорусской народностей. Интенсификация этих закономерных исторических процессов определила своеобразие общественно-политической эволюции Руси в XIV в. Для Юго-Западной Руси указанный период характерен еще и тем, что именно тогда в результате экспансии соседних феодальных государств ее земли были расчленены в государственно-политическом отношении и в большей своей части включены в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Эта присоединенная к Великому княжеству Литовскому территория Юго-Западной Руси – древнейшие Киевская и Волынская земли, а также формировавшиеся в рассматриваемое время Подольская и Чернигово-Северская земли – и составляет регион исследования, предпринятого в работе. Остальные земли: Галичина, Закарпатье и Буковина, включенные в состав соответственно /4/ Польского королевства, Венгрии и Молдавского княжества, фигурируют в ней лишь постольку, поскольку это необходимо для освещения общей проблемы. Употребляемые термины "Юго-Западная Русь", "Северо-Восточная Русь" и

"Западная Русь" относятся, как это общепринято в научной литературе по истории нашей страны, к территориям Руси периода феодальной раздробленности, в границах которых впоследствии сформировались Россия, Украина и Белоруссия.

Хронологические рамки работы обусловлены событиями, предопределившими длительное пребывание земель Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского: 20-е гг. XIV в. – начало территориальных захватов литовских и польских феодалов в Юго-Восточной Руси, ослабленной незадолго до этого наступлением Золотой Орды; конец XIV в. – укрепление власти литовских феодалов над Юго-Западной Русью и временное ослабление тенденций к объединению ее с Северо-Восточной Русью в результате изменившегося соотношения политических сил в Восточной Европе после заключения польско-литовской унии и разгрома в 1399 г. ордынцами войск Великого княжества Литовского в битве на р. Ворскле.

Особо следует сказать о главных целях. Рассматривая общественно-политическое устройство Юго-Западной Руси, автор стремился выделить наиболее характерные его черты – преодолеваемую, но еще не преодоленную, обособленность ее земель и княжеств, что предопределяло отсутствие политического единства у господствующего класса в целом, при явном политическом засильи местного боярства, которое основывалось на преимущественном развитии вотчинной формы феодального землевладения. В сфере политических отношений ставилась задача проанализировать ряд конкретных проблем, окончательное решение которых позволит более четко определить общие закономерности и специфику внутривосточного развития земель Юго-Западной Руси, ее положение во взаимоотношениях стран Восточной Европы в XIV в. К таким проблемам, на наш взгляд, следует отнести выяснение исторических обстоятельств перехода под власть Великого княжества Литовского и Польского королевства большей части территории Юго-Западной Руси, участия ее княжеств в общерусской освободительной борьбе против ига Золотой Орды, тенденций к преодолению феодальной раздробленности в юго-западных землях Руси и достижению их политического единства с Северо-Восточной Русью. В своей работе автор руководствовался общетеоретическим положением о тождественности основных внутривосточных процессов во всех трех главных регионах феодальной Руси, несмотря на некоторую специфику их проявлений и о взаимосвязи этих процессов с международными факторами, определявшими характер и эволюцию политических отношений стран Восточной Европы в XIV в. /5/

Глава I **ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ** **ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ К ВЕЛИКОМУ КНЯЖЕСТВУ ЛИТОВСКОМУ**

1. Борьба Юго-Западной Руси против господства Золотой Орды на рубеже XIII–XIV вв. Начало территориальных приобретений Великого княжества Литовского в Галицко-Волынском и Киевском княжествах

К территориальным захватам на Руси Литовское раннефеодальное государство приступило в середине XIII в., после того как в его составе была объединена основная часть собственно литовских земель. В начале XIV в. ему уже принадлежала вся Западная Русь: княжества Полоцкое, Минское, Витебское, Лукомское и Друцкое. Одновременно объектами феодальной экспансии становятся земли Юго-Западной Руси: к середине 20-х гг. XIV в. определились два его главных направления – Галицко-Волынская Русь и Среднее

Поднепровье (Киевское княжество и Чернигово-Северщина). Наступление литовских феодалов на Русь осуществлялось в один из наиболее сложных периодов ее внутривнутриполитического развития и в условиях неблагоприятного международного положения. В результате предшествующего социально-экономического и политического развития в Северо-Восточной, Юго-Западной и Западной Руси еще в середине XIII в. наметились три центра политической консолидации земель и княжеств, что было результатом проявления закономерной тенденции к созданию национальных государств, которая, выступая "...все яснее и сознательнее, является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века".¹ В средневековье национальное государство "было возможным лишь в монархической форме", а "королевская власть была прогрессивным элементом... представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства".² К исходу XIV в. преодоление феодальной раздробленности и образование единых (национальных) государств стали ведущими процессами в политическом развитии стран европейского континента, а во второй половине XV в. "повсюду в Европе, вплоть до отдаленных /6/ окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала одновременно".³

Объединение земель и княжеств на Руси осуществлялось одновременно с их социально-экономическим развитием, обусловленным дальнейшим ростом производительных сил, углублением общественного разделения труда, расширением экономических связей и разрушением местной хозяйственной замкнутости. Вместе с тем этот процесс протекал в условиях господства феодального способа производства, при отсутствии всероссийского рынка, заторможенности процесса так называемого первоначального накопления, что стало причиной отставания экономической консолидации от государственных потребностей в ней.⁴ Эти обстоятельства обусловили активное воздействие на ход собирания русских земель политической надстройки и в особенности внешнеполитического фактора, сыгравшего на Руси, как и в большинстве стран Европы, роль мощного ускорителя образования централизованных государств. Отсутствие подобного фактора Ф. Энгельс рассматривал как главную причину незавершенности политического объединения Германии в средние века. "В экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран, – подчеркивал Ф. Энгельс. – Решающим явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и *избавленной на длительный срок от вторжений*, не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз); решающим было также и то, что императоры как раз в это время были в таком жалком положении".⁵ На Руси, где, как подчеркивал Ф. Энгельс, "...покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением

¹ /154/ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 410.

² Энгельс Ф. О разложении феодализма... – С. 411, 412–413.

³ Энгельс Ф. О разложении феодализма... – С. 415.

⁴ Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопр. истории. – 1978. – № 2. – С. 42–43.

См. также: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теор. пробл. ист. феода. – М., 1981. – С. 150–151.

⁵ Энгельс Ф. К "Крестьянской войне" // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 418.

от татарского ига", ⁶ процесс образования единого государства развивался в тесном взаимодействии и взаимообусловленности внутри- и внешнеполитического факторов.

Внешнеполитическую обстановку на северо-западе Восточной Европы во многих отношениях определяла в XIV в. военно-дипломатическая активность Тевтонского и Ливонского рыцарских орденов. Эти военно-духовные корпорации германских феодалов, обосновавшись к середине XIII в. на захваченных у пруссов, ливов и эстов землях Прибалтики и располагая всемерной поддержкой папской курии и западноевропейского рыцарства, повели планомерное наступление на соседние территории Литвы и северо-западного региона Руси, а с начала XIV в. – Польши. Характеризуя захватническую политику крестоносцев в Прибалтике, /7/ К. Маркс отмечал: ""Рыцари" неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубая леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сенъерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство".⁷ Разгром рыцарей-крестоносцев литовцами в битве при Шяуляе в 1236 г. и войсками Даниила Галицкого под Дорогичином в 1237 г. поставили Тевтонский и Ливонский ордена перед необходимостью формально объединить свои силы (1237). Поражение захватчиков на льду Чудского озера в 1242 г. заставило их приостановить наступление на Русь, которое, однако, возобновилось уже в 1253 г. нападением на Псков, а затем на владения Новгородской феодальной республики.⁸

Что касается Золотой Орды, то она, установив в 40-х гг. XIII в. господство в большей части Восточной Европы, стремилась создать условия, наиболее благоприятные для ограбления зависимых народов. Преследуя эти цели, золотоордынские правители активно вмешивались в дела феодальной элиты русских земель и княжеств, пытались постоянно контролировать ход политических событий в них с тем, чтобы не допустить политического объединения. Как отмечал в этой связи К. Маркс, традиционная политика ханов на Руси состояла в том, чтобы укрощать одного князя с помощью другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволить никому из них укрепиться.⁹ В ряде своих работ И. Б. Греков на конкретно-историческом материале убедительно показал, что система ордынского господства над экономическим и политическим статусом русских земель базировалась на тактике сталкивания противоречивых тенденций политического развития Руси, а также других восточноевропейских стран. Причем если на ранних этапах владычества Золотой Орды, когда ее внутреннее развитие определялось центростремительными тенденциями, а на Руси доминировала феодальная раздробленность, главный упор в ордынской политике делался на сталкивание отдельных группировок русских феодалов (противоречия "по вертикали") и поддержание постоянного соперничества между исторически сложившимися очагами консолидации (противоречия "по горизонтали"), то примерно с середины XIV в., не будучи в состоянии достаточно эффективно противодействовать тенденции к объединению Руси в обстановке начавшегося постепенного упадка Ордынской державы, ее правители все больше внимания уделяют поощрению борьбы

⁶ *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 416.

⁷ *Маркс К.* Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. – М., 1938. – Т. 5. – С. 342–343.

⁸ *Пауцто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). – М., 1956. – С. 188–190, 232.

⁹ *Marx K.* Secret Diplomatic History of Eighteenth Century. / Ed. by his daughter E. Marx-Eveling – London, 1899. – P. 80.

между двумя наиболее крупными в Восточной Европе государственными образованиями – Московским /8/ великим княжеством и Великим княжеством Литовским, сформировавшимися в XIV в. в основном за счет древнерусских земель.¹⁰

На процесс феодальной концентрации на востоке Европы оказывали влияние Польское королевство, Венгрия, Швеция, Дания, а также Константинополь, прежде всего, в связи с пребыванием в нем высшего органа православной церкви. Но только политические и территориальные притязания Золотой Орды и рыцарских орденов, время от времени подкрепляемые вторжениями в пределы Руси, приобрели для нее в XIV в. значение двух постоянно действующих отрицательных внешнеполитических факторов. При этом наибольшую угрозу для непосредственно граничивших с Литвой западных и северо-западных (Новгород Великий, Псков) русских земель представляла агрессия Ливонского и Тевтонского орденов, а для северо-восточных и юго-западных земель – Золотая Орда.

Успеху наступления Великого княжества Литовского на Русь в немалой степени способствовало то обстоятельство, что его правители сумели использовать в своих интересах тенденции к преодолению феодальной раздробленности и политическому объединению, все более определявшие в конце XIII – первой половине XIV в. развитие восточнославянского общества, а также его стремление к ликвидации зависимости от Золотой Орды. Этот тезис, впервые четко сформулированный польским историком Х. Ловмянским¹¹ и затем обстоятельно разработанный в исследованиях И. Б. Грекова,¹² получил признание в отечественной историографии.¹³ Характерно, что наибольших успехов в осуществлении своей экспансионистской политики литовские феодалы добились в последней четверти XIII – середине 60-х гг. XIV в., т. е. в период, когда в политическом строе Руси не был еще изжит полицентризм и когда само Литовское государство, отразив ряд нападений ханских войск, объективно являлось единственной в Восточной Европе организованной военно-политической силой, противостоявшей Золотой Орде. Именно тогда великие литовские князья применили для идеологического обоснования своей экспансии заимствованную у феодальных кругов древнерусских земель политическую программу восстановления былого единства Руси, но уже под эгидой не Рюриковичей, а литовской великокняжеской династии. Данное обстоятельство было отмечено еще некоторыми из буржуазных исследователей истории Литовского государства. Так, А. Е. Пресняков подчеркивал, что уже политика великого князя литовского Гедимина свидетельствовала о "сознательном вступлении литовских князей на путь собирания русских земель".¹⁴ В еще больших масштабах пытался использовать /9/ в интересах литовской феодальной знати совершавшиеся на Руси процессы преемник Гедимина – его сын Ольгерд. Цель литовской

¹⁰ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). – М., 1975. – С. 29, 51, 257, 260–264 и др.; Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва: Сб. ст. – М., 1980. – С. 124–132.

¹¹ Lowmiański H. Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwie w wiekach XIII–XV // PH. – Т. 45, z. 2/3. – S. 338–361; Ловмянский Х. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 269–275.

¹² Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды; Его же. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – М., 1963.

¹³ См.: Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сб. ст. – М., 1980. – С. 143.

¹⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории: Западная Русь и Литовско-Русское государство. – М., 1939. – Т. 2, вып. 1. – С. 58.

великокняжеской программы в отношении восточнославянских земель была раскрыта Ольгердом в 1358 г., когда его представители заявили послам императора Карла IV Люксембургского о том, что вся Русь должна принадлежать Литве.¹⁵

Развернутое наступление литовских феодалов на земли Юго-Западной Руси началось в 20-х гг. и завершилось в основном к середине 60-х гг. XIV в. Литовской знати далеко не сразу удалось утвердить свою власть над Юго-Западной Русью, чему препятствовали как сопротивление местного населения, так и ряд неблагоприятных для Литвы внешнеполитических факторов, с которыми приходилось считаться ее правящим верхам. В связи с этим в процессе наступления литовских феодалов можно выделить два основных этапа: первый, охватывающий приблизительно 20–30-е гг. XIV в., когда в результате нескольких завоевательных походов политическое влияние Литвы было распространено на Владимир-Волынский, Галич и Киев, и второй – 40–60-е гг. XIV в., на протяжении которых в состав Великого княжества Литовского была включена большая часть Юго-Западной Руси – Волынская, Подольская, Киевская (вместе с Переяславской) и Чернигово-Северская земли.

В основе экспансионистской политики правящих верхов Литвы лежали причины как социально-политического, так и экономического характера. Ее конечный результат во многом зависел от позиции влиятельных кругов боярства Юго-Западной Руси и антиордынской активности Великого княжества Литовского. Именно частичное совпадение внешнеполитических целей литовских феодалов и бояр Юго-Западной Руси, гарантирование литовской великокняжеской властью неприкосновенности определенных сословно-классовых привилегий последним, а также открывающиеся перспективы консолидации господствующего класса, укрепления его власти над зависимым населением и усиления феодальной эксплуатации послужили основой их политического сближения, завершившегося признанием местным боярством зависимости от власти великого князя литовского. "Боярство решило судьбу не только белорусских, но и украинских земель, а также смоленских городов и важных новгородских пригородов. Его поддержка обеспечила успех литовскому правительству", – подчеркивал В. Т. Пашуто, указывая при этом, что присоединение отдельных княжеств Руси к Литве "стало возможным лишь при условии признания широких иммунитетных прав за местным боярством".¹⁶ Склонность местных феодалов к соглашению с правящей верхушкой Литвы достаточно определенно проявилась /10/ уже в начале ее наступления на Юго-Западную Русь. Эта тенденция стала доминирующей в отношениях между указанными группами господствующего класса в 40–60-х гг. XIV в., когда военные силы Литвы и княжеств Юго-Западной Руси совместно выступили против Золотой Орды.

Юго-Западная Русь и особенно ближайшие ко владениям Литвы Волынская и Галицкая земли, которые в XIII–XIV вв. сохраняли значение важных звеньев общеевропейской торговой системы, представляли для литовского боярства объект особого интереса.¹⁷ Его стремление поставить под свой контроль южные пути международной торговли, что было

¹⁵ *Ливонская* хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1879. – Т. 2. – С. 108.

¹⁶ *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. – М., 1959. – С. 319; *Его же.* Страны Прибалтийского региона // Пути развития феодализма. – М., 1972. – С. 296.

¹⁷ Подробнее об участии Юго-Западной Руси в международной торговле в XIV в. см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М., 1950. – С. 166–175; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. – К., 1984. – С. 44–46, 112–114; *Котляр М. Ф.* Галицька Русь у другій половині XIV – першій чверті XV ст.: Іст.- /155/ нумізмат. дослід. – К., 1968. В советской историографии на роль южных международных торговых путей в выборе направления феодальной экспансии Великого княжества Литовского обратил внимание Р. Батура. *Батура Р.* Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих вод: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Вильнюс, 1972. – С. 21.

весьма важным для языческой Литвы в обстановке ее торгово-политической изоляции в католической Западной Европе на протяжении большей части XIV в., сыграло не последнюю роль в выборе направления феодальной экспансии.

Первый этап развернутого наступления литовских феодалов на Юго-Западную Русь связан с рядом дипломатических и военных мероприятий, осуществленных при великом князе литовском Гедимине. Зимой 1315/1316 г., еще при жизни своего брата великого князя Витеня, он возглавил поход литовских войск на Берестейскую землю, входившую в состав Галицко-Волынского княжества и бывшую объектом притязаний Литвы еще со середины XIII в. По-видимому, в связи с этим походом галицко-волынские князья Андрей и Лев Юрьевичи грамотой от 9 августа 1316 г. подтверждают союз княжества с Тевтонским орденом, обещая защищать его от нападений ордынцев и вообще всяких врагов.¹⁸ В последнем случае, несомненно, подразумевалась Литва, поскольку нейтрализация ее и, возможно, возврат захваченной ею в 1316 г. какой-то части Берестейской земли должны были стать одной из наиболее важных задач внешней политики галицко-волынских князей. Польский историк второй половины XVI в. М. Стрыйковский, основываясь на неизвестном источнике, дает тому ценное свидетельство, утверждая, что "волынские" князья во время войны Литвы с крестоносцами совершали набеги на литовские земли над р. Вилиею и возле Новгорода, а князь Лев, названный в хронике Луцким, занял даже было Берестие и Дорогичин.¹⁹

Известие М. Стрыйковского следует датировать 1316–1320 гг., когда натиск крестоносного воинства на Литву значительно усилился.²⁰ Следует полагать, что ввиду необходимости сосредоточить все силы для отражения этого натиска Гедимин пошел на какие-то временные уступки галицко-волынским князьям. Обоюдное соглашение нашло отражение в договоренности о браке Любарта Гедиминовича с дочерью владимирского (волынского) /11/ князя Андрея Юрьевича. Политические мотивы этого брака со стороны Гедимины раскрыты в "Летописце великих князей литовских" в следующих словах: "А Любарта принял володимерский князь к дотьце во Володимер и в Луцеськь и во всю землю Волынскую".²¹

О присоединении Гедимином Волыни и Киевского княжества повествуют белорусско-литовские летописи пространной редакции (Летопись Археологического общества, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреиновская, Хроника Быховца) – единственный источник первой половины XVI в., содержащий обстоятельные, но не всегда достоверные, сведения об этих событиях. Они наряду с иными не сохранившимися до нашего времени источниками послужили основой для описания М. Стрыйковским²² походов Гедимины на Владимир-Волынский и Киев. Летописи сообщают, что Гедимин, "...впокоивши землю Жомойтцкую от немцов, и пошол на князи рускии, и приде напервеи к городу Володимеру. И князь Владимир володимерский, собравшись с людьми своими, и

¹⁸ Куник А. А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исслед. – Спб., 1907. – № 1, С. 149.

¹⁹ Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. – Warszawa, 1846. – Т. 1. – S. 363.

²⁰ Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae // SRP. – Т. 1. – S. 182–185.

²¹ Супрасльская летопись // ПСРЛ. – М., 1980. – Т. 35. – С. 61.

²² Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). – М., 1966. – С. 155.

вчинит бои лют с князем великим Кгидимином. И поможе Бог великому князю Кгидимину, иж князя Володимера володимерского убил и рать его всю побил, и город Володимер возмет. И потом поиде на князя Лва луцкого... А князи и бояре волынские били челом великому князю Кгидимину, абы в них пановал и господарем у них был, а земли их не казнил".²³ В летописях подчеркивается тот факт, что Гедимин, полностью подчинив своей власти волынских феодалов, принял у них присягу верности, поставил наместников и "начне княжити".

Походы Гедимины на Земли Юго-Западной Руси, в том числе на Галицко-Волынскую, в исторической литературе до сих пор датируются по-разному. Многие дореволюционные исследователи в этом вопросе следовали за М. Стрыйковским, который на основании указания летописей о предшествовавшем походе на Волынь "успокоении земли Жомойтцкой" приурочил его к 1320 г., тем самым обозначив одним годом разгром крестоносцев в Жемайтии и события, связанные с Волынью. Некоторые из представителей буржуазной историографии вообще отрицали возможность походов Гедимины на Юго-Западную Русь и завоевание ее в 20-х гг. XIV в. Столь значительное расхождение во мнениях объясняется, прежде всего, слабой изученностью политической истории Юго-Западной Руси первой четверти XIV в.

По отношению к Галицко-Волынскому княжеству этот пробел частично заполнили монографии польского исследователя Б. Влодарского²⁴ и украинского советского историка И. П. Крип'якевича.²⁵ Так, им удалось показать тесные политические и династические связи, объединявшие галицко-волынских князей с предст- /12/ вителями польской королевской династии – Пястовичами, в особенности собравшего под своей властью всю Галицко-Волынскую Русь Юрия I Львовича (1301–1308) и князя Владислава Локетка, который в 1320 г. стал польским королем. Юрий I Львович, женатый вторым браком на сестре Локетка Евфимии, неоднократно предоставлял убежище польскому князю, вынужденному спасаться бегством от своих политических противников, а в 1302 г. оказал ему помощь вспомогательными отрядами для похода в Сандомирскую землю. Тогда же, в первые годы XIV в., заключен брак между сестрой галицко-волынского князя Анастасией и братом Владислава Локетка добжинским князем Земовитом.²⁶

Как и его дед, Даниил Романович Галицкий, Юрий I Львович принял королевский титул, о чем свидетельствует его печать с надписями: "Господарь Георгий король Руси", "Господарь Георгий князь Владимирский".²⁷ В 1303/04 или же 1305/06 г. он добился от константинопольского патриарха возведения Галицкой епископии в степень митрополии, которая в составе Владимирской, Перемышльской, Луцкой, Туровской и Холмской епархий просуществовала до 1347 г.²⁸ Нельзя не согласиться с Я. Н. Щаповым в том, что появление

²³ *Летописи белорусско-литовские* // ПСРЛ. – М., 1980. – Т. 35. – С. 95, 152, 179, 200, 221; *Хроника Быховца* // ПСРЛ. – М., 1975. – Т. 32. – С. 136–137.

²⁴ Włodarski B. Polska i Rus', 1194–1340. – Warszawa, 1966.

²⁵ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. – С. 108.

²⁶ Włodarski B. Polska i Rus', S. 225–231; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. – С. 109–110.

²⁷ Лаппо-Данилевский А. Печати последних галицко-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. – С. 241–244.

²⁸ Подробнее об этом см.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. – М., 1972. – С. 58–60.

в начале XIV в. православной митрополичьей кафедры явилось важным политическим успехом Галицко-Волынского княжества, и что это событие, в первую очередь, "было вызвано внутренними причинами – указанным объединением и усилением этого княжества". Прав он и тогда, когда утверждает: "Самостоятельная православная митрополия, несомненно, была сильным политическим оружием в руках князя в его борьбе за усиление княжества и его политическую независимость", которые явились необходимой предпосылкой для "развития национальной культуры в привычных, традиционных формах".²⁹ О том, что самобытное развитие Галицко-Волынской Руси и во времена Юрия I Львовича подвергалось угрозе католической экспансии, свидетельствует датированное 1309 г. сообщение Яна Длугоша о неудавшейся попытке папской курии склонить "русского короля" к "повиновению Римской церкви и к союзу с ней" и тем самым подчинить его владения своему влиянию.³⁰

Ян Длугош сообщает также точные даты смерти Юрия I Львовича и его супруги Евфимии: соответственно 24 апреля и 17 марта 1308 г. По словам польского историка XV в., он был "человек изворотливый и благородный, щедрый для духовных лиц. В его правление Русь пользовалась благами мира и огромной зажиточности".³¹ Характеристика эта вполне соответствует описанию владимирским летописцем действий Юрия Львовича по захвату Берестейской земли в 1288 г.³² После его смерти Владислав Локетек принял деятельное участие в судьбе своих племянников, оказав им помощь в преодолении сопротивления местного боярства и утверждении их власти в Галицко-Волынском княжестве. "Божьей милостью князя всей Русской земли, Галиции и Владимирии" – так именуют себя Андрей и Лев Юрьевичи в грамоте от 9 августа 1316 г.³³ Их преемник Болеслав-Юрий II, хотя и пользовался печатью, изготовленной по образцу печати Юрия I Львовича, но королевский титул также не употреблял.³⁴ Следовательно, в титулатуре Юрий Львович выступает прямым и единственным в последующем ряду галицко-волыньских князей восприемником Даниила Галицкого.

Имеющиеся в наличии источники не позволяют сколько-нибудь определенно говорить о тех политических реалиях, которые послужили причиной принятия им королевского титула, но все же дают основание высказать на этот счет некоторые предположения. Как видно из сообщения Яна Длугоша, данное событие не было связано с папской курией. Скорее всего, оно обуславливалось какими-то позитивными сдвигами во внутривосточном развитии и международном положении Галицко-Волынского княжества в первом десятилетии XIV в. Если исходить из посылки, что Юрий Львович явился продолжателем политики своего деда, то следует признать, что наиболее весомыми причинами принятия им королевского титула могли быть лишь усиление великокняжеской

²⁹ Щапов Я. Н. Княжеские уставы... – С. 60, 61.

³⁰ Długosz J. Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – Warszawa, 1975. – Т. 5, ks. 9. – С. 69. Источник этой информации остается неизвестным, как, впрочем, и имя галицко-волынского князя, к которому с подобным предложением обратился папа Климент V. Вслед за Я. Н. Щаповым (Щапов Я. Н. Княжеские уставы... – С. 61) считаем, что им, по всей вероятности, был Юрий I Львович.

³¹ Długosz J. Roczniki... – С. 64.

³² Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 2. – Стб. 610–613.

³³ Куник А. А. Объяснительное введение... – С. 149.

³⁴ Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси, – С. 4–6, прим. 2; С. 77–79, 154–155; Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // Вопр. истории. – 1947. – № 7. – С. 29.

власти и распространение ее суверенитета на всю территорию, входившую в состав Галицко-Волынского княжества во времена его наибольшего могущества. Но в таком случае княжество неминуемо должно было вступить в конфликт с Золотой Ордой, который имел бы своим следствием не только ликвидацию или значительное ослабление ее верховной власти над Галицко-Волынской Русью, но и привел бы к возврату захваченного ордынцами еще в 50-х гг. XIV в. Галицкого Позышья.

В 70-х гг. XIII в. Галицкое Позышье составило ядро владений темника Ногай – всесильного временщика и вершителя государственных дел Золотой Орды на протяжении почти трех десятков лет. Непосредственная власть Ногай распространялась на все правое (западное) крыло Ордынской державы – территорию в Северном Причерноморье, простиравшуюся от междуречья Дона и Днепра на востоке до Олты, левого притока Дуная, на западе и ограниченную с севера предгорьем Карпат, а далее – рубежом Золотой Орды с Юго-Западной Русью.³⁵ Эти земли Ногай подчинил своей власти в 60–70-х гг. XIII в., во время походов золотоордынских войск на Византию и Болгарию, используя положение ханского военачальника.³⁶

С начала 70-х гг. XIII в. Ногай выступает в международных отношениях в качестве самостоятельной политической силы. /14/ Так, уже в 1270–1271 гг. он вступил в переписку непосредственно с египетским султаном ал-Мальк аз-Захиром,³⁷ в 1273 г. взял себе в жены побочную дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога Евфросинью,³⁸ что дало ему повод вмешиваться в дела Византии, Болгарии и Сербии.

Образование в Северном Причерноморье улуса Ногай, вскоре приобретшего значение второго военно-политического центра Золотой Орды, усилило зависимость от нее близлежащих земель Юго-Западной Руси, экономические и военные ресурсы которых были использованы ею во внешнеполитических акциях, направленных, в первую очередь, против Литвы и Польши.

Ипатьевская летопись уже под 1277 г. сообщает о попытке Ногай навязать княжествам Галицко-Волынской Руси зависимость от своей власти помимо ханской. Поводом для нее послужило обострение отношений между правителем Литвы Тройнатом и Львом Галицким, которого поддерживали волыньские князья: его брат Мстислав Данилович и племянник Владимир Василькович. К ним и прислал Ногай "послы своя с грамотами" такого содержания: "Всегда мь жалоуете на Литвою, осе же вы дал есмь рать и воеводу с ними Мамышья, поидете же с ним на вороги своѣ".³⁹ Примечательно, что двумя годами ранее эти же князья ходили походом на Литву, но тогда сам Лев Галицкий обращался за помощью к хану Менгу-Тимуру, который предоставил в его распоряжение не только ордынское войско, но и отряды "заднепровских" князей – брянского, смоленского, пинских и туровских – ибо, как отметил летописец, в то время "бяху вси князи в воли в Тотарьской".⁴⁰ По-видимому, перелом в отношениях Ногай с правителями Юго-Западной Руси отражает запись 1277 г. в

³⁵ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. – М., 1985. – С. 34.

³⁶ Пахимер Г. История Михаила и Андроника Палеологов. – Спб., 1862. – С. 316; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлеч. из перс. соч. собр. В. Г. Тизенгаузенем и обработ. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. – М.; Л., 1941. – Т. 2. – С. 69 (далее: Тизенгаузен. – Т. 2).

³⁷ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – М., 1966. – С. 64, 65.

³⁸ Веселовский И. М. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. – Пг., 1922. – С. 29.

³⁹ Ипатьевская летопись. – Стб. 876.

⁴⁰ Ипатьевская летопись. – Стб. 871–872.

Густинской летописи: "в се лѣто в Татарех царь Ногай".⁴¹ В летописях Северо-Восточной Руси наиболее раннее упоминание Ногай с царским титулом относится к началу 80-х гг. XIII в.⁴² О признании верховной власти Ногай галицким князем свидетельствует известие под 1280 г. Ипатьевской летописи о том, что Лев Данилович "восхотѣ собѣ части [собѣ] в землѣ Лядьской, города на Вѣкраини, еха к Ногаеви окаянному проклатому помочи собѣ прося оу него на Ляхы, он же да ему помочь...".⁴³ Таким образом, Галицкая, а за нею и другие земли Галицко-Волынской Руси первыми должны были признать зависимость от улуса Ногай. Поступление дани и вспомогательных войск из Галицко-Волынской Руси способствовали дальнейшему быстрому росту политического могущества ордынского временщика.

В начале 80-х гг. XIII в., сразу же после смерти Менгу-Тимура, Ногай выступил в роли самостоятельного правителя, вследствие чего в Золотой Орде фактически установилось двоевластие.⁴⁴ /15/ В Великом Владимирском княжении диархия в Орде вызвала существование двух соперничавших между собой из-за приоритета политических группировок феодальной знати, каждая из которых ориентировалась на один из ордынских центров, пользуясь его поддержкой и военной помощью.⁴⁵ Подобную же раздвоенность ориентации у князей Юго-Западной Руси предполагал В. Т. Пашуто.⁴⁶ Она, в частности, просматривается во взаимоотношениях галицких и волыньских князей во второй половине 80-х гг. XIII в. Им же подмечена тенденция к улучшению в дотоле недружелюбных отношениях между Львом Галицким и Мстиславом Даниловичем, после того как Мстислав объединил под своей властью всю Волынь в 1289 г.⁴⁷ Этим годом обрывается официальное летописание Юго-Западной Руси, представленное для большей части XIII в. Галицко-Волынской летописью, а вместе с ним и сколько-нибудь систематические сведения о внутривнутриполитическом развитии данного региона Руси и его отношениях с Золотой Ордой. Между тем скудные известия летописей Северо-Восточной Руси и ряда иностранных источников указывают на то, что именно в этих сферах на рубеже XIII–XIV вв. произошли важные изменения, последствия которых в конечном счете предопределили результат экспансии литовских и польских феодалов на Юго-Западную Русь.

Изменения в отношениях между Юго-Западной Русью и Золотой Ордой, оказавшие существенное влияние на кратковременное возвышение Галицко-Волынского княжества в последние годы правления Льва I Даниловича и при его сыне-преемнике, безусловно находились в прямой зависимости от хода напряженной борьбы хана Токты против Ногай, завершившейся поражением временщика и ликвидацией его улуса как самостоятельной политической силы. Первое военное столкновение Ногай с Токтой произошло в конце 1298 –

⁴¹ Густинская летопись // ПСРЛ. – СПб., 1843. – Т. 2. – С. 345.

⁴² Симеоновская летопись // ПСРЛ. – СПб., 1913. – Т. 18. – С. 78; НПЛ. – С. 327.

⁴³ Ипатьевская летопись. – Стб. 881.

⁴⁴ Насонов А. Н. Монголы и Русь. – М.; Л., 1940. – С. 70; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой орды. – М., 1973. – С. 72–73; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 58.

⁴⁵ Насонов А. Н. Монголы и Русь. – С. 71–77.

⁴⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – С. 296. /156/

⁴⁷ /156/ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – С. 131–132, 290.

начале 1299 г. на границе их владений где-то в низовьях Северского Донца.⁴⁸ Войска Токты были разбиты, бежали к Дону и часть их утонула в реке. Сам Токта бежал в Сарай. Вскоре однако он собрал новое войско и, когда на его сторону перешло несколько эмиров из лагеря противника, вторгся во владения Ногая. Решающее сражение произошло, по свидетельству большинства арабских авторов, "в местности, называемой Куканлык", в 699 г. хиджры (28 сентября 1299 – 15 сентября 1300 г.) и завершилось полным разгромом сил Ногая и его смертью от руки русского воина.⁴⁹ Несколько иную, но близкую к указанной, датировку событий, дает Рашид ад-Дин, утверждая, что в 1300 г. произошло первое сражение, но второе последовало вскоре за ним.⁵⁰ Он приводит весьма ценные подробности, которых /16/ отсутствуют у других авторов. Так, по словам Рашид ад-Дина, когда Токта набрал новое войско и двинулся на Ногая, Ногай отступил, потому что часть его войска отказала ему в поддержке. Всесильный временщик был разгромлен где-то в низовьях Южного Буга или Днестра, куда войска Токты пришли, переправившись "через реку Узи" (Днепр). Рашид ад-Дин сообщает, что Ногая настиг "русский всадник из солдат Тохты, нанес ему рану" и повел к Токте, но по дороге Ногай умер.⁵¹ По другим же сведениям, Ногай был убит русским воином после того, как назвал себя и приказал отвести к Токте, за что этот воин также был убит.⁵²

Княжества Юго-Западной Руси оказались втянуты в междоусобную феодальную войну в Золотой Орде, причем, как подсказывает ход событий, в начале ее на стороне Ногая. Перипетии и исход этой войны по-разному отразились на их положении. Одной из первых жертв противоборства между Токтой и Ногаем стало Киевское княжество, подвергшееся опустошению во время похода ханских войск на правобережье Днепра. О каких-то политических потрясениях той поры в Киеве очень глухо упоминают летописи Северо-Восточной Руси и то лишь в связи с перенесением митрополичьей кафедры из Киева во Владимир-на-Клязьме. Под 1300 г. они сообщают, что митрополит Максим, "не терпя татарского насилия, остави митрополию и збежа из Киева", и "весь Киев, – прибавляет летописец, – разбежался".⁵³ Нейтральный характер записи (без упоминания имен Ногая и Токты) говорит о том, что в ней, вероятнее всего, подразумевались действия ханских войск. Летописному известию не противоречит принятое в 1354 г. патриаршим собором постановление о перенесении кафедры русской митрополии из Киева во Владимир-на-Клязьме. Содержащиеся в нем сведения позволяют несколько прояснить сокрытое летописцем. Так, причинами перенесения митрополичьей кафедры из Киева документ называет обстоятельства, вследствие которых город "сильно пострадал от смут и беспорядков (настоящего) времени (т. е. 1353–1354 гг. – *Авт.*) и от страшного напора соседних Аламанов и пришел в крайне бедственное состояние"; вот почему русский митрополит Феогност "и, прежде него, двое других", "имея здесь не такую паству, какая им

⁴⁸ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. – С. 200.

⁴⁹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды // Извлеч. из соч. араб. – Спб., 1884. – Т. 1. – С. 113–114. (далее: Тизенгаузен. – Т. 1).

⁵⁰ Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 71.

⁵¹ Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 72.

⁵² Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 109, 117, 157, 382, 435.

⁵³ Суздальская летопись. – Стб. 461; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Спб., 1856. – Т. 7. – С. 182; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11. – С. 372; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 61.

приличествовала, но сравнительно с прежними временами весьма недостаточную, так что им не доставало необходимых средств содержания, переселилась отсюда" во Владимирскую епископию, "которая могла доставить им постоянные и верные источники доходов".⁵⁴ Оба источника, таким образом, свидетельствуют о разорении Среднего Поднепровья и его центра ордынцами, вероятнее всего войсками Токты. Однако настоящая причина /17/ перенесения митрополичьей кафедры из Киева в столицу Владимирского великого княжения заключалась, конечно, не в уменьшении ее доходов, вызванном этим разорением, а в возникновении после 1300 г. новой расстановки политических сил в Восточной Европе, в усилении на Руси объединительных тенденций и обострении разжигаемого ордынской дипломатией соперничества между ее крупнейшими феодальными центрами. Сообщением о переезде митрополита Максима на жительство из Киева во Владимир-на-Клязьме в 1300 г. прерывается более чем на четверть века информация летописей Северо-Восточной Руси о Среднем Поднепровье и Галицко-Волынском княжестве, что лишает исследователя возможности дать сколько-нибудь точное определение политического статуса Киева и характера его отношений с галицко-волынскими князьями. Подобное умолчание единственного надежного источника представляется фактом далеко не случайным. Возможно, это обстоятельство указывает на то, что в первой четверти XIV в. Киев вместе с принадлежавшей ему территорией в Среднем Поднепровье находился в сфере преобладающего политического влияния Галицко-Волынского княжества.

В отличие от правящей верхушки Киевского княжества правители Галицко-Волынской Руси своевременно оценили ситуацию, сложившуюся в степях Северного Причерноморья под влиянием наступившего перелома в ходе междоусобной борьбы в Золотой Орде, и сумели извлечь из нее определенные политические выгоды, в частности, отодвинуть южные границы своих владений вплоть до устьев Южного Буга и Днестра.

Этот вывод основывается на анализе общей политической обстановки, возникшей в северо-западном регионе Причерноморья в результате ликвидации улуса Ногая, с учетом главной тенденции во взаимоотношениях Руси и Золотой Орды в первой четверти XIV в., а также свидетельств некоторых иноземных источников.

Внутренняя феодальная война 1299–1300 гг. подорвала военно-политическое могущество Золотой Орды, что временно снизило ее активность на международной арене. Так, первое в XIV в. пограничное столкновение между войсками Хулагуидов и Джучидов в Закавказье фиксируется только в сентябре – октябре 1308 г.,⁵⁵ между тем как на протяжении почти всей второй половины XIII в. именно военный конфликт с иранскими Хулагуидами за обладание Арраном и Азербайджаном притягивал внимание правителей и основные силы Золотой Орды. Хотя последующее десятилетие правления Токты прошло под знаком усиления ханской власти и внутригосударственных преобразований, одним /18/ из которых явилась денежная реформа 1310 г., ордынская держава в тот период была явно не в состоянии осуществлять, как это делала ранее, военное вмешательство во внутривосточные отношения на Руси и предпочитала удерживать зависимость северо-восточных русских княжеств при помощи дипломатических средств. Лишь в 1313 г. Токта предпринял попытку организовать поход на русские земли, но и она не была завершена в связи с его смертью.⁵⁶ Нет оснований считать, что в отношении Юго-Западной Руси Золотая Орда проводила в то время иную политику. Более того, источники показывают,

⁵⁴ *Памятники древнерусского канонического права* // РИБ. – 2-е изд. – Спб. 1908. – Т. 6. – Прил. – № 12. – Стб. 64, 66.

⁵⁵ *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – С. 68.

⁵⁶ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. – С. 79–81; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды. – С. 203.

что ханская власть была вынуждена пойти на определенные уступки галицко-волынским князьям.

В самом деле, в источниках нет свидетельств об участии галицко-волинских войск в первой четверти XIV в. в организованных Золотой Ордой походах на соседние страны. Единичное упоминание об ордынцах, наряду с галицко-волинскими воинами принявшими участие в нападении отрядов Владислава Локетка на Сандомирскую землю в 1302 г.,⁵⁷ не противоречит возникшей ситуации. Более того, и неудачный исход похода, и последовавшее за ним восстановление польского суверенитета над Люблином и Люблинской землей указывают на то, что в 1302 г. главные военные силы Галицко-Волинского княжества надолго были прикованы к иному месту, далеко от Люблина. Можно, следовательно, утверждать, что в первой четверти XIV в. с населения Галицко-Волинского княжества не взималась "дань кровью" – одна из наиболее тяжких и унижительных повинностей золотоордынского ига.

Среди других источников первостепенное значение для характеристики отношений между Золотой Ордой и Галицко-Волинской Русью в тот период имеют два документа: уже упоминавшаяся грамота князей Андрея и Льва Юрьевичей от 9 августа 1316 г. и письма польского короля Владислава Локетка к папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г. В первом галицко-волинские князья брали на себя обязательство защищать от нашествий ордынцев земли Тевтонского ордена, "покуда это нам (т. е. Андрею и Льву Юрьевичам. – *Авт.*) будет возможно".⁵⁸ Во втором – польский король сообщает, что в связи с гибелью "последних двух русских князей из рода схизматиков", чьи непосредственные действия против ордынцев служили "непреодолимым оплотом" для запада, возникла угроза захвата Ордой соседних с его владениями русских земель, "с которых, по обыкновению, уплачивалась ежегодная дань".⁵⁹ Отсюда следует вывод: в начале XIV в. Галицко-Волинское княжество длительное время успешно противостояло военному натиску ордынцев и одновременно уплачивало Орде ежегодную дань. Кажущаяся противоречивость этого вывода /19/ снимается, если обратиться к конкретной политической ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье после ликвидации улуса Ногай, и принять во внимание формы и эффективность воздействия на нее ханской власти в рассматриваемый период.

Победа над Ногаем и раздел его владений между братьями, а затем и сыновьями Токты, не означали, что в Золотой Орде сразу же была достигнута внутривластная стабильность и установилось единодержавие. Власть сконцентрировалась в руках Токты только после смерти его братьев Сарай-Буки (1301/1302) и Бурлюка (1309/1310).⁶⁰ Потребовалось какое-то время и для того, чтобы установить достаточно эффективный военно-политический контроль ханской власти над Северным Причерноморьем, ставшим после отхода войск Токты ареной борьбы между различными группировками феодальной кочевой аристократии этого региона. Сначала во владениях бывшего временщика попытался

⁵⁷ МРН. – Т. 2. – С. 853, 879; Т. 3. – С. 186; Długosz J. Roczniki... – С. 23–24. В Густинской летописи об этом эпизоде имеется следующая запись: "В лѣто 6808 (1300). В тож лѣто Русь собрася со вожем своим Петром Галкою, и с Татари и Литвою, в Судомирскую страну вшедше, въшир и въдолж огнем и мечем поплѣниша, и в Корчинѣ замок зажгоша, и со великою користію возвратишася; но единаче погониша их Ляхи под Люблином и поразиша, и побѣгоша в Люблин, но и там их гладом поддаться принудиша" // Густинская летопись. – С. 348.

⁵⁸ Куник А. А. Объяснительное введение... – № 4. – С. 152. Принимаем конъектуру этой фразы, предложенную П. Ф. Параской. См.: Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – Кишинев, 1981. – С. 68.

⁵⁹ Куник А. А. Объяснительное введение... – № 4. – С. 152.

⁶⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 73.

утвердиться его старший сын Джека (Чека), но против него выступили местные, вероятно, наиболее влиятельные эмиры Тунгуз и Таз. С помощью призванных ими ханских отрядов они принудили Джеку бежать в землю алан (асов), располагавшихся в начале XIV в. западнее Днестра, а оттуда в одну из столиц Болгарии, в Тырново, где он и был убит.⁶¹ Неудачной оказалась и последняя попытка восстановить былой улус Ногая, предпринятая в 1303–1304 гг. Каракишеком, сыном Джеки.⁶² Но и после нее политическая обстановка в Северном Причерноморье не отличалась устойчивостью.

Исследуя внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства, П. Ф. Параска проанализировал сведения письменных источников о политической ситуации в северо-западной части Причерноморья в начале XIV в. и сделал следующие приемлемые в общем и целом выводы: 1) после поражения Ногая и подавления сепаратизма его сыновей и внуков и вплоть до начала 30-х гг. XIV в. в рассматриваемом регионе не наблюдалось сколько-нибудь значительной концентрации военных сил Золотой Орды, никоим образом не проявлялась и ее активность в направлении Галицко-Волынской Руси, Польши и Венгрии; 2) в условиях ликвидации улуса Ногая и невозможности для ханской власти установить контроль над бывшими владениями временщика они становятся объектом наступления Тырновской Болгарии, под власть правителя которой – Святослава – в самом начале XIV в. попадает северо-западное побережье Черного моря, включая Белгород и устье Днестра, а также Галицко-Волынского княжества, в чью сферу политического влияния снова была включена значительная часть Днестровско-Карпатских земель, в том числе и бывшие владения ордынцев западнее Дне- /20/ стра.⁶³ Последний вывод основан главным образом на свидетельствах анонимного автора "Описания Восточной Европы", который, осуществив в 1308 г. путешествие из Константинополя в Польшу, оставил интересные сведения о крае. Так, он вовсе не упоминает об ордынках на северо-западе Причерноморья, но зато сообщает, что огромная страна "Рутения" соседствует с Болгарией и "Грецией", т. е. Византийской империей, и является данницей Орды, называет князя Льва.⁶⁴ Известен также факт распространения в 1299 г. власти "русского князя Льва" на некоторые земли Закарпатья, ранее захваченного Венгерским королевством.⁶⁵ Возврат части Закарпатья под контроль Галицкого княжества на исходе XIII в. свидетельствует о значительной его внешнеполитической активности на своих юго-западных рубежах как раз во время краха улуса Ногая.

Отголоском каких-то событий, связанных с военно-политической активностью Галицко-Волынского княжества в низовьях Днестра в самом начале XIV в., является сообщение арабских историков о том, что выступившие против Джеки бывшие сторонники Ногая Тунгуз и Таз готовили "грабительский поход на земли Валахов и Русских". По словам Ибн-Хальдуна, поход должен был состояться против асов и русских.⁶⁶ Из дальнейшего повествования арабских источников о судьбе Джеки ясно видно, что "землей Валахов" в них обозначалась Тырновская Болгария. В свое время Ю. А. Кулаковский убедительно доказал,

⁶¹ Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 177, 161, 384.

⁶² Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 382, 435; Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 71, 72.

⁶³ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... – С. 64–67.

⁶⁴ ADEO – Р. 38, 40, 42, 43; Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... – С. 65–67.

⁶⁵ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. – С. 108.

⁶⁶ Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 117, 160, 383, 384.

что в начале XIV в. аланы имели владения в Нижнем Попрутье и Поднестровье.⁶⁷ По мнению П. Ф. Параски, упоминаемой в арабских источниках "землей русских" не могла быть какая-нибудь отдаленная галицко-волынская область, но, вероятно, это были "те области между Днестром и Карпатами, которые населяли восточные славяне, образуя традиционно русскую политическую сферу".⁶⁸ До разгрома Ногай этот район не только даннически зависел от власти временщика, но и, в отличие от большинства других территорий Юго-Западной Руси, пребывал под непосредственным управлением ордынской администрации. Промежуточная зона, разделявшая галицкие и золотоордынские владения, к началу XIV в. находилась гораздо севернее его, достигая южных рубежей Шипинской земли (Буковины), не входившей в состав Золотой Орды,⁶⁹ и округа Бакоты в среднем течении Днестра.⁷⁰

Таким образом, данные об отношениях Галицко-Волынского княжества и Золотой Орды на рубеже XIII–XIV вв. и о политической обстановке в Северном Причерноморье после ликвидации улуса Ногай позволяют конкретизировать высказанную ранее мысль и сформулировать ее в виде следующего предварительного, в силу недостаточной изученности вопроса, вывода. /21/

В первой четверти XIV в. галицко-волынские князья не обрели независимость от верховной власти в Золотой Орде, но сюзерен их поменялся, и им снова стал золотоордынский хан, которому по-прежнему уплачивалась ежегодная дань, взимаемая с населения Галицко-Волынского княжества (правда, о размерах этой дани ничего не известно). В условиях разгрома улуса Ногай и затянувшейся феодальной анархии в среде местной кочевой аристократии, неспособности ханской власти совладать с сепаратистскими тенденциями и установить достаточно эффективный военно-политический контроль над правым крылом Золотой Орды галицко-волынские князья, действуя, возможно, вначале с санкции хана Токты, но в интересах большинства феодалов Галицко-Волынской Руси, приняли активное участие в подавлении движения оппозиционных ханской власти группировок золотоордынской знати. Результатом военно-политических акций Галицко-Волынского княжества против отделившихся от сарайского центра орд Северного Причерноморья был возврат в 1300–1302 гг. в состав княжества большей части отторгнутого ранее ордынцами Галицкого Понизья, включая территории, прилегающие к устьям Южного Буга и Днестра. Территориальные приобретения на юге Галицко-Волынскому княжеству пришлось отстаивать в упорной борьбе против натиска орд из района Северного Причерноморья, которому оно успешно противостояло в течение двух первых десятилетий XIV в., до тех пор пока окрепшее при хане Узбеке (1314–1342) золотоордынское государство не перешло в наступление на своих западных окраинах.

К власти в Золотой Орде Узбек пришел через убийство сына Токты Ильбасмыша и расправу над оппозицией, выступившей против курса нового хана на централизацию государства, его мусульманизацию и сближение кочевой знати с оседлой частью населения. В числе наиболее деятельных участников оппозиции, убитых в 1313 г., были эмиры правого крыла Таз и Тунгуз.⁷¹ Это был решительный шаг ханской власти к укреплению ее позиций в

⁶⁷ Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей – Киев, 1899. – С. 66–71.

⁶⁸ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... – С. 63–64.

⁶⁹ Тимошук В. О. Давньоруська Буковина // (X – перша половина XIV ст.). – К., 1982. – С. 86–99, 202–203.

⁷⁰ Егоров В. Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках // Вопр. истории – 1985. – № 1. – С. 18–19.

⁷¹ Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 100, 141, 385; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – С. 104.

правом крыле Золотой Орды. Но цель была достигнута, по-видимому, лишь через несколько лет. К 1317 г. власть Узбека была утверждена в междуречьи Днепра и Дона, о чем свидетельствует начало в том году работы Азакского монетного двора по чеканке монет этого хана.⁷² К началу 20-х гг. XIV в. она восторжествовала и в кочевьях Днепровского Правобережья, следствием чего было усиление внешнеполитической и военной активности Золотой Орды на ее западных рубежах. Угроза возможного нашествия явственно ощущалась правящими кругами Галицко-Волынского княжества, как это видно из грамоты его князей, уже в 1316 г. Она в еще более реальной форме была воспринята в Византии /22/ в 1321 г., где послужила правдоподобным поводом для набора войска Андроником Младшим, который использовал его не для отражения нашествия "приистрийских скифов", так и не появившихся на византийской границе, а с целью свержения императора Андроника Старшего.⁷³ Подобная ситуация повторилась в 1325 г., когда слухи о вторжении ордынцев заставили многих сельских жителей Фракии бежать из родных мест и искать убежище в крепостях.⁷⁴ Слухи эти были, по-видимому, обоснованны, отражая военные действия ордынских войск против Галицко-Волынского княжества. Конфронтация между ними в начале 20-х гг. XIV в. представляется неизбежной.

В это же время погибли галицко-волынские князья Лев и Андрей Юрьевичи. Судя по записи на одной из луцких рукописей, датированной 1462 г., оба князя были еще живы в мае 1321 г. Запись гласит: "В лето 6029 (1321) при благоверном князи галицком Илве и Андреи, при воеводе Коломыиском Ходку стулника Илвова скончашася сия книги месяца маия 21 дня".⁷⁵ Из грамот Андрея Юрьевича, данных в г. Владимире краковским и торнским (торунским) купцам 27 августа 1320 г., известно, что он был князем владимирским ("Божьей милостью князь владимирский и господарь земли Русской", "Божьей милостью князь Владимирии и господарь Руси"),⁷⁶ т. е. князем Волынской земли. Следовательно, братья разделили земли княжества и правили вполне самостоятельно: Лев в Галиче и Андрей во Владимире. Но уже весной 1323 г. обоих галицко-волынских князей постигла смерть. Неопровержимое тому доказательство – письмо их дяди по материнской линии польского короля Владислава Локетка к папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г., в котором он, сообщая о смерти, постигшей "последних двух русских князей из рода схизматиков", выражал озабоченность в связи с возникшей по этой причине возможностью захвата ордынцами Руси, откуда они могли беспокоить соседние польские земли, и просил папу поддержать его провозглашением крестового похода и другими средствами.⁷⁷ Обстоятельства гибели Льва и Андрея Юрьевичей остались неизвестными. Возможно, они погибли в сражениях с ордынцами, но не исключено также, что были отравлены. Уже первые исследователи письма Владислава Локетка отмечали, что его соответствующая фраза дает основание предполагать одновременную или весьма близкую по времени насильственную смерть обоих князей, которым в ту пору было не более 31 или 30 лет, а упоминание о нависшей над Русью и соседней Малой Польшей ордынской угрозе свидетельствовало в пользу версии об их гибели

⁷² Фомичев Н. М. Джучидские монеты из Азова // СА. – 1981. – № 1. – С. 2.

⁷³ Григора Н. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. – Спб., 1886. – Т. 1. – С. 293.

⁷⁴ Григора Н. Римская история... – С. 369.

⁷⁵ Цит. по: Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... – С. 156.

⁷⁶ Куник А. А. Объяснительное введение... – № 3. – С. 150–151.

⁷⁷ Куник А. А. Объяснительное введение... – № 4. – С. 152.

в борьбе с Золотой Ордой.⁷⁸ К этой версии, видимо, склонялся и В. Т. Пашуто, когда указывал, что целью основ- /23/ ного внешнеполитического курса последних галицко-волынских князей из рода Романовичей было ослабление зависимости их владений от Золотой Орды.⁷⁹ В любом случае изложенная в белорусско-литовских летописях версия о гибели обоих галицко-волынских князей в ходе войны с Литвой документально не подтверждается; наоборот, она противоречит сообщению "Летописца великих князей литовских" о достигнутом незадолго до этого трагического события мирном соглашении Литвы с Галицко-Волынским княжеством, скрепленным династическим браком между Любартом Гедиминовичем и дочерью волынского князя Андрея Юрьевича.

При последних Романовичах Галицко-Волынская Русь продолжала оставаться значительным объединительным центром в разбитой на княжеские уделы Юго-Западной Руси. Ее политическое влияние возрастало во времена, когда Галицкая и Волынская земли объединялись под властью одного из Романовичей, как это было при Юрии Львовиче, а возможно, и в последние годы княжения Льва I Даниловича.⁸⁰ В первые десятилетия XIV в. Галицко-Волынское княжество оставалось достаточно сильным, чтобы играть заметную роль в международных отношениях стран Восточной Европы и даже добиться определенных успехов в борьбе против господства Золотой Орды в кратковременный период ослабления ее военно-политического могущества. Длительная конфронтация с причерноморскими ордами, по-видимому, подорвала военно-экономический потенциал Галицко-Волынского княжества. На внутривнутриполитической ситуации и международном положении княжества сказался также неудачный исход открытого его противоборства с усилившейся при хане Узбеке Золотой Ордой в начале 20-х гг. XIV в. Не сохранилось никаких конкретных данных, могущих дать представление о размерах и последствиях бедствия, постигшего Галицко-Волынское княжество. Но одновременная или почти одновременная гибель обоих его правителей, реальная угроза захвата их владений Золотой Ордой, о чем идет речь в известном письме польского короля к папе Иоанну XXII, наконец, более поздние сведения белорусско-литовских летописей о наличии к началу 40 гг. XIV в. ордынской администрации в Подольской земле, в том числе и на территории бывшего Галицкого Понизья, – все это косвенно свидетельствует о значительности поражения, нанесенного крупнейшему княжеству Юго-Западной Руси в 1323 г.

Опустошение ханскими войсками территории Киевского княжества в 1300 г., поражение от Золотой Орды, которое потерпело Галицко-Волынское княжество в 1323 г., продемонстрировали, что соотношение сил между Юго-Западной Русью и Золотой Ордой /24/ все еще не в пользу русских княжеств. Не лучшим образом для них складывалась и международная обстановка: в открытом противоборстве с государством чужеземных поработителей Галицко-Волынское княжество, очевидно, рассчитывало только на свои силы. Серьезные удары, нанесенные Золотой Ордой по двум крупнейшим центрам Юго-Западной Руси в первой четверти XIV в., не могли не наложить отпечаток на политическое сознание местного боярства. Как показывает дальнейший ход политического развития этого региона, и ранее отсутствовавшее единство в его феодальной среде усугубляется к середине 20-х гг. XIV в. усилением группировки, стремившейся добиться свержения золотоордынского ига

⁷⁸ См., например: *Линниченко И. А.* Замечания на статью проф. И. Режабека и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. – С. 108–109.

⁷⁹ *Пашуто В. Т.* Борьба русского народа за независимость в XIII в. // Очерки истории СССР: Период феодализма, IX–XV вв. – М., 1953. – Ч. 1. – С. 906.

⁸⁰ Точные даты смерти галицко-волынских князей, княживших на рубеже XIII–XIV вв., неизвестны. Лев Данилович в последний раз упоминается в источниках в 1299 г., /157/ но годом его смерти обычно считается 1301 г. В Ипатьевской летописи Мстислав Данилович последний раз упомянут в 1289 г., которым и обрывается эта летопись, а его сын Даниил – 1280 г. (*Ипатьевская* летопись. – С. 616, 581.).

при опоре на внешние силы и с сохранением собственных сословно-классовых привилегий. Одновременно происходит рост рядов сторонников программы восстановления единства всех древнерусских земель и мобилизации их сил для совместной борьбы против золотоордынского ига и внешней агрессии. Усиление обеих этих группировок происходило, видимо, за счет разуверившихся приверженцев региональной программы политического объединения, которую в Юго-Западной Руси наиболее последовательно стремилась воплотить в жизнь на протяжении более чем столетия династия Романовичей. Гибель Льва и Андрея Юрьевичей знаменовала не только пресечение династии Романовичей,⁸¹ но и была в глазах современников весьма наглядным проявлением краха их династической программы, свидетельством невозможности добиться собственными силами объединения если не большинства земель Юго-Западной Руси, то всей территории Галицко-Волынского княжества периода его наивысшего могущества в тяжелейших условиях чужеземного ига.

Прекращение местной княжеской династии явилось дополнительным фактором, отрицательно повлиявшим на внутривосточное и международное положение Галицко-Волынской Руси. Экономически сильное крупное галицкое боярство, ослабленное при Данииле Романовиче (1238–1264) и его ближайших преемниках, снова начинает играть ведущую роль в политической жизни Галицко-Волынской Руси, пытаясь использовать аппарат власти для закрепления своего доминирующего социально-экономического статуса. Гибель последних Романовичей способствовала также усилению захватнических устремлений правящих кругов соседних феодальных государств, использовавших это событие для вмешательства во внутренние дела Галицко-Волынской Руси. Кроме Литвы, с притязаниями на эту территорию выступили определявшие политику Польского королевства малопольские паны, феодалы Венгрии и находившиеся в дальних родственных связях с Романовичами князья Силезии и Мазовии. Большой интерес к Галицко-Волынской Руси проявила папская курия, как и прежде, игравшая роль вдохновителя католической феодальной агрессии в Восточной Европе. Активное участие в борьбе этих сил за земли Юго-Западной Руси, в том числе галицко-волыньские, приняла также Золотая Орда, стремившаяся посредством столкновения противоречивых интересов феодальных группировок и военных вторжений сохранить свое господство в данном регионе.

Наиболее реальным соперником Литвы в последовавшей схватке за Галицко-Волынскую Русь явилась Польша, добившаяся к тому времени заметных успехов на пути преодоления феодальной раздробленности и политического объединения своих земель. Проявлением этих успехов стала коронация в 1320 г. Владислава Локетка (1306–1333), под властью которого объединилось большинство польских земель, за исключением Мазовии, Силезии, части Куявии и Гданьского Поморья, захваченного в 1308 г. Тевтонским орденом.⁸² Образование Польского национального государства осложнялось, однако, не только сопротивлением усилению королевской власти со стороны удельных князей, еще не изжитым полицентризмом польских земель, но и противодействием объединительным тенденциям со стороны постепенно усиливавшейся в Центральной Европе и претендовавшей на польский трон династии Люксембургов, а также вследствие агрессивной политики Бранденбурга и особенно Тевтонского ордена, стремившегося к захвату значительной части польской территории.

Необходимость отпора натиску враждебных внешних сил обусловила сближение

⁸¹ После гибели обоих Юрьевичей продолжала существовать происходившая от внука Даниила Галицкого Василька Романовича младшая ветвь династии Романовичей – род князей Острожских, не обладавший, однако, наследственными правами на галицко-волынский трон. *Власьев Г. А.* Князья острожские и друцкие // Изв. Рус. генеал. об-ва. – СПб., 1911. – Вып. 4. – С. 14–15.

⁸² *Historia Polski* – Warszawa, 1957. – Т. 1, cz. 1. – S. 432–440; *Baszkiewicz J.* Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII–XV w.w. – Warszawa, 1954. – S. 401–410; *Polska dzielnicowa i zjednoczona*. – Warszawa, 1972. – S. 235–256.

Польши с Венгрией, политический союз между которыми был оформлен в 1320 г. Направленный главным образом против блокировавшихся между собой Ордена и Люксембургов, польско-венгерский союз вместе с тем сыграл немаловажную роль в реализации давних захватнических устремлений феодальной элиты обоих государств по отношению к Галицкой Руси.

Анализ источников дает возможность установить последовательность наиболее важных политических событий в Юго-Западной Руси, в результате которых ее территория была захвачена соседними феодальными государствами. Первой подверглась нападению Галицкая земля: уже летом – осенью 1323 г. в ее пределы вторглись войска Польского и Венгерского королевств.⁸³ Литва также предприняла попытку присоединить северную часть Галицко-Волынского княжества. Но сначала ее правящей верхушке пришлось решить вопрос об обеспечении мира на западных границах, где особую опасность для собственно литовских земель /26/ представляли почти беспрерывные опустошительные нападения крестоносцев.

С этой целью Гедимин в мае 1323 г. перевел на более реальную основу установленные им еще в конце 1322 г. дипломатические контакты со странами Западной Европы, дав свое согласие на крещение населения Литвы по католическому обряду и обещая передать спорные вопросы, существовавшие между нею и обоими Орденами, на рассмотрение папской курии.⁸⁴ В результате этих дипломатических маневров Великое княжество Литовское добилось желаемой мирной передышки на четыре последующих года. 2 октября 1323 г. в Вильно был подписан мирный договор между Литвой, Ливонским орденом, Ригой и Данией, а в следующем году под давлением папской курии военные действия против Литвы приостановил и Тевтонский орден.⁸⁵ Таким образом, лишь в октябре 1323 г. сложились благоприятные условия для наступления литовских войск на Волынь.

Датировка их похода концом 1323 г. вполне соответствует летописному известию об отходе войск Гедимины с Волыни на зимовку: "А потом на зиму шол до Берестья и з Берестья вси войска роспустил, а сам у Берестья зимовал".⁸⁶ Вопреки сведениям белорусско-литовских летописей и повествованию М. Стрыйковского непродолжительность похода (не более двух месяцев) как будто исключает возможность проникновения литовских войск в пределы Галицкой земли в том же 1323 г. Подобное мероприятие было бы явно нецелесообразным ввиду планировавшегося Гедимином похода против Киевского княжества.

В соответствии с белорусско-литовскими летописями, после захвата Волыни Гедимин, "собравши вси силы литовскийи и жомотскийи, и рускийи, и поиде на други недели по Велице дни (т. е. после 15 апреля. – *Авт.*) на князя Станислава киевского". Киевское княжество, в состав которого в начале XIV в. входила значительная часть Среднего Поднепровья, несомненно представляло одну из главных целей экспансии литовских феодалов в Юго-Западной Руси. Несмотря на значительные разрушения, причиненные полчищами Батыя и последующими вторжениями, Киев и под игом ордынских ханов оставался в XIV–XV вв. важным экономическим, политическим и культурным центром Восточной

⁸³ Dąbrowski J. Z czasów Łokietka // RAU. – T. 59. – S. 318–321; Zakrzewski St. Wpływ sprawy ruskiej na państwo polskie w XIV w. – Zamość, 1922. – S. 15–16, 21.

⁸⁴ *Послания Гедимины* / Подгот. В. Т. Пашуто и И. В. Шталь. – Вильнюс, 1966. – № 2. – С. 22–26; Пашуто В. Т. Послания Гедимины как исторический источник // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящен. 75-летию профессора С. Н. Валка. – М.; Л. 1964. – С. 471; Prochaska A. O prawdziwosci listów Gedymina. – Kraków, 1895. – S. 3–6.

⁸⁵ *Послания Гедимины*. – № 8. – С. 64–74; № 13. – С. 112–116.

⁸⁶ *Летопись* Археологического общества // ПСРЛ. – Т. 35. – С. 95.

Европы.⁸⁷ Через него проходил один из главных торговых путей из Центральной Азии в Западную Европу. Для населения различных частей Руси Киев оставался воплощением лучших традиций древнерусского наследия, символом былого политического единства русских земель. Этот фактор учитывался в Константинополе, и поэтому после перенесения в 1300 г. митрополичьей кафедры во Владимир-на-Клязьме Киев сохранил за собой номинальное значение религиозного центра всей Руси. Как разъяснял в 1380 г. константинопольский патриарх Нил, нельзя было стать архиереем Руси, "не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси".⁸⁸ Примерно также определяли значение Киева и правители Великого княжества Литовского. Например, Витовт, который на рубеже XIV–XV вв. стремился к усилению политики территориальных приобретений на Руси, отзывался о нем как о "главе всех русских земель".⁸⁹ Подчинение Киева власти великих литовских князей должно было "узаконить" их притязания на все территориальное наследство Древнерусского государства.

Как повествуют белорусско-литовские летописи, войска Гедимины, подойдя к рубежам Киевской земли, овладели Овручем и Житомиром, а затем вблизи Белгорода на р. Ирпень разгромили главные силы киевского князя, в состав которых входили, кроме ополчения местного боярства и княжеской дружины, войска брянского князя Романа, переяславского Олега и луцкого (?) Льва.⁹⁰ После этого литовские войска захватили Белгород и осадили Киев, и "кияне почалися ему (Гедимину. – *Авт.*) боронити". Только после месячной осады киевские бояре, потеряв надежду на помощь извне, признали, как перед этим волынские феодалы, власть великого литовского князя, обусловив взамен сохранение за ними земельной собственности ("отчин"). Власть Гедимины поддалась и киевские "пригородки" – Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Снепород, а также Переяславль-Русский. Перед тем как возвратиться в Литву, отмечают белорусско-литовские летописи, Гедимин оставил своим наместником в Киеве и на пригородах Ольгимунта, сына князя Миндовга Гольшанского.

Летописный рассказ о взятии Гедимином Киева, как и вопрос о конкретных исторических обстоятельствах подчинения Киевского княжества власти литовских феодалов, привлекали внимание еще буржуазных исследователей. Некоторые из них, отметив недостоверность содержащихся в этом рассказе отдельных сведений и фактов, вообще отрицали за ним какую-либо ценность как исторического источника. Противоположное мнение отстаивал Н. Дашкевич, которому удалось доказать достоверность историко-географических сведений рассказа. Им же впервые был поставлен вопрос об этапности утверждения власти литовских князей над Киевской землей и в связи с этим об

⁸⁷ Подробнее об этом см.: *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII–XV веках. – Киев, 1982.

⁸⁸ *Памятники древнерусского канонического права* // РИБ. – Т. 6. – Прил. № 30. – Стб. 180; см. также № 12. – Стб. 64–70.

⁸⁹ *СЕВ.* – Р. 780.

⁹⁰ *Летописи белорусско-литовские.* – С. 95–96, 152–153, 179–180, 200, 221. Названные здесь княжеские имена в большинстве случаев, как это давно признано в литературе, не являются подлинными. Исключение составляет Лев, если летописец подразумевал, что им был Лев Юрьевич, князь галицкий, и, возможно, Станислав Киевский. В пользу историчности последнего говорит упоминание в Любецком синодике "Князя Иоанна Станиславовича", жившего, по-видимому, во второй половине XIV в., на что обратил внимание Ст. Кучиньский. (*Kuczyński St. M.* Ziemie czernigowsko-siewierskie pod rządami Litwy. – Warszawa, 1936. – S. 108. – Not. 71). Вымыслом являются и некоторые другие подробности: участие в киевских событиях князя Льва, родственные связи Романа Брянского, умершего задолго до похода Гедимины на Киев, дальнейшая судьба киевского князя и др. Все это, впрочем, не исключает возможности противоборства с войсками Гедимины коалиции соседних княжеств во главе с Киевским и не может служить достаточным основанием для отрицания достоверности отраженного в летописном рассказе основного хода событий, приведших к подчинению Киевского княжества власти литовского князя.

отношениях Киева к ордынским властям, дан сравнительный анализ летописных известий о завоевании Гедимином земель Юго-Западной Руси. Сам летописный рассказ Н. П. Дашкевич оценивал как "сплав достоверных известий о четырех или трех одновременных движениях литовских князей с целью захвата южнорусской территории". За /28/ дату завоевания Гедимином Киевского княжества Н. Дашкевич принимал 1333 г., утверждая, что оно "не могло произойти в 1320–21 гг., но легко могло свершиться после 1332 г."⁹¹ Хотя мнение Н. П. Дашкевича склонны были разделить такие видные исследователи, как М. К. Любавский,⁹² М. Ф. Владимирский-Буданов,⁹³ П. Г. Клепатский,⁹⁴ а некоторые представители русской и украинской буржуазной историографии (например, А. Пресняков) признавали зависимость Киевского княжества от Литвы в 30-х гг. XIV в., вопрос о достоверности летописного источника, времени и обстоятельствах включения Среднего Поднепровья вместе с Киевом в состав Великого княжества Литовского в дореволюционной историографии так и остался нерешенным.

Из советских историков наибольшее внимание данному вопросу уделили А. И. Рогов и Р. Батура; первый – с источниковедческой точки зрения, исследуя "Хронику" М. Стрыйковского, второй – в общеоисторическом плане, освещая борьбу Великого княжества Литовского против Золотой Орды до середины 60-х гг. XIV в. Признавая несомненную источниковую ценность летописных известий о походах Гедимины на Юго-Западную Русь, и в частности о завоевании им Киевского княжества, эти исследователи по-разному датируют это событие: А. И. Рогов – 1322,⁹⁵ а Р. Батура – приблизительно 1325 г.⁹⁶

На наш взгляд, летописное повествование в целом верно отражает основной ход событий, обусловивших, начиная с середины 20-х гг. XIV в., постепенное вытеснение ханской власти из Среднего Поднепровья и замену ее властью литовских князей. Некоторые из сведений, имеющих принципиальное значение для выяснения этого процесса, находят подтверждение при сопоставлении с другими разнородными и разновременными историческими фактами. Так, указанное в летописях время похода на Киев – весна – лето, как предполагаем, 1324 г. – подтверждается косвенно тем фактом, что именно в этот период рыцари Тевтонского ордена, воспользовавшись, видимо, отсутствием главных военных сил Литвы, вторглись на ее территорию: еще в начале марта крестоносцы опустошили околицы Гродно, а в мае 1324 г. совершили нападение на новую столицу Гедимины – Вильно. Ответные акции литовских войск последовали лишь в июле (нападение на Хризмемель в Пруссии) и в полную силу развернулись в ноябре того же года (походы в Ливонию и Мазовию).⁹⁷

На 20-е гг. XIV в., как время установления зависимости Киевского княжества от Литвы,

⁹¹ Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. – Киев, 1885. – С. 63–64.

⁹² Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1910. – С. 23.

⁹³ Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив ЮЗР. – 1886. – Ч. 7, т. 1. – С. 38–39.

⁹⁴ Клепатский И. Г. Очерки по истории Киевской земли. – Одесса, 1912. – С. 1–16.

⁹⁵ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... – С. 156.

⁹⁶ Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды. – С. 21; *Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą.* – Vilnius, 1975.

⁹⁷ Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae. – S. 190, 191.

указывает также неоднократно упоминавшийся в литературе рассказ о нападении в 1331 г. киевского князя Федора на новгородского епископа Василия, возвращавшегося мимо Киева в Новгород после возведения в духовный сан митрополитом Феогностом во Владимире-Волынском. В этом эпизоде, описанном в ряде русских летописей,⁹⁸ киевский князь действовал в политических интересах Гедимины, который после того, как поддерживаемый им претендент на псковский епископский престол Арсений потерпел неудачу, "велел поимати" Василия. По словам летописей, митрополит Феогност предупредил Василия и его спутников о том, что Гедимин отправил за ними в погоню отряд воинов. Новгородцам удалось избежать встречи с погоней, но под Черниговом их настигли "Феодор князь Киевський со баскаки в 50 человек разбоем", взяли с них "окуп", а "Ратьслава, протодьякона митрополита, изымав в Киев повели".⁹⁹

Помимо описания явно пролитовского характера действий киевского князя, летописный рассказ о событиях 1331 г. интересен еще и тем, что содержит два несомненно исторических факта, весьма важных для определения политического статуса Киевского княжества начала 30-х гг. XIV в.: 1) имя киевского князя; 2) присутствие рядом с ним в Киеве представителя ханской администрации – баскака.

До опубликования в 1916 г. М. Д. Приселковым и М. Р. Фасмером статьи "Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века",¹⁰⁰ в которой приведены сведения, проясняющие вопрос о династическом происхождении киевского князя Федора, в дореволюционной историографии предполагалось, что он непременно был из рода Рюриковичей. В связи с этим одни исследователи отождествляли упомянутого в летописях под 1331 г. киевского князя с записанным в Любецкий синодик князем Федором и принимали его за одного из черниговских Ольговичей,¹⁰¹ другие склонны были видеть в нем Федора Святославовича, находившегося в составе посольства Гедимины в Новгород в 1326 г.¹⁰² Еще одна группа исследователей, следуя за белорусско-литовскими летописями, предполагала, что им был принявший вместе с православием имя Федор князь Ольгимунт Гольшанский, представитель побочной ветви литовской великокняжеской династии.¹⁰³ Против последней версии, однако, свидетельствует одна из записей о Гольшанских, внесенная в конце XV – начале XVI в. в Киево-Печерский помянник. Она, в частности, гласит: "Князь Олгимонта, нареченного в святом крещении Михаила, а в иноцех

⁹⁸ НПЛ. – С. 344; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. – Спб., 1863. – Т. 15. – Стб. 68; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ – М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 170 и др.

⁹⁹ Московский летописный свод конца XV в. – С. 170. /158/

¹⁰⁰ /158/ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Изв. ОРЯС. – 1916. – Т. 21. – С. 48–70.

¹⁰¹ Квашинин-Самарин Н. По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. – 1873. – Кн. 4. – С. 223; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – Спб., 1892. – С. 120.

¹⁰² См., например: Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. – С. 60–61. – Прим. 5. Этим князем был Федор Святославович, владелец Вязьмы и Дорогобужа, происходивший из смоленской династии Рюриковичей. (Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. – Пг., 1918. – С. 161).

¹⁰³ Например: Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства... – С. 23; Stadnicki K. Synowie Gedimina. – Lwów, 1853. – S. 22–23. Этой версии придерживается Р. Батура, предполагающий двоюродное родство между Гедимином и киевским князем Федором (Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды. – С. 20–21).

Евфимия".¹⁰⁴

Хотя вопрос о степени родства князя Федора с Гедимином в настоящее время и нельзя считать окончательно выясненным, на наш взгляд, более предпочтительным является мнение исследователей, которые, признавая его литовское происхождение, отождествляют его с братом Гедимином.¹⁰⁵ Мнение это основывается /30/ на данных записей, произведенных в канцелярии митрополита Феогноста во время пребывания его на Волыни в сентябре 1330 – первой половине 1331 г. и касающихся главным образом имущества незадолго перед тем умершего литовского митрополита Феофила. В записях между прочим значится: "Дал Федор, брат Гедимины серебряных кавкиев два; от Александра князя – серебряный кавкий".¹⁰⁶ Упомянут также некий Рослав, которого М. Д. Приселков счел возможным принять за плененного князем Федором под Черниговом Ратслава, протодьякона митрополита Феогноста.¹⁰⁷

Итак, в записях митрополита Феогноста Федор не назван киевским князем, но назван братом Гедимины. В летописном рассказе о событиях 1331 г. явно проступает пролитовская ориентация киевского князя, названного Федором, но нет указаний ни на его происхождение, ни на обстоятельства, в силу которых он вокняжился в Киеве. В повествовании белорусско-литовских летописей о походе Гедимины на Киев описаны подобные обстоятельства, однако вместо Федора в качестве литовского наместника ошибочно назван Ольгимунт Гольшанский.¹⁰⁸ Взаимно дополняя друг друга, эти факты дают вполне достаточное основание утверждать, что весной – летом 1324 г. Гедимину удалось, подавив сопротивление местного населения, подчинить своей власти Киевское княжество и поставить наместником в его столице своего брата, принявшего после крещения имя Федор.

Тем не менее, установить в середине 20-х гг. XIV в. полный контроль над Киевским княжеством Литва оказалась не в состоянии. Об этом свидетельствуют как отмеченное в летописях под 1331 г. одновременное пребывание в Киеве князя-литвина и ханского баскака, так и новые, предпринятые в 50-х гг. XIV в. попытки укрепить в Киеве политическое влияние Литвы. Имеются также некоторые основания считать, что и власть литовского наместника князя Федора распространялась не на всю территорию Киевской земли, а только на ее северную (полесскую вместе с Киевом) часть. Южная же часть Киевщины – Поросье с замками Канев, Корсунь и Черкассы оставалась, как представляется, подчиненной непосредственно ордынской администрации с небольшим перерывом вплоть до середины 90-х гг. XIV в.

Значительное влияние на статус Поросья в тот период должен был оказывать такой фактор, как близость к нему традиционных мест кочевий ханской ставки, какими еще в

¹⁰⁴ Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV – начала XVI столетия) // ЧИОНЛ. – Кн. 6. – 1892. – Прил. – С. 6–7.

¹⁰⁵ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича... – С. 67; Rogov A. И. Русско-польские культурные связи... – С. 158.

¹⁰⁶ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича... – С. 58.

¹⁰⁷ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича... – С. 67.

¹⁰⁸ Летописное известие о киевском наместничестве Ольгимунта Гольшанского, возможно, является отголоском соперничества его рода со слущкими Омельковичами, оспаривавшими в начале XVI в. друг у друга честь быть основателями литовской династии в Киеве. Оно имеется уже в Хронике Быховца, составленной в 30-х гг. XVI в. при дворе виленского епископа Павла Гольшанского. Составитель Хроники проявил особый интерес к генеалогии Гольшанских. Об этом см.: Ючас М. А. Хроника Быховца // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973. – М., 1974. – С. 225.

середине XIV в. являлись урочища по берегам Южного Буга и его левого притока Синюхи. В середине XVI в. крымский хан напоминал польскому королю Сигизмунду-Августу, что "которые врочища есть по Богу по /31/ реце и по Синей Воде...", то здесь некогда "Саин цара (Батыя. – *Авт.*), Езюбек (Узбека. – *Авт.*), Чаанъбек цара кочовища были".¹⁰⁹ Зависимость южной Киевщины от ордынских властей в 30–50-х гг. XIV в. проявлялась также в интенсивных экономических связях Поросья с Золотой Ордой. Доказательством тому служат многочисленные находки кладов джучидских монет на этой территории, совершенно отсутствующие севернее Киева. Всего в южной Киевщине найдено 10 таких кладов, из них три датируются по младшей монете соответственно 1364 и 1349/50 гг. или же содержат большинство монет хана Джанибека (1342–1357). Остальные находки датируются более поздним временем, за исключением одной, самого раннего происхождения.¹¹⁰ Таким образом, можно утверждать, что примерно с конца 20-х гг. XIV в. территория Киевской земли оказалась разделенной на литовскую и ордынскую сферы властвования.

Столь своеобразная политическая обстановка, сложившаяся в Среднем Поднепровье после похода Гедимины на Киев, была, как представляется, результатом достигнутого в конце 1324 г. компромиссного соглашения между Литвой и Ордой относительно их порубежных владений. Наступление Великого княжества Литовского на подвластные Золотой Орде Галицко-Волынское и Киевское княжества неминуемо должно было вызвать и действительно вызвало ее военное противодействие. Белорусско-литовские летописи умалчивают об этом, но М. Стрыйковский сообщает об участии вспомогательных отрядов ордынцев в сражениях с литовскими войсками на стороне волынцев и киевлян.¹¹¹ Кроме того, под 1324 г. в Никоновской летописи имеется запись: "Царь Азбяк посылал князей Литву воевати; и много зла створиша Литвѣ, и со многим полоном приидоша в Орду".¹¹² Очевидно, что эту военную акцию Орды против Литвы нельзя рассматривать иначе, как ответную реакцию ханской власти на развертывание наступления литовских феодалов в Юго-Западной Руси.

Примечательно, что уже в ноябре 1324 г. Вильно посетили послы хана Узбека, о чем упоминают прибывшие одновременно с ними в Вильно папские легаты.¹¹³ Содержание литовско-ордынских переговоров осталось неизвестным, но, судя по тому, что уже в 1325 г. в грамотах лапы Иоанна XXII в лагере, противостоявшем польско-венгерским войскам ("верным сыновьям католической церкви"), указаны вместе с коренным населением Галицко-Волынской Руси ("схизматиками") ордынцы и литвины ("язычники"),¹¹⁴ они завершились не только миром, но и какими-то взаимными обязательствами. Пойти на компромисс с ханскими властями правящие круги Литвы побудила, видимо, реальная перспектива перерастания конфликта с Ордой в затяжную /32/ войну, особенно

¹⁰⁹ *Книга* посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство Сигизмунда-Августа с 1545 по 1572 гг. – М., 1843. – С. 41.

¹¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // НЭ. – 1960. – Т. 1. – С. 152, № 122; С. 164. – № 73; Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – К., 1971. – С. 85. – № 189 и 228; об остальных семи кладах см.: там же. – С. 85. – № 223, 312; С. 87. – № 267; С. 88. – № 306 и 311; С. 89. – № 307; С. 90. – № 309.

¹¹¹ Strykowski M. Kronika polska... – S. 363, 365. Rogov A. И. Русско-польские культурные связи... – С. 158–159.

¹¹² *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 189.

¹¹³ *Послания* Гедимины. – № 14. – С. 136.

¹¹⁴ *VMPL.* – Т. 1. – С. 215; N 338. – С. 216.

нежелательную ввиду все еще неурегулированных окончательно отношений с крестоносцами. Власти Золотой Орды также, очевидно, были готовы пойти на определенные уступки Литве, поскольку главное внимание их приковывала снова разгоравшаяся именно в те годы война с государством ильханов в Иране. Еще в 1320 г. из Орды в Египет было отправлено посольство с целью добиться договоренности о совместных военных действиях против Хулагуидов. С такой же миссией прибыли в Египет послы от хана Узбека и в 1321 г.¹¹⁵ Как сообщает персидский автор Хамдаллах Казвини, именно в 725 г. хиджры (18 декабря 1324 – 7 декабря 1325 г.) наместник хулагуидского хана Абу Саида эмир Чобан "через Грузию пошел в область Узбек-хана и в возмездие за опустошения, произведенные им (Узбеком) во время прихода его в Арран ... там также произвел опустошения и (затем) поспешно ушел...".¹¹⁶ К тому же ордынские власти не могло не беспокоить наступление польско-венгерских войск в Галицкой Руси, остановить которое они, возможно, рассчитывали при помощи Литвы. Таким образом, конец 1323 и весь 1324 г. – это время, когда, как отметил К. Маркс, литовские феодалы "свои ужасные походы... направляют *против Лифляндии и Пруссии* так же, как и против *русских и татар*. *Гедимин* расширяет свое государство все более и более на восток вплоть до *Владимира* (Волынского), на юг до Киева".¹¹⁷

О политических событиях 1325 г. в Галицко-Волынской Руси сохранилось очень мало документальных свидетельств. Какой-то отголосок о них имеется в белорусско-литовских летописях ("И потом поиде на князя Лва..."). Кроме того, непосредственно к данным событиям относятся: 1) уже упоминавшееся письмо польского короля Владислава Локетка к папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г. с извещением о гибели галицко-волынских князей; 2) письмо глоговского (в Силезии) князя Генриха к папе Иоанну XXII от 24 июня 1324 г., в котором он титулуется себя "князем Галиции, дедичем Польского королевства, князем глоговским и познанским";¹¹⁸ 3) датированное 1325 г. письмо Иоанна XXII к брату Генриха Яну, названному папой "князем Владимирии";¹¹⁹ 4) отправленные с 20 июня по 1 августа 1325 г. из папского скриптория в Польшу четыре буллы, в которых провозглашался крестовый поход и содержались призывы к королю, духовенству и народу бороться против "схизматиков, татар, язычников и других неверующих народов", отпущение грехов павшим и раненым участникам похода и разрешение продавать в польских землях индульгенции для оказания материальной поддержки его организаторам;¹²⁰ 5) подобного же содержания булла для населения Венгрии.¹²¹ Несмотря на фрагментарность, /33/ эти источники все же позволяют установить, что в конце 1324 или же весной 1325 г. войска Гедимины приняли участие в борьбе населения Галицко-Волынской Руси против армии польских и венгерских феодалов. Вместе с литовскими и русскими войсками взаимодействовали отряды ордынцев.

Начало военных действий было вызвано, очевидно, нападением польско-венгерских войск на подвластную Гедимину Волынскую землю. На это косвенно указывают следующие

¹¹⁵ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – С. 82, 83.

¹¹⁶ Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 92.

¹¹⁷ Маркс К. Хронологические выписки. – С. 346.

¹¹⁸ SD. – Vilno, 1860. – Т. 1. – N 314. – S. 161–162.

¹¹⁹ Ржежабек И. Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси. – С. 50.

¹²⁰ VMPL. – Т. 1. – N 316. – S. 205; N 335. – S. 215; N 339. – S. 216.

¹²¹ VMH. – Т. 1. – N 771, 772.

факты. Когда летом 1323 г. армия союзных государств, вторглась в пределы Галицко-Волынской Руси, польский король имел намерение возвести на княжеский престол своего ставленника – одного из сыновей вдовы добжинского князя Земовита – Анастасии, дочери Льва I Даниловича. Наследственным уделом Льва Даниловича была западная часть Галицкой Руси с центрами в Перемышле и Львове,¹²² что в известном смысле может служить ориентиром при определении цели и направленности самого похода. Однако летом 1324 г. Владислав Локетек отклонил первую кандидатуру в галицко-волыньские князья и остановил свой выбор на Болеславе, 14-летнем сыне мазовецкого князя Тройдена и Марии,¹²³ дочери галицко-волынского князя Юрия Львовича, под властью которого в свое время находились обе части княжества. Этот выбор привел к разрыву до тех пор дружественных отношений между Литвой и Мазовией и нападению литовских отрядов на владения отца мазовецкого княжича, Тройдена.¹²⁴ 19–21 ноября 1324 г. владения Тройдена и его брата Земовита подверглись повторному, еще большему разорению. Ущерб был так велик, что в следующем году оба мазовецких князя обратились к папе Иоанну XXII с просьбой о спасении, указывая на грозившую им опасность от близкого соседства с Литвой.¹²⁵ Масштабность второго похода выделяет его из ряда ординарных набегов литовских отрядов на соседние территории и дает основание предположить, что он знаменовал начало военного конфликта из-за Галицко-Волынской Руси между Литвой и Польшей, а также союзными с нею Венгрией и княжествами Мазовии.

Союзникам удалось потеснить литовские войска, о чем свидетельствуют присвоение титула владимирского князя Яном силезским в 1325 г. и те уступки, на которые вынужден был пойти Гедимин в результате этой борьбы. Кроме того, сохранилось письмо от 14 ноября 1325 г. одного из комтуров Тевтонского ордена, в котором он сообщает о приезде к нему в Бальгу "русинов" из Владимира и Визны с целью освобождения своих земляков, захваченных крестоносцами осенью 1324 г. во время набега на околицы подвластного Литве Гродно.¹²⁶ Из письма видно, что речь шла о посольстве, высланном владимирским князем на Лит- /34/ ву и перехваченном тевтонскими рыцарями, а это, как и поход литовских войск на Мазовию в ноябре 1324 г., косвенно указывает на вокняжение Болеслава Тройденовича во Владимире-Волынском осенью того же года.

В начале 1325 г. наметилось политическое сближение между Польшей и Литвой, завершившееся оформлением их союза, направленного против крестоносцев. Как отметил К. Маркс, именно тогда, "... в первой половине XIV века тевтонский орден стал серьезной угрозой для Польши, Литвы и других стран Востока".¹²⁷ Проявлением польско-литовского сближения явилось крещение 30 апреля 1325 г. дочери Гедимины Альдоны (Анны) и последовавший 16 октября того же года ее брак с наследником польского престола

¹²² Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – С. 289–290.

¹²³ *Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r.* // КН. – R. 40, z. 4. – S. 603.

¹²⁴ Об этом нападении упоминается в булле от 19 августа 1324 г. (*VMPL* . – Т. 1. – N 303. – S. 200).

¹²⁵ *SRP*. – Т. 1 – S. 191–192; *CDP*. – Т. 2. – N 144. – S. 152; *Długosz J. Roczniki...* – Т. 5, ks. 9. – S. 161; *Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r.* – S. 603. Ст. Зайончковский проанализировал факты, характеризующие взаимоотношения Польши, Литвы и Мазовии в 1324–1325 гг., но объяснял разрыв литовско-мазовецких связей лишь захватом Литвой Подляшья (западной части Берестейской земли), на которое претендовали мазовецкие князья. – *Zajączkowski St. Op. cit.* – S. 604. /159/

¹²⁶ /159/ Содержание документа изложено в кн.: *Paszkievicz H. Jagiellonowie a Moskwa.* – Warszawa, 1933. – S. 272–273. – Not 2.

¹²⁷ Маркс К. Хронологические выписки. – С. 347.

Казимиром.¹²⁸ По этому поводу К. Маркс заметил: "*Владислав Локетек* (восстановитель Польши) женит своего сына (*Казимира Великого*) на дочери *Гедимины*, которая обратившись в христианство, при крещении получила имя Анны; с того времени литовцы щадят Польшу".¹²⁹

Польско-литовский союз 1325 г. достигнут за счет земель Галицко-Волынской Руси и ущемления политических интересов мазовецких князей. Гедимин был вынужден временно отказаться от реализации прав Любарта на Волынь и уступить ее Болеславу Тройденовичу, сохранив, однако, за своим сыном какой-то удел, полученный им в качестве вена, по всей вероятности, в Луцкой земле, на киевско-волынском пограничьи.¹³⁰ За Литвой окончательно была закреплена Берестейская земля вместе с Подляшьем,¹³¹ что привело к временному разрыву отношения между Польским королевством и претендовавшей на эту часть Волынской земли Мазовией, которая в 1326 г. заключила соглашение с Тевтонским орденом и начала военные действия в подвластной Локетку Куявии.¹³²

Таким образом, развернувшееся в 20-х гг. XIV в. наступление литовских феодалов на Юго-Западную Русь лишь частично достигло успеха. На этом направлении они встретили не только сопротивление местного населения, но и противодействие со стороны Золотой Орды, Польши и Венгрии. Исходившая от Тевтонского и Ливонского рыцарских орденов постоянная угроза безопасности Литвы, а затем и открывшаяся реальная перспектива объединения военных усилий Польши и Литвы против общего врага – крестоносцев, побудили великокняжеское правительство Гедимины пойти на территориальные уступки в захваченных Киевском княжестве и Волынской земле, а также признать князем в Галицко-Волынской Руси ставленника польских феодалов Болеслава-Юрия II Тройденовича (1324–1340) и, возможно, какую-то форму зависимости от Орды своего наместника в Киеве. Характерно /35/ в этой связи, что и получивший в результате польско-литовского компромисса галицко-волынский княжеский трон Болеслав-Юрий II тоже вынужден был обратиться за своим утверждением к хану Узбеку и выплачивать дань Орде.¹³³ По-видимому, тогда же властями Галицко-Волынского княжества был признан факт захвата Ордой большей части Галицкого Понизья. В конце 20-х гг. XIV в. новая волна экспансии Ордынской державы докатилась до владений Тырновской Болгарии на Дунае, и степи Северного Причерноморья между этой рекой и Днестром опять стали подвластны ханской

¹²⁸ Długosz J. Roczniki... – Т. 5, ks. 9. – S. 162–163; Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. – S. 569, 571, 579.

¹²⁹ Маркс К. Хронологические выписки. – С. 346.

¹³⁰ Судя по записям митрополита Феоноста, Любарт уже перед 1330 г. носил имя Дмитрий (*Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича... – С. 58, 66–67). Крещение и принятие православного имени было непременным условием вступления литовскими князьями-язычниками во владение какой-либо частью Руси. На местонахождение бывшего удела Дмитрия-Любарта указывает наименование современного райцентра Житомирской обл. пгт Любара, названного при основании языческим именем этого Гедиминовича (*Історія міст і сіл УРСР: Житомир. обл.* – К., 1973. – С. 389–390).

¹³¹ *Ржежабек И.* Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси. – С. 17; Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. – S. 604, 606.

¹³² Długosz J. Roczniki... – Т. 5, ks. 9. – S. 165–166. – Not. N 6, 170; Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. – S. 604.

¹³³ См.: *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. – Одесса, 1895. – С. 223.

администрации.¹³⁴ Следовательно, распространение власти литовских и польских феодалов в середине 20-х гг. XIV в. не принесло ее населению освобождения от тягот золотоордынского ига. Одновременно Золотая Орда сумела восстановить пошатнувшееся было в начале XIV в. господство как над Галицко-Волынской Русью, так и ее бывшими владениями в Северном Причерноморье.

Как свидетельствуют грамоты, выданные Болеславом-Юрием II, под его властью оказалась основная территория Волынской и Галицкой земель: среди ближайшего княжеского окружения значатся Федор, епископ галицкий, Михаил Елезарович, воевода белзский, Грыцко Коссачович, воевода перемышльский, Борис Кракула, воевода львовский, и Отек, воевода луцкий.¹³⁵ Став князем Галицко-Волынской Руси, Болеслав Тройденович не смог найти достаточно прочной опоры среди местного боярства, хотя сначала и предпринимал шаги в этом направлении. Так, чтобы заручиться его поддержкой, он принял православие и имя своего деда – Юрий. Сохранилось известие, что жители Львова признали власть этого князя только тогда, когда он гарантировал им их давние права и обычаи. Подобной политикой Болеслав-Юрий II мог на какое-то время привлечь влиятельную часть боярства.¹³⁶ В этом смысле, видимо, следует понимать сообщение польского хрониста Яна из Чарнкова о том, что Болеслав Тройденович был избран на княжение русскими боярами.¹³⁷ Но вскоре внутривосточный курс галицко-волынского князя круто изменился. Уже в 1328–1330 гг. Болеслав-Юрий II снова перешел в католичество и стал оказывать покровительство чужеземным колонистам, которых он, возможно, пытался использовать как противовес боярской оппозиции, особенно усилившейся в последние годы его княжения.¹³⁸

Неустойчивость внутривосточных позиций во многом определила внешнеполитическую ориентацию Болеслава-Юрия II, его стремление заручиться помощью и поддержкой против оппозиционного боярства у одного из наиболее могущественных своих союзников. С другой стороны, установившийся в Галицко-Волынской Руси кондоминат удовлетворял правящие верхи Польши и Литвы лишь до тех пор, пока оставался в силе их военно-политический союз. Союз этот не был прочным, поскольку языческая Литва все еще оставалась вне культурно-религиозной общности европейских стран и к тому же ее политика по отношению к Тевтонскому ордену в тактическом плане не всегда совпадала с внешнеполитическим курсом Польши. После 1329 г. антиорденский союз Польского королевства и Великого княжества Литовского фактически утратил свою силу.¹³⁹ В связи с этим начинается скрытая борьба между правящими верхами Польши и Литвы за доминирующее влияние на Болеслава-Юрия II и его ближайшее окружение, создание политических предпосылок для последующей реализации территориальных притязаний относительно Галицко-Волынской Руси при более благоприятных обстоятельствах. Дипломатическую инициативу первой проявила Литва. Уже в 1331 г. происходит сближение между домом Гедимины и Болеславом-Юрием II, следствием чего стал брак

¹³⁴ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... – С. 72–74.

¹³⁵ Ржежабек И. Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси. – С. 4–6. – Прим. 2. – С. 17.

¹³⁶ Ржежабек И. Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси. – С. 18–19; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли... – С. 223–224.

¹³⁷ Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum // МРН. – Lwów, 1871. – Т. 2. – S. 623.

¹³⁸ Линниченко И. А. Замечания на статью проф. И. Режабека... – С. 99–102.

¹³⁹ Lowmiański H. Agresja Zakonu krzyżackiego... – S. 354; Zajączkowski St. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. – S. 608–616.

галицко-волинского князя с дочерью литовского князя Евфимией (Офкой), свершенный в Плоцке (в Мазовии) по католическому обряду.¹⁴⁰ Обеспокоенные складывавшейся ситуацией, польский и венгерский монархи на встрече в Вышеграде в 1335 г. пришли к соглашению об усилении роли Польского королевства в проводимой ими совместно экспансионистской политике на Руси. Тогда же в основном была достигнута договоренность и о наследовании польского трона представителями обосновавшейся в Венгрии Анжуйской династии в том случае, если Казимир III (1333–1370) не будет иметь своих потомков. Взамен польскому королю была обещана помощь в делах Руси, против крестоносцев и других возможных противников.¹⁴¹ На следующей встрече в Вышеграде в 1338 г. с участием, как принято считать в польской историографии, Болеслава-Юрия II или же его представителя, польско-венгерская договоренность приобрела более конкретные формы и была распространена также на галицко-волинского князя. Болеслав-Юрий II дал присягу верности и дружбы венгерскому королю Карлу-Роберту и признал Казимира III своим преемником в Галицко-Волинском княжестве. Последнее обстоятельство указывает на то, что правители Польши и Венгрии, стремясь к захвату галицко-волинских земель, игнорировали интересы большей части местного боярства и традиции наследования княжеской власти на Руси. Вместе с тем очевидна антиордынская направленность вынашиваемых ими политических замыслов относительно Руси. Тогда же в Вышеграде Казимир III свершил формальный акт признания прав на польский трон Карла-Роберта Анжуйского и его сыновей в том случае, если у него не будет мужского /37/ потомства. В свою очередь, венгерский король обещал ему за это свою поддержку в борьбе против Люксембургов и Тевтонского ордена, а также помощь в овладении Галицко-Волинской Русью.¹⁴²

Таким образом, компромиссное соглашение 1325 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, как и правление Болеслава-Юрия II в Галицко-Волинском княжестве, не могли удовлетворить ни одну из заинтересованных сторон и поэтому оказались неустойчивыми и кратковременными. Этот мирный период был использован ими для подготовки к новым схваткам за галицко-волинские земли. В 1340 г. между Великим княжеством Литовским и Польским королевством при активном участии Золотой Орды началось открытое противоборство, которое было одновременно и началом второго этапа наступления литовских феодалов на юго-западные земли Руси.

2. Захват Польским королевством Галицкой Руси и присоединение к Великому княжеству Литовскому Волинской, Подольской, Киевской, Переяславской и Чернигово-Северской земель в конце 40-х – начале 60-х гг. XIV в.

7 апреля 1340 г. галицко-волинский князь Болеслав-Юрий II был отравлен группой бояр, которая опасалась усиления княжеской власти и выступала против его политической ориентации на Краков. Весьма точную характеристику ситуации, возникшей в

¹⁴⁰ Długosz J. Roczniki... – T. 5, ks. 9. – S. 215; Włodarski B. Polska i Ruś. – S. 278.

¹⁴¹ Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego. – Kraków, 1918. – S. 109, 113.

¹⁴² См.: например: Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego. – S. 111–112; Włodarski B. Polska i Ruś. – S. 287–289; Dåwiat J. Polska – państwem średniowiecznej Europy. – Warszawa, 1968. – S. 323; Wyrołumski J. Historia Polski do 1505 r. – Warszawa, 1978. – S. 227.

Галицко-Волынском княжестве в связи с этим событием, дал К. Маркс в следующих словах: "...там свирепствовал *Болеслав Мазовецкий* и хотел принудить своих подданных греческой веры перейти в *латинско-католическую*; использовал против них союз с Польшей и Венгрией и *иностранных наемников*; умер 1340 от пьянства или отравления, последнее утверждает Казимир, который в качестве его ближайшего родственника пользуется этим как предложением для завоевания".¹⁴³ Обстоятельства заговора неизвестны, возможно, что его организаторы опирались на поддержку ордынцев, препятствовавших любым попыткам ослабить их верховную власть над Русью.¹⁴⁴ Среди галицко-волынского боярства было немало сторонников Дмитрия-Любарта Гедиминовича, связанного родственными узами с династией Романовичей. Именно его местное боярство пригласило стать князем. Современник этих событий Ян из Чарнкова сообщает, что после смерти Болеслава-Юрия II "Русское княжество" перешло под власть Любарта, сына Гедимины.¹⁴⁵

Не исключено, что в Кракове знали о неустойчивом положении Болеслава-Юрия и готовились оказать ему помощь. Уже через /38/ 9 дней после его смерти Казимир III с небольшим войском захватил Львов, но, встретив растущее сопротивление горожан, вынужден был отступить. Неудачной оказалась и попытка вторжения венгерских феодалов в первой половине мая.¹⁴⁶ Как и в 1323 г., польский король обратился за помощью к папской курии, мотивируя свою просьбу угрозой со стороны ордынцев. В ответной булле 1 августа 1340 г. папа Бенедикт XII предписывал гнезненскому, краковскому и вроцлавскому епископам проповедовать крестовый поход на Русь.¹⁴⁷

Ввиду явной угрозы повторного вторжения польско-венгерских войск при возможной поддержке их крестоносным рыцарством Западной Европы правящие верхи Галицко-Волынской Руси обратились за помощью к хану Узбеку. Ян из Чарнкова назвал руководителей посольства, выехавших в Орду с этой миссией – видного сановника княжеского совета при Болеславе-Юрии II владевшего Перемышлем боярина Дмитрия Дядько и волынского служебного князя Даниила Острожского. В качестве причины необходимости посылки ханского войска против Польши они указали на то, что Казимир III захватил Русь и задержал выплату дани.¹⁴⁸ В конце июля 1340 г. ордынцы большими силами напали на Польское королевство и вынудили собранную Казимиром III армию перейти к обороне на правом берегу Вислы. Почти месяц разоряли они Привисленский край, а затем, после неудачной осады Люблина, отошли к местам своих кочевий.¹⁴⁹ Крах попытки правящей верхушки Польского королевства захватить с помощью оружия Галицкую Русь летом 1340 г. показал, что для достижения поставленной ею цели потребуется гораздо больше времени, усилий и материальных затрат, чем предполагалось вначале.

Признав над собой верховенство литовской великокняжеской власти, обе части Галицко-Волынской Руси оказались, тем не менее, в различных формах зависимости от нее,

¹⁴³ Маркс К. Хронологические выписки. – С. 347.

¹⁴⁴ Włodarski B. Polska i Ruś. – S. 291–292.

¹⁴⁵ Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum. – S. 629.

¹⁴⁶ Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego. – S. 113.

¹⁴⁷ VMH. – N 958. – S. 637; Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. – Спб., 1890. – С. 56.

¹⁴⁸ Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum. – S. 620–621; VMPL. – Т. 1. – N 566. – P. 434.

¹⁴⁹ ЗНТШ. – 1896. – Т. 12, кн. 4. – С. 3–23.

что, несомненно, сказалось на их политико-административном статусе в составе Великого княжества Литовского. Большинство земель Волынской Руси в силу династической связи Дмитрия-Любарта с Романовичами в качестве наследственного владения перешло под его непосредственную власть и приобрело статус удельного княжества в составе Великого княжества Литовского. В Галицкой Руси утверждение власти литовских феодалов происходило, как можно предположить на основании отрывочных свидетельств источников, более сложным путем. И здесь местные феодалы признали своим князем Дмитрия-Любарта. Доказательством тому служит надпись на колоколе соборной Юрьевской церкви во Львове, отлитого в 1341 г., в которой, между прочим, значится: "...соляян /39/ бысть колокол сий святому Юрью при князи Дмитрии".¹⁵⁰ Однако, в отличие от Волыни, наследственные права Дмитрия-Любарта на Галицкую Русь не распространялись, поэтому правдоподобно, что он управлял ею на каких-то договорных началах. Не исключено, что в начале 1340-х гг. ни волынский князь, ни литовское великокняжеское правительство, натолкнувшись на дипломатическое противодействие Орды, не имели достаточных сил и возможностей полностью овладеть политической ситуацией в этом регионе и были вынуждены пойти на определенные уступки местным феодалам. Несомненно, однако, что с ведома литовских властей в Галицкой земле в начале 40-х гг. XIV в. обосновалась боярская олигархия во главе с наместником Дмитрия-Любарта Гедиминовича Дмитрием Дядько, который принял титул "управителя или старосты Русской земли".¹⁵¹

Используя литовско-польско-ордынские противоречия, галицкое боярство стремилось управлять краем самостоятельно. Так, приостановив в 1340 г. с помощью ханского войска экспансию Польского королевства, Дмитрий Дядько, чтобы избежать обычного в таких случаях усиления зависимости от Золотой Орды, незамедлительно вступил в переговоры с Казимиром III и вместе с галицкими боярами признал верховенство польского короля при условии сохранения их владений, религиозной обрядности, прав и обычаев, в чем обе договорившиеся стороны взаимно присягнули.¹⁵² Неизвестно, однако, была ли воплощена в действительность эта договоренность, а если и была, то в какой мере и в каких масштабах. Как видно из папской буллы от 29 июня 1341 г., уже вскоре после переговоров Казимир III обратился в Авиньон с просьбой освободить его от присяги, данной старосте Галицкой земли.¹⁵³ Со своей стороны, Дмитрий Дядько в письме к горожанам Торуня не упоминает о Дмитрие-Любарте, а, сообщая об устранении несогласий между ним и польским королем, именует его лишь "господином Казимиром, королем Польши"; касаясь же льгот для иноземцев, он ссылается "на права предшественников наших", в частности на Болеслава-Юрия II, которого называет "нашим господином".¹⁵⁴ Следовательно, признание галицким боярством сюзеренитета Казимира III было, вероятнее всего, формальным.

Дипломатическое лавирование боярской олигархии Галицкой Руси не могло стать достаточно серьезной преградой для развертывания экспансии Польского королевства и Великого княжества Литовского в этом регионе. Само правление ее рассматривалось правящими кругами Польши и Литвы как временное явление. Участь боярского правления в Галицкой Руси, по всей видимости, была предreshена и в Орде, дипломатия которой стремилась уст- /40/ ранить все, что препятствовало открытой военной конфронтации

¹⁵⁰ *Болеслав-Юрий II*, князь всей Малой Руси. – С. 79.

¹⁵¹ *Болеслав-Юрий II*, князь всей Малой Руси. – № 13. – С. 157.

¹⁵² *VMPL*. – Т. 1. – N 566. – S. 434.

¹⁵³ *VMPL*. – Т. 1. – N 566. – S. 434.

¹⁵⁴ *Болеслав-Юрий II*, князь всей Малой Руси. – № 13. – С. 157.

между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. В любом случае, в последовавших затем событиях Орда поначалу сохраняла формальный нейтралитет.

В 1343 г. Казимир III добился от папской курии материальной помощи для борьбы с "русинами",¹⁵⁵ что позволило его войскам перейти в наступление. В ходе военных действий польскому королю удалось в 1343–1344 гг. захватить пограничные с его владениями Саноцкую и Перемышльскую земли.¹⁵⁶ Еще большую военно-политическую активность в Галицкой Руси проявило Великое княжество Литовское, правителем которого после гибели Гедимины в 1341 г. стал его сын Явнутий. Возможно, с его санкции, но по инициативе Дмитрия-Любарта, именно в 1343–1344 гг. в Галицко-Волынскую Русь со своими воинскими дружинами двинулась и осела на ее южных и западных окраинах целая плеяда Гедиминовичей, которые в последующих сражениях с польскими и венгерскими феодалами, а также с ордынцами отстаивали ее целостность, проявляя при этом определенное военно-политическое единство.

Наступление Великого княжества Литовского на Галицкую Русь в середине 40-х гг. XIV в. укрепило позиции Дмитрия-Любарта, сохранившего верховные права на этот край. Тогда же было ликвидировано правление местной боярской олигархии. Последний признак его существования – письмо венгерского короля Людовика от 20 мая 1344 г. к Дмитрию Дядько, которого он называет "верным своим мужем" (т. е. вассалом. – *Авт.*), "комитом" и "управителем русинов".¹⁵⁷ В сентябре 1347 г. византийский император Иоанн Кантакузин в специальной грамоте известил "благороднейшего князя владимирского" Дмитрия-Любарта о принятом им и патриаршим собором решении упразднить галицкую митрополию и тем самым восстановить единство церкви на Руси и обратился к нему с просьбой содействовать исполнению этого решения, а для этого, прежде всего, удалить галицкого архиерея и убедить его прибыть в Константинополь для расследования предъявленных обвинений.¹⁵⁸ Следовательно, верховная светская власть над Галицкой Русью к 1347 г. уже была сосредоточена в руках Дмитрия-Любарта. Грамота свидетельствует также о его причастности к кругу, если не инициаторов – а ими на Руси являлись митрополит Феогност и великий московский князь Симеон Иванович, – то, по меньшей мере, непосредственных исполнителей постановления патриарха о присоединении галицко-волынских епископий к общерусской митрополии. Известно, что общественные и политические движения в эпоху феодализма вынуждены были принимать теологическую форму. /41/ Ф. Энгельс объяснял это тем, что "чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде".¹⁵⁹ Такой порядок подтверждается "всея... историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию"¹⁶⁰.

¹⁵⁵ *VMPL.* – N 605. – S. 468.

¹⁵⁶ *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси... – С. 67–87.

¹⁵⁷ *Болеслав-Юрий II,* князь всей Малой Руси. – С. 79.

¹⁵⁸ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. № 6. – Стб. 30–34. Кроме грамоты к Дмитрию-Любарту, императором Иоанном Кантакузином в связи с присоединением галицкой митрополии к киевской был дан специальный хрисовул, а также грамоты, адресованные митрополиту Феогносту, московскому великому князю Симеону Ивановичу. Патриарх Исидор и его синод подтвердили императорский хрисовул своим постановлением (*Там же.* – № 3. – Стб. 13–20; № 4. – Стб. 21–26; № 5. – Стб. 26–30; № 7 – Стб. 34–40).

¹⁵⁹ *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 314.

¹⁶⁰ *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах... – С. 294. /160/

Все это определяло ту большую роль, которую играла церковь в средневековом европейском обществе, представлявшем "мир, фактически лишенный внутреннего единства". Общность объединенных одной религией группы европейских народов проявлялось "...прежде всего, в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления".¹⁶¹

Оценка Ф. Энгельсом места и роли католической церкви в феодальной Западной Европе верна и применительно к православной церкви в Восточной Европе XIV в., когда лишь она одна, несмотря на кратковременные нарушения единства, сохранила организационную структуру, распространявшуюся на все феодально раздробленные, а затем и политически разобщенные земли Руси. В силу этого православная церковь приобретала значение мощного орудия идеологического воздействия на народные массы на всем пространстве восточнославянской территории, что хорошо понимали не только противоборствующие на Руси феодальные группировки, но и правящие верхи Великого княжества Литовского и Польского королевства, стремившиеся подчинить церковь своим политическим интересам. Поэтому восстановление целостности церковной организации в 1347 г. ввиду усилившейся и принявшей форму вооруженных захватов феодально-католической экспансии на Галицко-Волынское княжество явилось важным и необходимым шагом на пути к достижению идеологического и, в конечном счете, политического единства Руси.

Среди обосновавшихся в Галицко-Волынской Руси в 1343–1344 гг. литовских князей наиболее сплоченную и сильную группировку составляли сыновья Михаила-Кориата Гедиминовича. Историографическая традиция связывает с их военно-политической деятельностью не столько защиту галицко-волыньских земель от натиска польских и венгерских феодалов, сколько, точнее главным образом, освобождение от ордынского ига значительной части Подольской земли и присоединение ее к Великому княжеству Литовскому. До сих пор утверждение власти Кориатовичей в Подолье – эта сложная, представляющая собой комплекс имеющих специальное значение вопросов, проблема во многом остается дискуссионной. Обычно она рассматривается в научной литературе в прямой связи с разгромом ордынцев в битве у Синих Вод в 1362 г., что является, на наш взгляд, верным лишь отчасти. Имеются определенные основания датировать переход Подольской земли под власть Кориатовичей серединой 40-х гг. XIV в. и считать его одним из результатов происходившего в то время общего наступления Великого княжества Литовского на Галицкую Русь.

Основными источниками, освещавшими битву у Синих Вод и связываемое с нею в историографии распространение власти литовских феодалов на Подольскую землю, служат созданная в начале 30-х гг. XV в. и включенная в состав белорусско-литовских летописей пространная редакция Повести о Подолье,¹⁶² известие Густинского свода 30-х гг. XVIII в. о разгроме великим князем литовским Ольгердом трех ордынских "царьков"¹⁶³ и

¹⁶¹ /160/ Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е – Т. 21. – С. 495.

¹⁶² Супрасльская летопись. – С. 66; Чамярыцкі В.А. Беларуская летапісы як помнікі літаратуры. – Мінск, 1969. – С. 97–99.

¹⁶³ Густинская летопись. – С. 350.

дополняющие их записи русских летописей (Никоновской и Рогожского летописца), восходящие к тверским летописным источникам.¹⁶⁴ Они свидетельствуют о разгроме войсками Ольгерда в сражении у Синих Вод трех орд, князья которых были наследственными владетелями Подольской земли; о состоявшемся затем походе в глубь ордынских владений в направлении устьев Днепра и Южного Буга; о приходе в Подольскую землю Кориатовичей якобы по распоряжению Ольгерда и с приданной им литовской военной помощью и т. д. Этим летописным данным как будто противоречит сообщение Яна Длугоша о том, что еще в 1352 г. ордынцы напали на Подолье, принадлежавшее Польскому королевству,¹⁶⁵ а "первый поход" литовских войск в пределы владений Орды был совершен под командованием Витовта в 1397 г.¹⁶⁶ В середине XVI в., несомненно, под влиянием известий Яна Длугоша в белорусско-литовских летописях поздней редакции (Красинского, Ольшевской и Рачинского) разгром трех ордынских князьков в Подолье был приписан Витовту.¹⁶⁷

Обе версии нашли свое отражение в исторических произведениях авторов XVI в. (Б. Ваповский, М. Бельский, М. Кромер, А. Гваньини, М. Стрыйковский и др.) и в обширной историографии. Основную концепцию Синеводской битвы и связываемый с нею переход Подолья под власть литовских феодалов, отраженную в древнейших белорусско-литовских летописях, приняли /43/ Н. Молчановский,¹⁶⁸ а также О. Гурка¹⁶⁹ и некоторые другие украинские и польские буржуазные историки (В. Б. Антонович, М. С. Грушевский, Л. Колянковский). За трактовкой Яна Длугоша пошли Ф. Брун,¹⁷⁰ Н. Дашкевич,¹⁷¹ В. Смирнов,¹⁷² польские исследователи А. Прохаска,¹⁷³ С.-М. Кучиньский, посвятивший рассмотрению этого вопроса специальный труд.¹⁷⁴

В советской историографии принято связывать битву у Синих Вод с утверждением власти литовских феодалов на землях Юго-Западной Руси и включением их в состав Великого княжества Литовского, причем указывается, что важную роль в этом сыграло

¹⁶⁴ *Рогожский* летописец // ПСРЛ. – Пг., 1922. – Т. 15, вып. 1. – Стб. 75; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 2.

¹⁶⁵ *Długosz J. Roczniki...* – Т. 5, ks. 9. – S. 337–338.

¹⁶⁶ *Długosz J. Dzieje w Polskich księstwa dwanaście.* – Kraków, 1868. – Т. 3. – S. 491.

¹⁶⁷ *Летописи* белорусско-литовские. – С. 138, 160, 186.

¹⁶⁸ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. – Киев. – С. 169–195.

¹⁶⁹ *Gurka O. Zagadnienie czarnomorskie w polskiej polityce średniowiecznej* // ПН, 1933, з. 1/2.

¹⁷⁰ *Брун Ф.* Черноморье. – Одесса, 1880. – С. 171–173.

¹⁷¹ *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. – С. 74–89.

¹⁷² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством османской Порты до начала XVII в. – Спб., 1887. – С. 159–164.

¹⁷³ *Prochaska A.* Podole lennem Korony, 1352–1430. – Kraków, 1895. – S. 1–3.

¹⁷⁴ *Kuczyński St. M.* Sine wody / Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r. // *Kuczyński St. M.* Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVII w. – Warszawa, 1965. – S. 159, 172, 175, etc.

стремление местного населения освободиться от ордынского ига. Вместе с тем отсутствие специальных научных разработок данной проблемы советскими историками является причиной того, что в их исследованиях утверждение власти Кориатовичей в Подольской земле также представляется как непосредственный результат битвы у Синих Вод.

В последнее время комплекс дискуссионных вопросов, связанных с битвой у Синих Вод и утверждением зависимости Подолья от Литвы, рассмотрел Р. Батура.¹⁷⁵ На основе анализа источников и изучения историографии проблемы Р. Батура сделал выводы, имеющие важное значение для дальнейшего углубленного ее исследования. Представляется важным данное им впервые в советской историографии определение территории Подольской земли, сложившейся в административно-территориальном отношении к середине XIV в. Она занимала пространство между Днестром, Днепром, его притоком Росью и Черным морем. Это определение в основном соответствует сведениям составленного в 1396 г. летописного "Списка русских городов дальних и ближних", где Черкассы и Звенигород причислены к подольским, а Канев и Корсунь – уже к киевским городам,¹⁷⁶ а также указаниям некоторых авторов XVI в. Так, например, А. Гваньини и М. Меховский сообщают, что Подолье граничит на юго-западе с Молдавией и Валахией, на востоке же простирается до Дона у Меотидских болот и Черного моря вплоть до владений перекопских татар.¹⁷⁷ П. Ф. Параска уточнил юго-западные пределы Подольской земли, которые, по его мнению, достигали восточной части Берладского плато на правом берегу Прута.¹⁷⁸

В этом обширном крае Р. Батура выделяет западную часть (Малое Подолье), включавшую окрестности Каменца и Смотрича, Червонограда, Скалы, Бакоты и простиравшуюся на востоке, возможно, до Южного Буга. Именно в этой местности после разгрома ордынцев у Синих Вод окончательно утвердилась власть литовских князей Кориатовичей, за ней позднее, в XV в., собственно и закрепилось название Подольской земли. /44/

Р. Батура доказал также историчность упомянутых в Повести о Подолье имен трех потерпевших поражение ордынских князей, локализовал топонимы, связанные с походом войск Ольгерда – Синие Воды (р. Синюха, левый приток Южного Буга) и Белобережье (северное побережье Черного моря у Днепро-Бугского лимана). При всей обстоятельности выводов Р. Батуры некоторые из затронутых им спорных вопросов, имеющих принципиальное значение, так и остались нераскрытыми.

К ним относятся, прежде всего, вопросы о времени подчинения населения Подольской земли власти литовских феодалов, роли в этом князей Кориатовичей. Камнем преткновения в решении первого из них являлось кажущееся противоречие между известием Повести о "приходе" Кориатовичей в подвластное Орде Подолье и битве у Синих Вод, с одной стороны, и сообщением Яна Длугоша о Подолье, принадлежавшем в 1352 г. Польскому королевству – с другой. Опираясь главным образом на это неточное и поэтому допускающее двоечтение высказывание Яна Длугоша, другие сообщаемые им данные, ряд польских историков конца XIX – начала XX в. (Й. Пузына, А. Прохаска, С.-М. Кучиньский и др.) относили утверждение Кориатовичей в Подольской земле к 1350–1351 гг. или более раннему

¹⁷⁵ Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды. – С. 26–30; *Batūra R. Lietuva tautkovoje prieš Aukso Ordą*. – S. 220–300.

¹⁷⁶ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979. – С. 107.

¹⁷⁷ Guagninus A. Rerum Polonicarum. Tomus tres // Francofurti – 1584. – Т. 2. – Р. 53; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.; Л., 1936. – С. 94.

¹⁷⁸ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 84, 104.

времени, рассматривая это событие, однако, вне связи с развитием экспансии литовских феодалов на Юго-Западную Русь и Синеводской битвой. Таким образом, они пытались обосновать идею о подвластности Кориатовичей, а отсюда, по их мнению, и всего Подолья Польскому королевству еще в конце 40-х – начале 50-х гг. XIV в., т. е. до битвы у Синих Вод.

Действительно, в созданной в 1430–1432 гг. Повести о Подолье отсутствует прямая связь между походом войск Ольгерда, разгромом у Синих Вод трех ордынских князей – "отчичей и дедичей Подольской земли", как называет их летописец, и обоснованием в этом крае Кориатовичей. Вот как подан в Повести соответствующий текст: "Коли господаремъ был на Литовьскои земли князь великий Олгирд и, шедь в поле с литовским войском, побилъ татар на Синей воде, трех братьовъ: князя Хачебея а Кутлубуга и Дмитрия. А тыи трии браты Татарское земли, отчичи и дедичи Подольскои земли, а от них заведали атамани и боискаки, приеждаючи от тыхъ атамоновъ, имовали с Подольскои земли дан. А брат великаго князя Ольгирдов держаль Новгородокъ Литовьский, князь Корьятъ, а у него были 4 сыны... Ино тыи княжята Корьятевичи три браты: князь Юрьи а князь Александр, князь Костентин и князь Федор со князя великаго Олгирдивымъ презволениемъ и с помочию Литовския земли пошли в Подольскую землю... Тогда тыи княжата Корьятовичи, пришедъ /45/ в Подольскую землю, и вошли у приязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю от татаръ и боскакомъ выхода не почали давати".¹⁷⁹ Тем не менее, М. Стрыйковский сообщает в своей хронике об участии Кориатовичей в Синеводской битве.¹⁸⁰

Начало экспансии Кориатовичей в Подольской земле следует отнести к первой половине 40-х гг. XIV в., когда Великое княжество Литовское, присоединив к себе Галицкую землю, могло создать в ней базу для развертывания наступления на юге. На это определяющее обстоятельство указал еще 50 лет тому назад Х. Ловмянский.¹⁸¹ Более точно определить верхнюю хронологическую грань утверждения Кориатовичей в Подольской земле можно с помощью содержащейся в Повести о Подолье записи о неудавшемся замысле Казимира III нарушить военно-политическое единство Гедиминовичей в Галицко-Волынской Руси, устроив брак своей дочери с Константином Кориатовичем. "И затымъ (узнал) полскы король Казимир Локотьковичъ, што их три браты Корьятовичи на Подольскои земли, а люди мужьныи, – повествуют Супрасльская и Слуцкая летописи, – и он прислал к князю Костентину кглеитовныи (т. е. гарантирующие личную безопасность. – *Авт.*) листы, со великою твердостью и прося его, штобы к нему приѣхаль. А умыслив тое собѣ и своими паны, што в него сына не было, толко была одна дочька, захотель за него дочку дати".¹⁸² Константин Кориатович отказался от сделанного ему предложения, не пожелав, по словам летописца, принять католичество. В польской буржуазной историографии этот факт или подвергался сомнению, или датировался последними годами жизни Казимира III. Между тем еще О. Бальцер на исходе XIX в. установил, что предназначаться в жены Кориатовичу могла только Кунигунда, выданная замуж за бранденбургского электора и баварского князя Людвига (сына императора Людвига Виттельсбаха) в 1345 г., поскольку старшая дочь Казимира III Эльжбета вступила в брак с западно-поморским (вологодским) князем Богуславом V еще раньше, в 1343 г.¹⁸³ Следовательно, попытка польского короля

¹⁷⁹ *Летописи* белорусско-литовские. – С. 66, 74.

¹⁸⁰ *Strykowski M.* *Kronika polska...* – Т. 2. – С. 6, 7.

¹⁸¹ *Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r.* // *AW.* – 1937. – R. 12. – Not. 122. – S. 66.

¹⁸² *Летописи* белорусско-литовские. – С. 66, 74.

¹⁸³ *Balcer O.* *Genealogia Piastów.* – Kraków, 1895. – С. 394, 396.

установить династическую связь с одним из подольских Кориатовичей могла иметь место только в 1344 г.

Утверждение власти Кориатовичей в Подольской земле происходило в кратковременный период спада внешнеполитической активности Орды на западе. Вплоть до 1349 г. источники не дают никакой информации об ее участии в политических событиях Галицко-Волынской Руси. Причины этого следует искать, по-видимому, не только во вспышке внутрдинастической борьбы, предшествовавшей захвату власти после смерти хана Узбека в 1342 г. его сыном Джанибеком,¹⁸⁴ но и в ориентации внешнеполитического курса Орды главным образом на захват Аррана и Азербай- /46/ джана в связи с начавшимся в конце 30-х гг. XIV в. распадом государства Хулагуидов.¹⁸⁵ Ослабить потенциальные возможности Орды могла и эпидемия чумы ("черной смерти"); занесенная из Китая, в 1346 г, "она свирепствовала на *побережье Каспийского и Черного морей*, а также в землях у *устья Дона*" .¹⁸⁶ Примечательно, что затруднительными обстоятельствами Золотой Орды воспользовалось, кроме Великого княжества Литовского, также Венгерское королевство, отвоевавшее где-то в середине 40-х гг. XIV в. у ордынцев часть территории на юго-западе Днестровско-Карпатских земель.¹⁸⁷ Насколько велики были территориальные приобретения Кориатовичей в Подольской земле и как далеко на юг они простирались, сказать трудно. Можно предположить, что в 40-х гг. XIV в. их власть признало население примыкавшего к границам Галицкой и Волынской земель междуречья Днестра и Южного Буга в среднем течении, захваченного Ордой у Галицко-Волынского княжества в середине 20-х гг. XIV в.

Захват Саноцкой и Перемышльской земель не удовлетворил наиболее агрессивные круги малопольских панов, определявших при Казимире III внешнеполитический курс Польского королевства. Чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для захватов на Руси, Казимир III 8 июля 1343 г. подписал Калишский мирный договор с крестоносцами, по которому он отрекался от Поморья в пользу Тевтонского ордена, но взамен получал Куявскую и Добжинскую земли.¹⁸⁸ Намысловским мирным договором от 22 ноября 1348 г. польский король обеспечил мир своим владениям и со стороны чешских Люксембургов.¹⁸⁹ Учитывая опыт предыдущих походов, Казимир III в начале 1349 г. вступил в соглашение и с Ордой.¹⁹⁰ Эти дипломатические меры дали возможность польским феодалам сосредоточить значительные военные силы для нового наступления на Галицко-Волынскую Русь.

Заклучив с Польским королевством Калишский мир, Тевтонский орден также получил возможность сосредоточить все свои военные силы против Литвы. Значительную помощь оказывало ему рыцарство Западной Европы, побуждаемое к борьбе с "язычниками" папской курией. Ухудшение международного положения Великого княжества Литовского вследствие усиления агрессии крестоносцев вызвало глубокий кризис в его правящей верхушке, где, как

¹⁸⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – С. 106.

¹⁸⁵ Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. – Изд. 2-е. – М., 1977. – С. 250.

¹⁸⁶ Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. – М., 1946. – Т. 8. – С. 149.

¹⁸⁷ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... – С. 78–79.

¹⁸⁸ История Польши. – М., 1955. – Т. 1. – С. 106; Kaczmarczyk Z. Polska czasów Kazimierza Wielkiego. – Kraków, 1964. – S. 47–48.

¹⁸⁹ Kaczmarczyk Z. Polska czasów Kazimierza Wielkiego. – S. 58–59.

¹⁹⁰ МРН. – Т. 2. – S. 855; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 52.

можно предположить, обнаружилось отсутствие единства относительно главных внешнеполитических целей в этой сложной обстановке и способов концентрации сил для защиты находившихся под наибольшей угрозой собственно литовских земель. Зимой 1344/45 гг., в результате дворцового переворота, великим князем литовским при содействии Кей- /47/ стута стал витебский князь Ольгерд Гедиминович. Плененному Кейстуту Явнутию удалось бежать в Москву, где он был обращен в христианство.¹⁹¹ Его ближайший сподвижник пинский князь Наримант был вынужден искать убежище в Орде у хана Джанибека.¹⁹² Через год или несколько более оба они, однако, примирились с Ольгердом и вернулись в свои владения: Наримант в Пинск, а Явнутий в выделенный ему Заславль (в Белоруссии).¹⁹³

2 февраля 1348 г. войска Великого княжества Литовского потерпели крупное поражение в битве при р. Стреве с 40-тысячной армией крестоносцев, в составе которой были немецкие, французские и английские отряды рыцарей. По словам Германа из Вартберга, в ходе сражения "пало более 10000 литовцев и русских, призванных на помощь из различных мест, как-то: Лантмара (Владимира), Брейзике (Бреста), Витебска, Смоленска и Полоцка. Нармант, король русский, брат Алгерда и Кейнстута, литовских королей, был также убит в этом сражении".¹⁹⁴ Сведения эти, в частности участие в битве войска Дмитрия-Любарта, подтверждают записи других орденских хронистов-современников.¹⁹⁵

Военное поражение от крестоносцев еще более усугубило и без того сложное международное положение Великого княжества Литовского. Один из главных путей улучшения сложившейся обстановки Ольгерд и подвластные ему Гедиминовичи видели в урегулировании отношений с Ордой, обострившихся после присоединения к великому княжеству части Подолья. С целью снова добиться военно-дипломатической поддержки Орды, столь необходимой для Литвы в связи с усилившейся угрозой военного конфликта с Польским королевством, уже в 1349 г. в ханскую ставку было отправлено посольство во главе с Кориатом Гедиминовичем, но его миссия оказалась неудачной: по распоряжению хана литовские послы были выданы великому московскому князю.

Воскресенская и Никоновская летописи повествуют об этом посольстве следующим образом: "Того же лѣта князь великий Литовский Олгерд посла в орду к царю Чженибѣку брата своего Корияда просити себѣ помощи на великого князя Семена. Слышав же то великий князь Семен, и посла своих килечеев: Феодора Глебовича, да Амину да Федора Шибачеева ко царю жаловатися на Олгерда. Слышав же царь от послов великого князя, яко Олгерд с братиею улус его, отчину князя великого испустишили, и выдаст царь послом великого князя братью Олгердову, князей Литовских, Корияда да Михаила, Семена Свичелоскаго, да Аишка и дружину их, и приведены быша на Мос- /48/ кву послом царевым Тотуем".¹⁹⁶ Летописный рассказ обнажает противоречивость литовско-ордынско-московских взаимоотношений конца 40-х гг. XIV в. и упоминает об

¹⁹¹ *Летопись* по Воскресенскому списку. – С. 210; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 209–210.

¹⁹² *Летопись* по Воскресенскому списку. – С. 210.

¹⁹³ *Супрасльская* летопись. – С. 61; *Любавский М. К.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – М., 1892. – С. 8.

¹⁹⁴ *Ливонская* хроника Германа Вартберга. – С. 106–107. /161/

¹⁹⁵ /161/ *Wigand von Marburg.* Cronica nova Prutenica // SRP. – Т. 2. – С. 511.

¹⁹⁶ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 215; *Летопись* по Воскресенскому списку. – С. 215.

обстоятельствах, имеющих несомненную историческую ценность: 1) скрываемая за антилитовской направленностью речей (обусловленной, очевидно, дипломатическими соображениями) явно дружественная Литве цель московской миссии в Орде; 2) сообщение московских послов о, как можно думать, недавнем наступлении "Ольгерда и его братии" на ордынские владения ("улус" царев); 3) упоминание о наследственных правах на этот "улус" великого князя московского. О цели московского посольства в Орду прямо говорится в Супрасльской летописи: "В лѣто 6857 (1349). Князь великий Семень Ивановичь посла в орду князя Федора Глѣбовича, а с ним кылычей Федор Шубачев а Иминь. Вытягаше князеи литовьских: Михаила-Кораида, Семена свислоцкого и Якшу".¹⁹⁷ Побудить московского князя направить своих послов в Орду, чтобы "вытянуть" оттуда задержанных ханом литовских князей, мог поддерживавший тесные связи с Дмитрием-Любартом митрополит Феогност, который как раз в конце "того же лѣта прииде... из Волыни"¹⁹⁸ в Москву и потому был хорошо осведомлен о важнейших политических событиях, имевших место в Юго-Западной Руси и Литве в 1349 г. Что касается опустошенного литовскими князьями ханского улуса, то о его местонахождении в отечественной литературе высказывались самые разные догадки, но во всех случаях оно предполагалось в Северо-Восточной Руси. Между тем летописное определение царев "улус" не может быть отнесено ни к одному из северо-восточных русских городов – объектам наступления Ольгерда в 40-х гг. XIV в.: Можайску (1341),¹⁹⁹ Пскову (1342, 1348),²⁰⁰ Новгороду (1346),²⁰¹ но вполне применимо к Подолью или какой-нибудь его части.

Взаимно дополняющие друг друга известия русских и белорусско-литовских летописей о причастности Ольгерда к наступательным действиям Кориатовичей в подвластной ордынцам Подольской земле указывают на несомненную историчность этого факта, который следует датировать, вероятнее всего, 1346–1347 гг. Но вряд ли будет оправданным оценивать эти действия как главную причину утверждения власти литовских князей в Подолье. Из слов московских послов следует, что наступление войск Ольгерда в данном случае имело характер опустошительного набега на ордынские владения. Само предоставление военной помощи Кориатовичам со стороны великого князя литовского, возможно, преследовало цель не столько расширить подвластную им территорию в Подольской земле, сколько усилить /49/ зависимость этих князей от верховной власти в Литве. Особое выделение послами в Орде того обстоятельства, что опустошенная литовскими князьями территория являлась не только ханским улусом, но и отчиной великих князей московских, говорит о том, что подольские события 1346–1347 гг. воспринимали в Москве именно таким образом.

Используя ослабление Великого княжества Литовского, Казимир III в августе – ноябре 1349 г. захватил почти всю территорию Галицко-Волынской Руси, включая и берестейскую землю, доставшуюся в удел Кейстуту Гедиминовичу. Любарту удалось удержать за собой лишь Луцкую землю.²⁰² В связи с этим событием К. Маркс отметил: *"Казимир завоевывает всю Червонную Русь или Галицию..."* Споры среди наследников Гедимина позволили ему

¹⁹⁷ Супрасльская летопись. – С. 46.

¹⁹⁸ Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 215.

¹⁹⁹ Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 213.

²⁰⁰ НПЛ. – С. 354; Псковские летописи. – М.; Л., 1955. – Вып. 2. – С. 25, 27, 29.

²⁰¹ НПЛ. – С. 358; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. – Пг., 1915. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 276.

²⁰² Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum. – S. 629; Długosz J. Dzieje w Polskich księstwa. – T. 5, ks. 9. – S. 321–322.

также захватить *Волинь*".²⁰³ Поход был совершен без участия войск Венгрии. Понимая, что только польскими силами захваченную территорию не удержать, Казимир III обратился за помощью к венгерскому королю. 4 апреля 1350 г. в Буде было подписано соглашение, по которому Людовик Венгерский и его брат Стефан, дав согласие на помощь Польше, признавали, однако, галицко-волинские земли лишь временным владением Казимира III и обусловили возможность их выкупа за 100 тыс. флоринов.²⁰⁴ В 1351 г. польский король добился помощи от папского престола.²⁰⁵

Военное поражение 1348 г. и потеря почти всей Галицко-Волинской Руси обострили кризис в правящей верхушке Великого княжества Литовского, которая снова раскололась на две придерживавшиеся различных внешнеполитических программ группировки. Одна из них возглавлялась князем Троком и Берестейской земли Кейстутом, другая – великим князем литовским Ольгердом. После непродолжительной борьбы, завершившейся пленением Ольгерда, последний пошел на уступки группировке Кейстута.²⁰⁶ Следствием достигнутого компромисса явились акции литовского великокняжеского правительства, направленные на улучшение отношений с Великим княжеством Московским.

В 1350 г. в Москву прибыло посольство от Ольгерда "со многими дарами и с челобитьем, прося мира и живота братии своей, князем Литовским Кориадом и Михаилу, и всей дружине их". Московский великий князь Симеон Иванович "дары его прият и мир с ним взят, а братию его князей Литовских отпусти".²⁰⁷ Среди прочих условий мира были, очевидно, отказ Ольгерда от дальнейшего наступления на Северо-Восточную Русь и признание им сюзеренитета Москвы над Смоленским княжеством.²⁰⁸ Примечательно, что в летописях Северо-Восточной Руси сообщению о /50/ посольстве Ольгерда в Москву предварено известие о захвате Казимиром III "лестию" Волинской земли, подчеркивается, что он "много зла христианом сотвори", а затем под тем же 1350 г. специально выделено известие о посольстве в Москву "из Волини" князя Дмитрия-Любарта и женитьбе его на племяннице Симеона Гордого, дочери Константина Ростовского. Тогда же великий князь московский дал свое согласие и на брак Ольгерда с тверской княжной Ульяной.²⁰⁹ Эти летописные известия, как и другие приведенные выше данные, позволяют судить о той важной роли, которую сыграло в нормализации литовско-московских отношений волинское боярство, примыкавшее во главе с Дмитрием-Любартом к группировке Кейстута. Мир с Москвой дал возможность Великому княжеству Литовскому не только сосредоточить военные силы против Польского королевства и перейти в наступление уже в 1350 г., но и, видимо, явился

²⁰³ Маркс К. Хронологические выписки. – Т. 5. – С. 347.

²⁰⁴ Dowiat J. Polska – państwa i kultura średniowiecznej Europy. – S. 325–326.

²⁰⁵ VMPL. – Т. 1. – N 702. – P. 531–533.

²⁰⁶ Подробнее об этом см.: Kołkowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. – Warszawa, 1930. – S. 7–8.

²⁰⁷ Симеоновская летопись. – С. 97; Летопись по Воскресенскому списку. – С. 215; Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 215.

²⁰⁸ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Пробл. ист. географ. России. – Вып. 1. – М., 1982. – С. 61–65; Kołkowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. – S. 8. – Not. 1.

²⁰⁹ Симеоновская летопись. – С. 97; Летопись по Воскресенскому списку. – С. 215; Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 215; Рогожский летописец // ПСРЛ. – Т. 15, вып. 1. – Стб. 59.

средством, при помощи которого Ольгерд добился сначала нейтралитета, а затем и выступления на своей стороне войск Орды, правящая верхушка которой не могла не опасаться чрезмерного усиления Польского королевства за счет галицко-волинских земель.²¹⁰

В результате военных действий 1350 г. литовско-русские войска отвоевали всю Волинь вместе с Белзом и Холмом, а также Берестейскую землю, но Галицкая Русь со Львовом осталась под властью Казимира III.²¹¹ Попытки польско-венгерских войск восстановить в Галицко-Волинской Руси статус 1349 г. – поход на Берестейщину в 1351 г., а также Белз и Владимир в апреле – мае 1352 г. – оказались безуспешными.²¹² Открытый переход Орды на сторону Литвы весной 1352 г. в корне изменил соотношение сил в польско-литовском конфликте, заставил польского короля отказаться от продолжения военных действий и уже осенью того же года пойти на компромисс с Гедиминовичами.²¹³ По соглашению 1352 г. Галицко-Волинская Русь была разделена между Казимиром III и великим князем литовским Ольгердом. Польскому королевству досталась Галицкая земля и часть Подолья, а Великому княжеству Литовскому – Волинь с городами Владимиром, Луцком, Белзом и Холмом, а также Берестейская земля.²¹⁴ Правдоподобно, что польско-литовское соглашение, надвое разделившее в политическом отношении Галицко-Волинскую Русь, было достигнуто при непосредственном участии ордынской дипломатии и с санкции ханской власти.²¹⁵

Более поздний источник – жалованная грамота польского короля Владислава-Ягайла от 12 июня 1395 г. краковскому воеводе Спытку из Мельштына на владение большинством подольских замков с их округами – позволяет уточнить, какие именно земли Кориатовичей на Подолье были захвачены Казимиром III /51/ в результате военной кампании 1349 г. В ней, в частности, утверждается, что округа Теребовль и Стенка остаются с правами, которые они имели при Казимире III и Владиславе Опольском.²¹⁶ Возможно, именно территорию этих округов, находившихся на юго-восточной окраине Галицкой земли между реками Стрыпой и Збручем и по течению р. Смотрич,²¹⁷ имел в виду Ян Длугош, когда писал о нападении в 1352 г. приглашенной Ольгердом большой орды на "подчиненное Польскому королевству Подолье".²¹⁸ Близкие к событиям 1349–1352 гг. источники подтверждают тесное политическое сотрудничество Дмитрия-Любарта Гедиминовича и Кориатовичей, опосредованно указывая на отношение последних к Галицкой земле и Подолью. Так, Юрий Кориатович в качестве заинтересованной стороны фигурирует в акте перемирия между

²¹⁰ См.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 52–53.

²¹¹ *Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum.* – S. 630; *Kaczmarczyk Z. Polska czasów Kazimierza Wielkiego.* – S. 65–66.

²¹² *Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego.* – S. 130–131.

²¹³ *Długosz J. Dzieje Polski.* – Т. 5, кс. 9. – S. 337–338.

²¹⁴ *Грамоти XIV ст.* – К., 1974. – № 14. – С. 29–31.

²¹⁵ *Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды.* – С. 53.

²¹⁶ *Codex epistolaris Vitoldi, 1376–1430.* – Kraków, 1882. – N 115. – S. 39.

²¹⁷ Локализацию замка Стенка, являвшегося в XIV в. центром одноименной округи, см. – Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. – С. 36.

²¹⁸ *Długosz J. Dzieje Polski.* – Т. 5, кс. 9. – S. 337–338.

польским королем и Гедиминовичами в 1352 г. рядом с Юрием Наримонтовичем, Любартом, Кейстутом и Явнутием.²¹⁹ Александр и Константин Кориатовичи в этом акте не упомянуты. В мирном соглашении 1366 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским Юрий Наримантович, Юрий Кориатович и его брат Александр выступают уже на стороне Казимира III.²²⁰ Тогда же, по свидетельству Яна из Чарнкова, польский король отдал Александру, своему "наивернейшему князю", Владимирскую землю, которой прежде владел Дмитрий-Любарт. Этот Кориатович, добавляет хронист, держал ее до самой смерти Казимира III, "верно ему служа".²²¹ Длугош также сообщает о передаче части Владимирской земли "в управление сыну литовского князя Михаила или Кориата, внуку Ольгерда и Кейстута, князю литовскому Александру".²²²

В польской историографии Александр Кориатович считается владельцем подольских земель, находившихся в пределах захваченных в 1349 г. Казимиром III округов Теребовли и Стенки.²²³ Для аргументации этой версии обычно привлекается папская булла от 14 марта 1351 г., из которой следует, что еще в начале 1351 г. Казимир III, сообщая папе о захвате им на Руси обширной территории, на которой можно основать семь крупных епископств вместе с митрополией и что один из могущественнейших князей той земли принял католицизм, подчеркивал также необходимость больших усилий для защиты добытого края от господствовавших там ордынцев.²²⁴ Указывают и на другую папскую буллу, адресованную в 1378 г. Александру Кориатовичу, с признанием его заслуг в "защите католической веры от вероломных татар".²²⁵ Мнение польских историков хотя и малообоснованно, но выглядит вполне правдоподобно и с ним можно согласиться. Таким образом, отразившееся в летописных источниках утверждение власти Кориатовичей в Малом Подолье до /52/ битвы у Синих Вод частично подтверждается и актовым материалом.

Новый этап в борьбе между Польским королевством и Великим княжеством Литовским за земли Галицко-Волынской Руси наступил в 1365–1366 гг., когда Казимир III снова попытался воспользоваться неблагоприятной для Литвы международной ситуацией, чтобы возвратить под свою власть утраченную 14 лет назад Волынь. В 1366 г. его войска захватили Холм и Белз. Переговоры с Гедиминовичами привели к новому соглашению, в силу которого к Польскому королевству отошли Белзская, Холмская и почти вся Владимирская земли. В Белзской и Холмской землях как ленник польского короля был посажен князь Юрий Наримантович, а в западной части Волыни с центром во Владимире – Александр Кориатович с теми же правами. Отдельное соглашение определяло статус Дмитрия-Любарта Гедиминовича, который остался в Луцке и при восьми меньших волынских городах, но с

²¹⁹ *Грамоти* XIV ст. – № 14. – С. 29–31.

²²⁰ *Czuczyski A. Traktat księstwa litewskich z Kazimierzem Wielkim z roku 1366* // КН. – 1890. – З. 3. – С. 514.

²²¹ *Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum.* – S. 631.

²²² *Długosz J. Dzieje Polski.* – Т. 5, кс. 9. – С. 419.

²²³ См., например: *Puzyna J. Koriat i Koriatowicze oraz sprawa podolska.* – АВ. – 1936. – Р. 4. – С. 12–19; *Puzyna J. Pierwsze wystąpienia Koriatowiczów na Rusi Południowej* // АВ. – 1938. – Р. 13, з. 2. – С. 1–67; *Nowmiański H. Wcielenie Litwy do Polski w 1938 r.* – С. 66.

²²⁴ *VMPL.* – Т. 1. – N 702. – Р. 532.

²²⁵ *VMPL.* – Т. 1. – N 1015. – Р. 748.

условием предоставления им военной помощи Польше даже в случае ее конфликта с Литвой.²²⁶ Вскоре, однако, Дмитрий-Любарт, воспользовавшись политическими неурядицами в Польше, наступившими в связи с кончиной Казимира в 1370 г., снова овладел Владимиром, а в 1376 г. на короткое время также Холмской и Белзской землями.²²⁷

Новому польскому королю Людовику Венгерскому (1370–1382) в результате предпринятого в 1377 г. похода удалось опять захватить западную Волинь (Холм и Белз), но за Дмитрием-Любартом осталась ее большая часть.²²⁸ К 1382 г., году смерти Людовика Венгерского, относится последняя попытка Дмитрия-Любарта Гедиминовича объединить под своей властью всю Галицко-Волинскую Русь. Но ему удалось овладеть лишь некоторыми пограничными галицкими замками – Лопатином, Олесько и др.²²⁹ Длительная и ожесточенная вооруженная борьба за Галицко-Волинскую Русь, таким образом, завершилась к исходу XIV в. predetermined еще условиями договора 1352 г. ее разделом: Галицкая земля на правах королевского домена была включена в состав Польского королевства, а почти вся Волинь отошла к Великому княжеству Литовскому.

Примерно в середине 50-х гг. XIV в. активизируется экспансия литовских феодалов в Среднем Поднепровье, совпавшая по времени с усилением их наступления на земли Северо-Восточной Руси. И на этих направлениях экспансия Великого княжества Литовского, связанная, в первую очередь, с деятельностью той группировки боярства, которая поддерживала внешнеполитический курс Ольгерда, также натолкнулась на противодействие, но уже не только внешних сил, но главным образом местных политиче- /53/ ских сил во главе с возникшим на самой Руси центром ее объединения и организации борьбы против ордынского ига – Великим княжеством Московским.

Благодаря фундаментальным исследованиям Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина, А. М. Сахарова, А. Л. Шапиро, В. А. Кучкина и других советских историков²³⁰ процесс политического объединения русских земель вокруг Москвы и образования единого Русского государства достаточно хорошо изучен во многих аспектах. В последнее время в советской историографии усилился интерес к ранним этапам этого процесса, выяснению его генетической связи с централизаторскими тенденциями политического развития Руси во времена ее феодальной раздробленности. В частности, было отмечено, что еще в этот период возникли экономические и социальные предпосылки образования на Руси централизованного государства, но последовавшее затем ухудшение внешнеполитических условий сузило территориальную основу процесса, осложнило и замедлило его.²³¹ Указывалось, что ранние этапы объединительного процесса характеризуются борьбой

²²⁶ *Joannis de Czarnekow. Chronicon Polonorum.* – S. 631; *Długosz J. Dzieje w Polskich księstwach i państwach.* – Т. 5, кс. 9. – S. 418–420; *Грамоти XIV ст.* – № 19. – С. 38; *Czuczyski A. Traktat o litewskich...* – S. 513–515.

²²⁷ *Joannis de Czarnekow. Chronicon Polonorum.* – S. 643–644, 675.

²²⁸ *Joannis de Czarnekow. Chronicon Polonorum.* – S. 679.

²²⁹ *Joannis de Czarnekow. Chronicon Polonorum.* – S. 721–722.

²³⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М., 1960; Мавродин В. В. Образование единого русского государства. – Л., 1951; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – М., 1955; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XV вв. – Л., 1977; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.

²³¹ Паушто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. – С. 16. /162/

центростремительных и центробежных сил, отстаивавших две противоположные по своим целям программы: 1) восстановление былого единства Руси; 2) дальнейшее политическое обособление ее отдельных земель.²³² В период феодальной раздробленности (полицентризма) сразу несколько феодальных центров стремились воплотить в жизнь общерусскую объединительную программу, конечно, в том ее варианте, который обеспечивал каждому из этих центров определенные социально-экономические и политические преимущества перед другими претендентами.²³³ Общим для всех вариантов программы, ее основой, являлось устойчивое представление разных общественных слоев о территориальной целостности Руси, этническом и культурном родстве населения ее различных частей, которое дополнялось постепенно крепнувшим в среде господствующего класса убеждением о необходимости установления политического единства Русской земли.²³⁴ Эта основа в качестве древнерусской традиции (одно из ее проявлений – отстаивание членами русской правящей династии своего исключительного наследственного права на занятие княжеских столов на всей территории Руси) была сохранена в политических программах Тверского, Московского и Нижегородского княжеств, пытавшихся на протяжении 20–60-х гг. XIV в. возглавить активизировавшийся в Северо-Восточной Руси процесс объединения в политических рамках Великого Владимирского княжения.

Как известно, Московское княжество заняло доминирующее положение в Северо-Восточной Руси в период правления Ивана Даниловича Калиты (1325–1340). К. Маркс подчеркивал, что "при /54/ нем была заложена основа *могущества Москвы*".²³⁵ Одновременно к Москве переходит роль общерусского центра. В 1326 г. она становится церковной столицей Руси – постоянной резиденцией общерусского митрополита, влиятельного союзника московских князей в проводимой ими политике объединения русских земель. Примерно с середины XIV в. великие князья московские повели активную борьбу за утверждение своего политического приоритета не только в Великом княжестве Владимирском, но и во всех бывших древнерусских землях, где возглавляемому Москвой союзу княжеств и земель противостояло Великое княжество Литовское. Так, к началу 50-х гг. XIV в. относятся, как уже отмечалось, крупные внешнеполитические акции московского правительства в Орде, предпринятые с целью защиты общерусских интересов в связи с наступлением на Русь литовских, а затем и польских феодалов. Широта политических интересов московских князей той поры нашла отражение в титулатуре Симеона Гордого. "Он добился того, – отмечал К. Маркс, – что *впервые* был назначен *"великим князем всея Руси"*".²³⁶ Одновременно с активизацией процессов политического объединения земель Руси ширится и крепнет тенденция к консолидации их антиордынских сил на основе общерусской программы и организации вооруженной борьбы против господства Золотой Орды. Характерно, что с укреплением ведущих политических позиций Москвы к ней переходит и роль антиордынского лидера княжеств и земель Руси. В 1358 г. Московское великое княжество впервые вступило в открытую конфронтацию с Ордой, отразив попытку ханской власти усилить зависимость от нее Рязанского княжества. В ответ на домогательства

²³² /162/ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 14–19.

²³³ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 18–19.

²³⁴ Пауто В. Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М., 1982. – С. 18, 53; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI–XVII вв. – М., 1978. – С. 15.

²³⁵ Маркс К. Хронологические выписки. – Т. 8. – С. 149.

²³⁶ Маркс К. Хронологические выписки. – Т. 8. – С. 149.

ханского посла отторгнуть территорию Рязанского княжества от других княжеств, великий московский князь Иван Иванович Красный (1353–1359) "не выпусти его в свою отчину в Руськую землю".²³⁷

Выдвижение Москвы на роль лидера в процессе объединения и организации антиордынской борьбы, наметившееся в конце 50-х гг. XIV в., было, однако, приостановлено ордынской дипломатией. Используя внутренние противоречия политического развития Северо-Восточной Руси, Орде удалось добиться временного ослабления Московского княжества путем передачи в 1360 г. ярлыка на Великое княжение Владимирское не малолетнему Дмитрию, ставшему московским князем после смерти своего отца Ивана Красного, а нижегородскому князю, а также реставрации независимой от Москвы системы княжеств, в частности Галицкого и Ростовского.²³⁸ В силу этих обстоятельств московская великокняжеская власть вынуждена была отказаться от открытой конфронтации с Ордой и на протяжении ряда последующих лет сосредоточить главные усилия на восстановлении своего политического приоритета в Северо-Восточной Руси.

Именно на этот период временного ослабления Московского великого княжества и приходится наибольшие успехи наступления Великого княжества Литовского на юго-востоке. Подготовка к нему началась еще в середине 50-х гг. XIV в., когда, как и в начале 20-х гг., правящие круги Литвы предприняли попытку при помощи дипломатических средств обезопасить ее земли от натиска крестоносцев. Так, продолжая военные действия против Тевтонского ордена, Литва во второй половине 1356 г. заключила направленный против него договор с Польшей.²³⁹ В 1358 г. литовские представители вступили в переговоры с послами императора Карла IV о крещении Литвы, выдвинув при этом явно неприемлемые для католического Запада условия: возвратить захваченные Орденом у Литвы земли и переселить крестоносцев на юг, в степное пограничье для защиты населения Литвы и подвластной ей Руси от нападений ордынцев, "и чтобы Орден не удерживал за собой никакого права на русских, но чтобы вся Русь целиком принадлежала литовцам".²⁴⁰ Переговоры эти, имевшие целью подорвать "миссийную" роль крестоносцев в христианизации языческой Литвы и на какое-то время прекратить их военные походы на собственно литовские земли, оказались безуспешными. В первой половине 60-х гг. XIV в. натиск орденских войск на литовские земли не только не ослабел, но, напротив, значительно усилился. Поэтому великокняжескому правительству Ольгерда одновременно с развертыванием наступления на юго-востоке приходилось принимать меры к отражению нападений крестоносцев на западе.

Главными объектами нового массированного наступления литовских феодалов на Руси стали земли Смоленского и Брянского княжеств, а также Среднее Поднепровье, разделявшие владения Литвы и Московского великого княжества и уже не одно десятилетие находившиеся под их перекрестным политическим влиянием. Так, в 1356 г. Литва отторгла от Смоленского княжества и присоединила к своим владениям Ржеву, в 1359 г. – Мстиславль

²³⁷ *Рогожский* летописец. – Стб. 67; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 538; сравни: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. – М., 1980. – С. 57–58.

²³⁸ *Рогожский* летописец. – Стб. 68–69; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 551–556; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 58–59.

²³⁹ *Kaczmarczyk Z.* Polska czasów Kazimierza Wielkiego. – S. 99; *Wyrozumski J.* Historia Polski do 1505 r. – S. 229.

²⁴⁰ *Ливонская* хроника Германа Вартберга. – С. 108; *Karwasińska J.* Złote bulle Karola IV w sprawie chrztu Litwy // *Cultus et Cognitionis*. – Warszawa, 1976. – S. 233–249.

и, вероятно, Белую, а в 1362 г. – Торопец.²⁴¹ В 1359 г. Ольгерд завладел Брянском.²⁴² По-видимому, в самом конце 50-х гг., одновременно с захватом Мстиславля и Брянска, в состав Великого княжества Литовского были включены земли, расположенные по берегам рек Березины, среднего Днепра и Сожа, с городами Пропойск, Чечерск, Речица и Любеч.²⁴³ Границы владений Литвы, таким образом, вплотную подошли к территории Киевского княжества и Чернигово-Северщины не только с запада, со стороны Волыни, но и с севера, что облегчило литовским феодалам окончательное утверждение своей власти и в этом регионе.

Дальнейший ход политических событий показал, что в 50-х гг. XIV в. Среднее Поднепровье пребывало в меньшей зависимости от Литвы, чем на рубеже 20–30-х гг. того же столетия, и даже в Киеве, управляемом, по-видимому, все тем же литовским князем Федором, Ольгерд не располагал всей полнотой власти. Вместе с тем представляется бесспорным, что литовское великокняжеское правительство продолжало удерживать определенные позиции в поднепровском крае и в Киеве. В противном случае было бы трудно объяснить первоначальный успех предпринятых в первой половине 50-х гг. XIV в. Ольгердом попыток утвердить в Киеве в сане общерусского митрополита своих ставленников: сначала Феодорита (1352), а затем – Романа (1354). Среди наиболее вероятных причин ослабления политического влияния Литвы в Среднем Поднепровье необходимо назвать такие, как упрочение ханской власти над ним и переориентация примерно в конце 40 – начале 50-х гг. XIV в. какой-то части местного боярства на Москву. Усилению здесь промосковской феодальной группировки в значительной степени способствовало, помимо постоянных и оживленных торговых отношений с княжествами Северо-Восточной Руси, то обстоятельство, что Киев был связан с Москвой единством церковной власти.

Что касается упрочения ханской власти над Средним Поднепровьем, то оно могло быть одним из результатов осуществленного Ордой в конце 30-х гг. XIV в. военно-политического нажима на русские княжества и их правителей, находившихся в сфере антиордынского политического влияния Литвы еще с 1320-х гг. Так, 28 октября 1338 г. в ханской ставке был убит вместе с сыном Федором тверской князь Александр Михайлович, вынужденный бежать из Твери после антиордынского восстания 1327 г. и затем десять лет княживший во Пскове "с литовской руки".²⁴⁴ В 1339 г. был убит своим племянником козельский и звенигородский князь Андрей (Андриан) Мстиславич, женатый на дочери литовского князя.²⁴⁵ В конце 1339 г. из Орды через Переяславль-Рязанский на подвластный Литве Смоленск двинулась рать воеводы Товлубия, за год до этого руководившего казнью тверского князя. "По цареву повелению" в походе приняли участие войска, выставленные великим московским князем Иваном Калитой, а также рязанским князем Иваном Коротополом. Несмотря на большое количество привлеченных сил, осада Смоленска была безуспешной: подвластные хану войска вскоре отступили, не взяв города.²⁴⁶

²⁴¹ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 49.

²⁴² Рогожский летописец. – Стб. 68; Пауто В. Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. – С. 31.

²⁴³ Пауто В. Т. Образование Литовского государства. – С. 268. – Прим. 119.

²⁴⁴ Более подробно об этом см.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 498–508; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. – М., 1974. – С. 5–7.

²⁴⁵ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 208, 292.

²⁴⁶ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – С. 421; Летопись по Воскресенскому списку. – С. 206; Симеоновская летопись. – С. 92–93.

Нетрудно заметить, что во всех указанных случаях натиск Орды на связанные с Литвой теми или иными формами полити- /57/ ческих отношений княжества Руси осуществлялся в обход Среднего Поднепровья. Между тем, казалось бы, именно этот край должен был привлечь первоочередное и особое внимание тех кругов в Орде, которые добивались в конце 30-х гг. XIV в. ограничения сфер влияния Литвы на Руси, хотя бы потому, что он, как и другие объекты ордынского натиска, находился с середины 20-х гг. XIV в. в определенной зависимости от литовской великокняжеской власти, а также ввиду традиционно высокого престижа и важного стратегического значения его центра – Киева. В этом смысле представляется возможным и верным соотнести со Средним Поднепровьем поход ордынских войск на какие-то владения Литвы в 1338 г., о чем в Никоновской летописи имеется следующая единичная и самого общего характера запись: "Того же лѣта Татарове воеваше Литву".²⁴⁷ Отсутствие в источниках каких-либо свидетельств об обострении в то время отношений между Ордой и Галицко-Волынским княжеством, формально не зависимом при Болеславе-Юрии II от Литвы, не позволяет определить направление этого похода данным регионом Юго-Западной Руси. Напротив, по записи в одной из польских хроник, в 1337 г. состоялся совместный поход русских и ордынских войск на Люблин.²⁴⁸ Впрочем, достоверность этого сообщения ставится под сомнение некоторыми из польских историков.

Таким образом, фиксируемое источниками ослабление политических позиций Литвы в Среднем Поднепровье к началу 50-х гг. XIV в. было вызвано противодействием Орды, а затем и факторами его внутривосточного развития. Неудачный поход на Смоленск в 1339 г. сорвал антилитовские замыслы хана Узбека и его приспешников, предопределил неустойчивость и половинчатый характер результатов, достигнутых на Руси Ордой в ходе предпринятых ею военно-политических акций конца 30-х гг. XIV в., в том числе и в Среднем Поднепровье. В дальнейшем новое наступление Великого княжества Литовского на зависимые от Орды земли Руси и нарастание в них освободительного движения поставили золотоордынское иго в княжествах этого региона под угрозу полной ликвидации.

Присоединение Киевского княжества к Литве обычно датируется в исторической литературе 1361, 1362, а иногда, что ошибочно, и 1363 г. Основанием для этого послужили две записи Густинской летописи. В первой из них, еще под 1361 г. указан в Киеве князь Федор. Но уже под 1362 г. значится следующая запись: "В сие лѣто Олгерд побѣди трех царков Татарских и з ордами их, си ест, Котлубаха, Качзея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть Татарскую. Сей Олгерд и иныя Руские державы во свою власть прият, и Киев под Федором князем взят, и посади в нем /58/ Володымера сына своего; и нача над сими владѣти, им же отци его дань даяху".²⁴⁹ Никоновская летопись и Рогожский летописец под 6871 (1362) годом добавляют к этому: литовский князь Ольгерд "Синию Воду и Белобережье повоевал".²⁵⁰ В Никоновской же летописи, но вне связи с разгромом ордынцев и без указания имени Владимира сказано: "Бѣ же Олгерд дал сынови своему славный великий град Киев".²⁵¹ Следовательно, летописные источники связывают подчинение Киева власти Ольгерда с устранением князя Федора и передачей им города во владение своему сыну в 1361–1362 гг., во время общего наступления литовских феодалов на "Русские державы" и

²⁴⁷ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 208.

²⁴⁸ *МРН.* – *Лwów*, 1879. – Т. 3. – Р. 78, 119, 295.

²⁴⁹ *Густинская* летопись. – С. 350.

²⁵⁰ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 2; *Рогожский* летописец. – Стб. 75.

²⁵¹ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 2.

разгрома ордынцев в битве у Синих Вод. Летописи, однако, содержат мало свидетельств о конкретных обстоятельствах, при которых происходило утверждение власти литовского князя в Киеве и Киевском княжестве. Выяснить некоторые из них помогают свидетельства источников о борьбе виленского и московских политических центров в церковно-политической сфере в 50-х гг. XIV в. Борьба эта достаточно полно освещена в литературе.²⁵² Вот почему отметим лишь те события, которые непосредственно относятся к утверждению власти Ольгерда в Киеве. Таким событием, бесспорно, был приход в Киев в качестве общерусского митрополита, Ольгердова ставленника, грека Феодорита. Еще в 1352 г., т. е. при жизни митрополита Феогноста и вопреки взятому с Москвой в 1349 г. миру "на многа лѣта", правитель Великого княжества Литовского послал в Константинополь Феодорита для возведения в митрополиты, а когда патриарх Филофей отказал ему в этом, обратился, используя тогдашний раскол между византийской и болгарской церквями, к тырновскому патриарху. "Того же лѣта (6860), – сообщает Никоновская летопись, – инок Феодорит поставлен бысть митрополитом от Терновскаго патриарха и прииде в Киев".²⁵³ Полномочия Феодорита были признаны в подвластных Литве русских землях и княжествах, ибо константинопольскому патриарху пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам; он разослал "во все тамошние места" грамоты, в которых объявил Феодорита низложенным, а если не отступится от митрополии, то и отлученным от церкви; одновременно патриарший собор принял решение о перенесении кафедры русской митрополии из Киева во Владимир-на-Клязьме, санкционировав тем самым более чем полувековое существование митрополичьей резиденции в Северо-Восточной Руси.²⁵⁴

С июля 1354 г. Феодорит нигде более в источниках не упоминается. Но в том же году под давлением великого литовского князя патриарх Филофей принял компромиссное решение и утвердил двух митрополитов: московского кандидата Алексея /59/ и несколько месяцев спустя нового ставленника Ольгерда тверичанина Романа. Еще до своего поставления в Константинополе Роман предпринял попытку обосноваться в Киеве: "Того лѣта поиде из Литвы в Царьград Романъ чернецъ на митрополию, и выиде, не приняше бо его кияне".²⁵⁵ Данное летописное известие можно расценивать и как нежелание Ольгерда идти на окончательный разрыв с патриархатом, без санкции которого, это показал пример Феодорита, он не мог добиться поставленной цели, и как отсутствие у него в тот момент достаточных политических средств, чтобы превозмочь сопротивление киевлян.

По приезде в Великое княжество Литовское Роман, поставленный митрополитом лишь на Новогрудскую, Полоцкую и Туровскую епархии, сразу же попытался выйти за рамки предоставленной ему сферы ведения, что вызвало небывалую дотоле распрю между двумя архиереями. Потребовалась новая поездка их обоих в Константинополь во второй половине 1355 г. и разбирательство патриаршего собора, который подтвердил за Алексеем право на киевскую митрополию и "всея Руси", а Роману как литовскому митрополиту с резиденцией в Новогрудке придал еще и "епископии Малой Руси" (т. е. Галицко-Волынской Руси. – *Авт.*), но без Киева, за которым было сохранено значение "первого престола" митрополита

²⁵² См.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. – С. 290, 297; Голубинский Е. История русской церкви. – М., 1900. – Т. 2, кн. 1. – С. 172–173; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 54–57.

²⁵³ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 226.

²⁵⁴ *Памятники* древнерусского канонического права. – Прил. – № 10. – Стб. 51–60; № 11. – Стб. 59–64; № 12. – Стб. 63–70.

²⁵⁵ *Летописи* белорусско-литовские. – С. 47, 104.

Смысл борьбы двух митрополитов всея Руси заключался не только, как это обычно и вполне справедливо утверждается в литературе, в стремлении стоявших за ними правителей Великого княжества Литовского и Московского великого княжества при содействии церкви установить приоритет своей власти во всех землях Руси. Она, как представляется, была также одним из проявлений борьбы за политическое господство именно над Киевом и Средним Поднепровьем. Нейтрализация церковно-политического влияния Москвы при помощи литовского митрополита в Киеве, возможно, воспринималась правящей верхушкой Великого княжества Литовского как необходимое условие полного и окончательного подчинения этого края своей власти.

После нескольких неудачных попыток Роману все-таки удалось обосноваться в Киеве. В этом убеждают два документа, вышедшие из канцелярии патриарха Каллиста в июле 1361 г. В одном из них, в соборном определении о пределах киевской и литовской митрополии, сказано, что, "прийдя в Киев, он (т. е. Роман. – *Авт.*) не по праву совершал здесь литургии и рукоположения и дерзостно назвал себя единственным митрополитом киевским и всея Руси, что вызвало смуту и замешательство в области преосвященного митрополита киевского и всея Руси и побудило литовского государя возстать против христиан и причинить /60/ им не мало бед и кровопролития".²⁵⁷ П. Г. Клепатский, вслед за Н. Дашкевичем обративший внимание на это сообщение, справедливо считал его одним из основных доказательств утверждения литовского митрополита в Киеве, с чем он неразрывно связывал и подчинение Киевского княжества власти Ольгерда, датируя оба события 1357–1358 гг.²⁵⁸ Причем основанием для датировки ему послужили следующие факты. В начале 1358 г. митрополит Алексей, заручившись предварительно поддержкой в Орде и Константинополе, "иде в Киев", а вернулся "в Володимерь и на Москву", как отмечено в Воскресенской и Никоновской летописях, в 1360 г.²⁵⁹ Без него в ноябре 1358 г. скончался великий московский князь Иван Иванович Красный, оставив на его попечение не только малолетнего сына Дмитрия, но и "управление и охрану всего княжества".²⁶⁰ Причина продолжительного отсутствия митрополита Алексея заключалась в том, что во время объезда епархий Юго-Западной Руси он по распоряжению Ольгерда был схвачен и взят под стражу. Лишь с помощью своих приверженцев ему удалось тайно бежать и тем самым спастись от возможной расправы.²⁶¹ В связи с этим эпизодом А. Е. Пресняков счел необходимым сделать такое разъяснение: "Смелая попытка митрополита Алексея осуществить свою власть в Киевской Руси на глазах Ольгерда и Романа непонятна без предположения, что она опиралась на сильную поддержку в Киеве и южной Руси".²⁶² Данное замечание известного

²⁵⁶ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 13. – Стб. 69–84.

²⁵⁷ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 13. – С. 78; № 14. – С. 88.

²⁵⁸ *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. – С. 18–20; сравни: *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. – С. 61. – Прим. 5.

²⁵⁹ *Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ.* – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 10, 11; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 230, 233.

²⁶⁰ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 30. – Стб. 166.

²⁶¹ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 30. – Стб. 167–168; *Голубинский Е.* История русской церкви. – С. 192.

²⁶² *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. – С. 298.

исследователя истории феодальной Руси вполне справедливо.

Соглашаясь с предложенной П. Г. Клепатским датой утверждения митрополита Романа в Киеве, расходимся с ним, однако, в оценке изложенных выше событий. На наш взгляд, на исходе 1357 г. происходит лишь восстановление утраченных некогда политических позиций Литвы в Среднем Поднепровье и в Киеве, обусловленное резким ослаблением золотоордынского господства над этим регионом после смерти хана Джанибека в том же году. Подчинение же Киева и зависимых от него земель власти Ольгерда следует отнести к самому концу 1361 – началу 1362 г., когда произошли зафиксированные письменными источниками три несомненно взаимосвязанных события: неожиданная смерть митрополита Романа,²⁶³ смещение князя Федора и передача Киева и Киевского княжества в удел Владимиру Ольгердовичу.

Таким образом, Киев и его земли были первым крупным приобретением Великого княжества Литовского на рубеже 50–60 гг. XIV в. Успех литовских феодалов на этом направлении их экспансии во многом был предопределен начавшимся к тому времени политическим упадком Золотой Орды. 1357 г. был послед- /61/ ним годом ханского единодержавия. С убийством хана Бирдибека в 1359 г. созданная ради завоеваний, лишенная исторических корней и прочной экономической и этнической основы, Ордынская держава вступила в полосу необратимого процесса феодального дробления и политического ослабления. Проявлением этого исторически закономерного процесса стала продолжавшаяся вплоть до 1381 г. ожесточенная борьба между соперничавшими за власть и территорию несколькими группировками монголо-татарской знати.

Внутриполитическая борьба в Орде²⁶⁴ ослабила ее сопротивление дальнейшему наступлению Великого княжества Литовского на юге. Уже в 1361 г. в числе шести претендентов на ханскую власть значился и чингизид Абдуллах, поддерживаемый знатью западного улуса, в первую очередь, темником Мамаем, крупным крымским феодалом и изворотливым политиком, дослужившимся при Бирдибеке до высшей придворной должности беклярибека (наместника). Весной 1361 г. Мамай двинулся из Крыма в Поволжье, чтобы принять участие в разгоревшейся схватке за власть. Изгнав из Сарая другого претендента – хана Тимур-ходжу, Мамай и его марионетка осенью того же года вернулись в Крым для подготовки нового похода в Поволжье. Тем временем ареной внутриполитической борьбы стали не только территории, прилегающие к берегам Волги, но и донские степи с их центром – городом Азаком (Азовом), стратегически важным пунктом на пути к захвату золотоордынской столицы. Помимо орды Мамай на Азак претендовали также феодальные группировки Ордумелика-шейха и Кильдибека, контролировавшие, по всей вероятности, территорию между Доном и Днепром к северу от Азака. Часть этой территории – земли Чернигово-Северщины и Переяславщины – стали в 1362 г. объектом наступления войск Великого княжества Литовского. Таким образом, при сложившейся расстановке политических сил в западной части Ордынской державы Ольгерд и Мамай являлись естественными союзниками в борьбе против противостоявших им группировок Ордумелика-шейха и Кильдибека, а также ордынской знати Днепровского Правобережья, которая воспользовалась дестабилизацией центральной власти, чтобы образовать несколько самостоятельных владений, независимых от ханов, принимавших участие в борьбе за ордынскую столицу. Сепаратизм был характерен даже для ордынских феодалов Крыма, где

²⁶³ Рогожский летописец под 6870 годом сообщает: "Тое же зимы преставися Роман митрополит" (Рогожский летописец. – Стб. 73).

²⁶⁴ Этот вопрос обстоятельно освещен в ряде исследований советских историков. См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л., 1940; Насонов А. Н. Монголы и Русь. – М.; Л., 1940; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – /163/ М., 1973; Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы // Вопр. истории – 1978. – № 8. – С. 98–114; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – С. 174–213.

одновременно с мамаевыми существовали владения Хаджи-Черкеса и Алибека.²⁶⁵

За короткое время – лето 1361 – начало осени 1362 г. – власть ханов в Азакке менялась трижды: летом 1361 г. здесь правил Ордумелик-шейх, затем Кильдибек (с октября 1361 г. по ок- /62/ тябрь 1362 г.) и с октября 1362 г. Абдуллах, за спиной которого стоял Мамай. Появление Абдуллаха в Азакке стало возможным после гибели Кильдибека, павшего в конце лета 1362 г. в сражении с Ордой захватившего Сарай хана Мюрида.²⁶⁶ Разгромом Кильдибека воспользовался не только Мамай, но и Ольгерд: их войска, почти одновременно перешли в наступление. Захватив Азак, Мамай вместе с "царем", "царицей" и "всею Ордой" откочевал к Волге, где вступил в схватку за Сарай с ханом Мюридом.²⁶⁷ Сосредоточенная в то время на северных рубежах владений Мамай армия Ольгерда несомненно представляла серьезную опасность для мамаевой Орды. Тот факт, что не имеется никакой информации о военном столкновении между ними, как и отмеченное выше частичное совпадение политических целей правителя Литвы и Мамай, подтверждают существование уже осенью 1362 г. определенной договоренности о их взаимодействии и сферах властвования.

Информация летописных источников о присоединении территории Чернигово-Северщины и Переяславщины к Великому княжеству Литовскому очень скупа и фрагментарна. Соответствующая запись об этом имеется в Никоновском своде и Рогожском летописце. В первом из них под 6871 г. значится: "Того же лѣта Литва взяша Коршеву".²⁶⁸ В хорошо информированном о русско-ордынско-литовских отношениях Рогожском летописце запись более обширна: "Того же лѣта Литва взяли Коршев и сотворишас(я) мятежи и тягота людем по всей земли".²⁶⁹ Итак, летописные источники не свидетельствуют определенно о подчинении власти великого литовского князя южной окраины Чернигово-Северской земли и Переяславщины. Однако упомянутый в них город Коршев как конечная цель похода войск Ольгерда позволяет уточнить его направление. В "Списке русских городов дальних и ближних" в числе киевских указан целый ряд Чернигово-Северских и переяславских укрепленных населенных пунктов, в том числе и "Коршов-на-Сосне", который один из первых исследователей "Списка" академик М. Н. Тихомиров локализовал на р. Быстрая Сосна, правом притоке Дона.²⁷⁰ Следовательно, можно утверждать, что летом 1362 г. во время похода к Коршеву – одному из наиболее выдвинутых на юго-восток русских городов, Великое княжество Литовское завладело вслед за Брянском и Киевом территорией южной части Чернигово-Северской (с центрами Чернигов, Новгород-Северский, Трубчевск, Путивль и Курск) и большей частью граничившей с ней Переяславской земель.

Представляется весьма интересным хотя бы приблизительно выяснить состав феодальных сил Великого княжества Литовско- /63/ го, присоединивших к нему Чернигово-Северские и переяславские территории. Некоторые указания по этому вопросу содержатся в Любецком синодике, в который в свое время были записаны имена великих, удельных и служебных, но имевших владения в чернигово-северских землях, князей. Одна

²⁶⁵ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 119.

²⁶⁶ Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 185–189.

²⁶⁷ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – С. 71; Насонов А. Н. Монголы и Русь. – С. 123–124; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 189–190.

²⁶⁸ Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 2.

²⁶⁹ Рогожский летописец. – Стб. 75.

²⁷⁰ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. – С. 107.

из записей этого ценнейшего источника гласит: "Князя Иоанна Любартовича, княгиню его Марию".²⁷¹ Из записи следует, что Иоанн Любартович не был великим князем черниговским, но владел какими-то землями в Чернигово-Северщине. В связи с тем что его имя больше не значится ни в одном из известных источников, которые начиная со второй половины 60-х гг. XIV в. все полнее освещают политические события и их участников в этом регионе, княжение Любартовича в Чернигово-Северских землях необходимо отнести к более раннему периоду, вероятнее всего, к рубежу 50–60-х гг. XIV в. Бесспорно, что он был сыном Дмитрия-Любарта от его первого брака с волынской княжной, дочерью Андрея Юрьевича.²⁷² Еще в одной записи упомянут князь Патрикий Давидович стародубский, которого исследователь синодика Р. В. Зотов вполне обоснованно принимал за сына Нариманта Гедиминовича, получившего Стародуб черниговский "от Ольгерда при подчинении последнему Северской земли, во второй половине XIV столетия".²⁷³ Записан в Любецкий синодик также сын Явнутия Михаил и еще несколько князей, которых предположительно относят к литовским.

К названным Гедиминовичам следует причислить известных по белорусско-литовским летописям Федора Кориатовича, Андрея и Константина Ольгердовичей. Политическая активность Кориатовича, совпавшая с усилением наступления литовских феодалов на Русь, была вызвана, по-видимому, смертью князя Кориата, упомянутого в последний раз в документах в 1358 г., и последовавшим затем разделом его удела между Ольгердом и Кейстутом.²⁷⁴ Следы этой активности, впрочем, очень неясные, нашли свое отражение в белорусско-литовских летописях пространной редакции первого и второго сводов (список Красинского, а также Рачинского, Ольшевский, Румянцевский). В отличие от "Повести о Подолье", эти списки верно указывают на более позднее, чем его старших братьев, прибытие в Подольскую землю Федора Кориатовича, сообщая при этом, что прежде он "держал" Новогрудок и, главное, "к тому еще Гомеи".²⁷⁵ Гомель вместе с другими поднепровскими волостями в бассейне среднего Днепра и Сожа издавна принадлежал к владениям великих князей черниговских²⁷⁶ и был присоединен к Литве, как уже указывалось, в конце 50-х гг. XIV в. Примечательно, что в грамоте Ягайла Ольгердовича от 1387 г., которой он пожаловал своему брату Скиргайлу в числе других земель также поднепровские волости, Гомель не /64/ указан.²⁷⁷ Следовательно, этот город и его волость находились в то время во владении третьего лица, которым мог быть, в соответствии с известием летописей, Федор Кориатович. Не исключено, что он владел Гомелем еще с конца 50-х гг. XIV в. Что касается Андрея и Константина Ольгердовичей, то Хроника Быховца, перечисляя старших сыновей великого литовского князя, сообщает: "Четвертый Вингольт Андрей, удел его Трубчевск; пятый

²⁷¹ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 167.

²⁷² Польский исследователь генеалогий феодальных родов Великого княжества Литовского Й. Вольф не имел сведений об Иоанне Любартовиче, но указал на основании актовых свидетельств на трех сыновей Дмитрия-Любарта от второго брака его с ростовской княжной – Федора, Лазаря и Семена (*Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV w. – Warszawa, 1895. – S. 202*).

²⁷³ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 126.

²⁷⁴ *Puzyna J. Koriat i Koriatowicze // AW. – 1930. – R. 7, z. 3/4. – S. 427–428, 433.*

²⁷⁵ *Летописи белорусско-литовские. – С. 139, 160, 180, 207.*

²⁷⁶ *Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XII вв. – М., 1976. – С. 104–110.*

²⁷⁷ *Грамоты XIV ст. – № 40. – С. 74–77.*

Константин, удел его Чернигов и Черторыйск".²⁷⁸ Хотя в этом известии нарушен порядок старшинства среди Ольгердовичей, оно, на наш взгляд, не лишено правдоподобия, поскольку к началу 60-х гг. XIV в. оба брата находились в возрасте, достаточном для активного участия в политической жизни Великого княжества Литовского и, следовательно, могли иметь свои уделы.

Приведенные факты говорят о том, что большинство из осевших в землях Чернигово-Северщины литовских князей были связаны родственными, владельческими или иными узами с Волынью и Подолем. Это, прежде всего, сын волынского князя Дмитрия-Любарта Иоанн, Патрикий Давидович, брат которого Юрий Наримантович с 1352 г. "держал" Кременец на Волыни, владелец Черторыйска Константин Ольгердович, наконец, Федор Кориатович. Общим для них было и то, что почти все они являлись владельцами сравнительно небольших уделов или вовсе не имели их, но могли рассчитывать на военную помощь и поддержку могущественных ближайших титулованных родственников. В наступлении на земли Чернигово-Северщины приняли участие также князья Западной Руси – Андрей Ольгердович, владевший с середины 40-х гг. XIV в. Полоцком как подручник своего отца, и Михаил, сын заславльского князя Явнугия Гедиминовича, еще в 1352 г. связанного какими-то политическими интересами с Волынью. Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно предположить, что основу войск Великого княжества Литовского, присоединивших к нему летом 1362 г. чернигово-северские земли, составляли воинские отряды из Волыни и Подолья, выделенные владельческими потомками Гедимины. Возможно, что в этой акции участвовали также военные силы Киевского княжества. Такой вывод напрашивается в связи с включением в его состав территории бывшего Переяславского княжества и некоторых черниговских и северских волостей.

В свете изложенного выше особое значение для освещения конкретно-исторических обстоятельств присоединения к Великому княжеству Литовскому Чернигово-Северской и Переяславской земель имеют сведения Рогожского летописца, одного из древнейших и наиболее авторитетных летописных источников по истории Руси XIV в. В частности, не случайной ошибкой пере- /65/ писчика, а результатом редакторской правки выглядит несогласованность чисел в фразе: "Того же лѣта Литва взяли Коршев..." Ценно и сообщение Рогожского летописца о выступлении в Коршеве в момент его взятия местных политических сил, оказавших поддержку действиям литовских князей. Сама информация ("и сотворишася мятежи и тягота людем по всеи земли") явно завуалирована. Характерно, что в подобной форме выдержаны записи относительно способа захвата Брянска и, как представляется, утверждения власти великого князя литовского в Киеве. Так, Рогожский летописец, а за ним и Никоновский свод согласно утверждают, что подчинению Брянска Литве предшествовала причиненная "лихостию лихих людей замаятня велика и опустѣнье града и потом нача обладати Олѣгѣрд Брянском".²⁷⁹ Детально проанализировавший это летописное известие С. Кучинский пришел к верному в целом выводу, что оно в столь лаконичной и нарочито неясной форме сообщает о происходившей в городе борьбе между политическими группировками – пролитовской и ориентированной на Москву, завершившейся поражением последней или даже изгнанием ее сторонников и, в конечном счете, утверждением власти Ольгерда.²⁸⁰ Вывод этот служит ключом к расшифровке сведений Рогожского летописца о взятии Литвой Коршева и, возможно, упомянутого выше известия соборного определения 1361 г. о том, что утверждение в Киеве митрополита Романа

²⁷⁸ *Хроника* Быховца. – М., 1966. – С. 60.

²⁷⁹ *Рогожский* летописец. – Стб. 65; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 228.

²⁸⁰ *Kuczyński St. M. Ziemia czernigowsko-siewierskie pod rządem Litwy.* – Warszawa, 1936. – S. 114–117.

"побудило" Ольгерда прибегнуть к расправе над какой-то частью местного населения.

Таким образом, следует констатировать, что наступление военных сил Великого княжества Литовского в Среднем Поднепровье на рубеже 50–60-х гг. XIV в. носило характер освобождения местного населения от ордынского ига и поэтому вызвало здесь поляризацию политических сил, обострение борьбы между пролитовской и промосковской группировками боярства. В конкретной обстановке, характеризовавшейся перевесом военных сил Гедиминовичей и явственно обозначившимся ослаблением могущества Орды часть боярства пошла на сговор с литовской великокняжеской властью, рассчитывая обрести в Великом княжестве Литовском реальную военно-политическую силу, с помощью которой можно было бы добиться полного освобождения от ордынского ига и обеспечить свои сословно-классовые интересы. В результате этого сговора сопротивление боярства противоположной политической ориентации было подавлено.

Продолжавшаяся в Орде внутривластная нестабильность, усиление сепаратистских тенденций в среде монголо-татарской знати, особенно осязаемое на окраинах ордынских владений, способствовали успеху освободительной борьбы угнетенных /66/ ею народов. В 1361 г. из состава Орды выделился Хорезм. С образованием в 1359 г. Молдавского феодального государства ее владения сократились в междуречье Нижнего Дуная и Днестра.²⁸¹ Следующий удар по господству Золотой Орды в Восточной Европе был нанесен в междуречье Днестра и Днепра. Здесь в битве у Синих Вод, явившейся центральным событием в наступлении Великого княжества Литовского на зависимые от монголо-татарских феодалов русские земли, были подорваны основы системы властвования Ордынской державы над Юго-Западной Русью.

Относительно даты Синеводской битвы в научной литературе до самого последнего времени встречаются определенные расхождения, обусловленные отличающимися между собой показаниями источников. В летописной Повести о Подолье, например, битва отнесена ко временам Ольгерда. В Хронике Быховца она датирована 1351 г.,²⁸² что противоречит данным других источников. М. Стрыйковский дает описание битвы у Синих Вод под 1331 г., но после рассказа об усобицах в Орде, помеченных им 1357–1361 гг.²⁸³ Точную дату – 1362 г. – дают Густинская летопись, Никоновский свод и Рогожский летописец, причем последний содержит дополнительный определяющий признак: "осень" 6871 г., т. е. указывает на период с 24 сентября по 25 декабря 1362 г.

К осени 1362 г. сложилась наиболее благоприятная обстановка для развертывания наступления Великого княжества Литовского в Подольской земле. С Польским королевством до 1366 г. оно находилось в мирных отношениях.²⁸⁴ Несколько ослабел также натиск крестоносцев на коренную Литву. На протяжении 1362 г. они, используя, видимо, то обстоятельство, что значительные военные силы Великого княжества Литовского были сконцентрированы на русско-ордынском пограничье, четырежды нападали на ее земли: в январе, феврале, марте – апреле и осенью.²⁸⁵ Наибольшего успеха орденские войска

²⁸¹ Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 192; Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев, 1964. – С. 103; Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века. – Кишинев, 1972. – Т. 1. – С. 175–190.

²⁸² ПСРЛ. – Т. 32. – С. 139.

²⁸³ Strykowski M. Kronika polska... – Т. 2. – С. 6.

²⁸⁴ Długosz J. Dzieje Polski... – Т. 5, кн. 9. – С. 418–420.

²⁸⁵ Ливонская хроника Германа Вартберга. – С. 109; Wigand von Marburg. Cronica nova Prutenica. – S. 524–530; Johann von Posilge. Chronik des Landes Preussen // SRP. – Т. 3. – С. 80–81.

достигли в апреле 1362 г., когда после двухнедельной осады и штурма им удалось захватить хорошо укрепленный замок Ковно, который мужественно защищал трехтысячный гарнизон под командой новгородского князя Войдата-Константина, сына Кейстута. На помощь осажденным, по свидетельству хрониста Ордена Виганда, прибыли со своими дружинами Ольгерд и Кейстут, но ввиду явного превосходства сил крестоносцев, пополнивших свои ряды рыцарями из Англии, Италии и Германии, не решились дать им бой.²⁸⁶ Тем не менее, осенью того же года Ольгерд, как единодушно свидетельствуют летописные источники, принял личное участие в битве у Синих Вод, возможно, с приведенным им воинским контингентом. /67/

Его дружина вряд ли могла быть многочисленной. Основную массу войск Ольгерда, выступивших против ордынцев, составили феодальные ополчения княжеств Юго-Западной Руси, незадолго до этого похода содействовавшие ликвидации зависимости населения Среднего Поднепровья от Орды и присоединению его к Великому княжеству Литовскому. Такой вывод можно сделать, не только принимая во внимание необходимость обороны Литвы от нового нападения крестоносцев осенью 1362 г., но и на основании целого ряда косвенных свидетельств источников. Примечательна в этой связи роль в организации антиордынского похода Киева, ставшего местом сбора и операционной базой литовско-русских войск. Ценное свидетельство тому дает Хроника М. Стрыйковского, в которой Киев представлен как центр, с которым сопряжены все перипетии битвы у Синих Вод. Так, М. Стрыйковский утверждает, что с целью обезопасить владения Литвы от ордынцев и по примеру князей Северо-Восточной Руси Ольгерд стремился к ликвидации ордынской власти над "дикими полями, за Киевом широко лежащими, и Подольем". Далее, по его словам, войска Ольгерда "пришли на урочища к Синей Воде, миновав Канев и Черкассы", ²⁸⁷ что дает основание считать Киев исходным пунктом их движения. Интересно, что это свидетельство находит определенное подтверждение в составе двух кладов с джучидскими монетами, обнаруженных в конце XIX в. в с. Гвоздов (Васильковского района Киевской обл.) и на берегу р. Синюха в с. Малые Торговицы (совр. с. Торговицы Новоархангельского района Кировоградской обл.), т. е. в начале и в конце маршрута литовско-русских войск. Оба клада были зарыты во времена, очень близкие ко времени Синеводской битвы: первый из них датируется наиболее поздней монетой чекана хана Мюрида, откочевавшего из Приазовья в Поволжье летом 1362 г.; второй – хана Ноуруза, 761 г. хиджры (23 ноября 1359 – 10 ноября 1360),²⁸⁸ что и позволяет видеть в походе Ольгерда на ордынскую территорию главную причину их существования. Оказывается также, что Киев имел непосредственное отношение к результатам битвы, т. е. освобождению от власти Орды Торговицы, Белой Церкви, Звенигорода и степей, начиная "от Киева и от Путивля вплоть до устья Дона" и до Очакова.²⁸⁹ Из Подольской земли войско Ольгерда изгнало ордынцев довольно легко, "поскольку (они. – *Авт.*) ни вождей, ни царя не имели".²⁹⁰ Общая картина расстановки противоборствующих сторон и их действий накануне схватки остается невыясненной, многие подробности, сообщаемые

²⁸⁶ Wigand von Marburg. Cronica nova Prutenica. – S. 531–539; Stadnicki K. Olgierd i Kiejstut synowie Gedymina w. xięcia Litwy. – Lwów, 1870. – S. 55–68.

²⁸⁷ Strykowski M. Kronika polska... – Т. 2. – S. 6.

²⁸⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // НЭ. – 1960. – Т. 1. – № 173. – С. 164; № 122. – С. 152. Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 189–190.

²⁸⁹ Strykowski M. Kronika polska... – Т. 2. – S. 7.

²⁹⁰ Strykowski M. Kronika polska... – Т. 2. – S. 7.

М. Стрыйковским о битве у Синих Вод, не имеют аналогий в других источниках, что, однако, не может быть доказательством их несоответствия исторической действительности. В пользу достоверности этих из- /68/ вестий свидетельствует упоминание М. Стрыйковским о его пребывании на Подолье, устная традиция жителей которого о битве могла составить основу рассказа о ней Хроники.

При сопоставлении известий летописей (Рогожского летописца, Никоновского и Густинского сводов, "Повести о Подолье") и повествования М. Стрыйковского о походе войск Ольгерда в Подольскую землю и битве у Синих Вод выявляются некоторые расхождения. Так, автор Хроники, в отличие от летописей, освобождение от ордынской власти Днепровского Левобережья (очевидно, в летописях описанное как поход на Коршев) и западной части Подолья (битва у Синих Вод) представляет как связанные воедино. Он сообщает также об участии Кориатовичей в Синеvodском сражении и их общем с войсками Ольгерда пути к месту схватки, о чем летописи вообще умалчивают. Отмеченные особенности в показаниях источников нельзя объяснить только фрагментарностью летописных известий. Их недомолвки, а также сама встреча литовско-русских войск с объединенными силами трех орд на берегах р. Синюхи указывают на возможность каких-то антиордынских действий не только на Левобережье Днепра, но и одновременно с ними в районе ханских кочевий на Южном Буге и его притоках. Можно догадываться, что эти действия в Подольской земле исходили от Кориатовичей и волынского князя Дмитрия-Любарта. В их особой заинтересованности в разгроме ордынских сил на Подолье убеждает то обстоятельство, что потерпевшие поражение у Синих Вод ордынские князья являлись не только "отчичами и дедичами Подольской земли", как их называют белорусско-литовские летописи, но с 1356 г. и союзниками Казимира III в его борьбе с Гедиминовичами за Галицко-Волынскую Русь. Ясное указание на этот счет содержится в булле папы Иннокентия XI, где он еще в феврале 1357 г. упрекал Казимира III за союз с ордынцами и ежегодную дань, выплачиваемую "татарскому королю" с отнятых у "схизматиков" земель.²⁹¹ В этой же связи следует отметить тот факт, что авторы орденских хроник не дают никаких сведений об участии Дмитрия-Любарта в военных действиях в Литве в 1362 г., хотя он, как и другие Гедиминовичи, находился в то время в мирных отношениях с польским королем. Между тем наличие волынских отрядов в составе литовских войск фиксировали в своих хрониках Герман из Вартберга под 1348 г. и Виганд из Марбурга под 1382 г.²⁹² Из этого следует, что в 1362 г. войска Волынского княжества и подольских Кориатовичей действительно могли принять участие в антиордынской борьбе, развернувшейся осенью того года в Подольской земле.

Описание битвы у Синих Вод дано лишь в одном источнике – /69/ Хронике М. Стрыйковского. По его словам, литовско-русское войско состояло из приведенных Ольгердом отряда отборных воинов, возвратившихся затем в Литву, и русских воинов ("руссаков"), среди которых выделялись своей смелостью и воинским умением ратники из Новогрудка под командованием Кориатовичей. Описывая ход сражения, автор Хроники отмечает, что перед его началом ордынцы выстроились в три полка во главе с тремя "царьками" – Кутлубахом-солтаном, Качибейкареем и Дмитрием-солтаном, а литовско-русское войско развернулось в боевом строю так, чтобы стеснить маневренность ордынской конницы, лишив ее главного тактического преимущества, и уменьшить потери от первого натиска и ударов лучников (Ольгерд "построил своих в шесть искривленных полков, по-разному их с боков и на чело рассадив").²⁹³ Судя по дальнейшим действиям

²⁹¹ *VMPL*. – Т. 1. – N 776. – S. 581.

²⁹² *Ливонская хроника Германа Вартберга*. – С. 106; *Wigand von Marburg. Cronica nova Prutenica*. – S. 618.

²⁹³ *Strykowski M. Kronika polska...* – Т. 2. – S. 6–7.

литовско-русских полков, замысел их боевого построения состоял в том, чтобы создать расчлененную по фронту и эшелонированную в глубину линию обороны, способную при помощи согласованных маневров противостоять натиску конницы кочевников и заставить ее принять фронтальный бой. Благодаря этому тактическому приему первый натиск ордынцев оказался малоэффективным: литовско-русские полки расступались перед железным градом стрел, не позволяя ордынской коннице окружить себя. Затем последовал фронтальный удар литовских и русских воинов, поддержанный наступлением на фланги ордынцев, что и решило исход битвы у Синих Вод. Преследуя противника, литовские и русские ратники захватили его обозы с имуществом.²⁹⁴

В рассказе М. Стрыйковского о битве у Синих Вод явно вырисовываются такие ее характерные черты, как наступательный характер и быстротечность всей операции, стремление командования перенести военные действия на территорию противника с тем, чтобы воспользоваться моментом наибольшего ослабления и распыления сил ордынцев, особые приемы боя против конницы кочевников с учетом ее традиционных боевых качеств и тактики, преследование разбитого противника с целью уничтожения его живой силы. Они свидетельствуют о том, что в сражении у Синих Вод широко был использован стратегический и тактический опыт русского военного дела, его лучших традиций, накопленных в борьбе с кочевниками еще во времена Древнерусского государства, а затем приумноженный и развитый в тяжелейшие десятилетия ордынского ига. Менее чем двадцать лет спустя этот опыт будет всесторонне применен в знаменитой битве на Куликовом поле, предрешившей падение господства Золотой Орды над большей частью Восточной Европы.²⁹⁵ В этом смысле битва у Синих Вод, как и последовавшая за ней битва на Воже, явилась прологом к "Донскому побоищу". /70/

В связи с битвой у Синих Вод представляется весьма важным выяснение следующих вопросов: какие ордынские силы противостояли осенью 1362 г. войскам Ольгерда, какова была конечная цель их похода к устьям Днепра и Южного Буга, наконец, каковы были ближайшие политические последствия самой битвы. Ответить на эти вопросы невозможно, предварительно не выяснив, что же представлял собой западный улус с точки зрения его социально-политического устройства и в каких отношениях он находился с землями Юго-Западной Руси накануне битвы у Синих Вод.

Как убедительно показал Г. А. Федоров-Давыдов, процесс дальнейшей феодализации золотоордынского общества привел в середине XIV в. к возрастанию под прикрытием ханского единодержавия экономической и политической мощи отдельных представителей ордынской знати и последующему дроблению всей улусной системы. Раньше и наиболее ощутимо эти сдвиги в социально-экономической эволюции Орды проявились в ее западных пределах, где и возникли отражающие их специальные термины.²⁹⁶ Здесь, в бывшем улусе Ногай, особенно заметным был и экономический подъем, характерный для всей ордынской державы в первой половине XIV в. Он послужил основой, на которой наряду с уже существовавшими древнерусскими городами и генуэзскими торговыми полисами в Крыму и в бассейнах Южного Буга и Днестра возник целый ряд ордынских городов.²⁹⁷ Наиболее значительные из них – Хачибеев, Ябу-городок, Караул и др. – указаны в ярлыках крымских

²⁹⁴ *Strykowski M.* Kronika polska... – Т. 2. – С. 7.

²⁹⁵ См.: *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 11–18; 19, 95–99; *Его же.* Куликовская битва. – Л., 1980. – С. 49–57; 110–112; *Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы. – С. 114.

²⁹⁶ *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. – С. 103–110, 141.

²⁹⁷ *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды. – С. 75–84. /164/

ханов Хаджи-Гирея (1461), Менгли-Гирея (1472, 1507) и Сагиб-Гирея (1540),²⁹⁸ архетипом для которых послужил ярлык золотоордынского хана Тохтамыша, выданный великому литовскому князю Витовту в 1398 г.

Актовые источники подтверждают существование в западном улусе нескольких орд уже в конце 40-х гг. XIV в. Их правители "князи темнии" (т. е. темники, улусные князья. – *Авт.*), – упомянуты в акте польско-литовского перемирия 1352 г., причем со значительными суверенными правами ("пойдет ли царь на ляхи, а любо князи темнии, князем литовским помагати").²⁹⁹ В распоряжении ордынских князей находились большие военные силы, в чем убеждает, в частности, письмо польского короля к гофмейстеру Тевтонского ордена Книпроде, написанное в 1356 г. В нем Казимир III, между прочим, сообщал и о том, что для участия в походе против литвинов к нему прибывает "семь татарских князей со множеством людей" и им он "как раз теперь послал особую дань за набег..."³⁰⁰

К началу 60-х гг. XIV в. господствующее положение в междуречье Днепра и Нижнего Дуная Северного Причерноморья заняли три орды: Крымская, Перекопская и Ямболукская /71/ (Джамболукская). Именно их князей – Кутлуг-Бука (Котлубуга), Хад- жи-Бека (Качибея) и Дмитрия – Повесть о Подолье называет "отчичами и дедичами (т. е. наследственными владетелями. – *Авт.*) Подольской земли". Это известие подтверждает М. Стрыйковский, утверждая, что "Перекопские и Крымские татары в то время все дикие степи, широко лежащие за Киевом, и все Подолье, прилегавшее к литовским землям, держали".³⁰¹ Сохранившиеся в белорусско-литовских летописях и в Густинском своде имена трех ордынских князей, потерпевших поражение в битве у Синих Вод, вполне историчны. Так, среди эмиров, подписавших договор хана Джанибека с венецианцами в Крыму в 1347 г., последним назван Кутлуг-Бука. В договоре Бирдибека с венецианцами 1358 г. его имя значится уже вторым.³⁰² Известна отузская надпись с именем Кутлуг-Тимур-бека, великого эмира, по распоряжению которого был построен колодец в 1358 г.³⁰³ Отсутствие других данных не позволяет уточнить, принадлежали ли оба имени одному лицу или же одновременно существовали два эмира с подобными именами, имевшие непосредственное отношение к Крыму. М. Г. Сафаргалиев считает Кутлуг-Тимур-бека наместником Крыма и сыном Туглук-Тимура, который был правителем Крыма при хане Узбеке.³⁰⁴ Г. А. Федоров-Давыдов обратил внимание на недостаточность обоснования подобного мнения.³⁰⁵ Спорность этого момента не может поколебать установившуюся в научной литературе точку зрения на Кутлуг-Бука как на наместника Крыма и эмира (князя)

²⁹⁸ /164/ Тексты ярлыков крымских ханов см.: Барвінський Б. Історичні причинки // Розвідки, замітки і матеріали до історії України-Руси. – Львів, 1909. – С. 16–18, 19–20; *АЗР*. – Спб., 1848. – Т. 2. – № 6. – С. 4–5; № 200; а также: *РИБ*. – Юрьев, 1914. – Т. 30. – С. 79.

²⁹⁹ *Грамоти* XIV ст. – № 14. – С. 30.

³⁰⁰ *CDP*. – Т. 3. – N 83. – S. 107.

³⁰¹ *Strykowski M. Kronika polska...* – Т. 2. – S. 7.

³⁰² *Hammer-Purgstall J. Geschichte der Golden Horde im Kiptschak.* – Pest, 1840. – S. 517.

³⁰³ См.: Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии. – 1927. – Т. 1. – С. 7.

³⁰⁴ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 70.

³⁰⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – С. 90. – Прим. 51.

местной орды на рубеже 50–60-х гг. XIV в. То обстоятельство, что имя Хаджи-бея связано с существовавшим во владениях Перекопской орды во второй половине XIV в. и расположенным в низовьях Днестра городом Качибеем (Качибеевым) и близким к нему одноименным лиманом, свидетельствует в пользу также довольно распространенного мнения о принадлежности его именно к этой орде. Судя по некоторым особенностям обращения джучидских монет местной чеканки, владения Крымской и Перекопской орд в XIV в. простирались в Северном Причерноморье от Крыма и Днепра до Днестра и представляли собой самодовлеющую в экономическом отношении область.³⁰⁶

Меньше известно о третьей, Ямболукской, орде. Ее кочевья находились, по всей видимости, западнее Днестра, где их границами служили отроги Карпат и нижнее течение Прута и Дуная.³⁰⁷ Не исключено, впрочем, что в конце 50-х гг. XIV в., оттесняемая Молдавским княжеством к побережью Черного моря и на восток, эта орда захватила ханские кочевья по Днестру, Южному Бугу и его притоку Синюхе. Административный центр этого края – Ак-Мечеть – отождествляется некоторыми исследователями с Ябу-го- /72/ родком, центром Ямболукской орды. Они же определяют его местонахождение на левом берегу Южного Буга, несколько ниже по течению от места впадения в него р. Синюхи.³⁰⁸ Если эта версия верна, то эмира с именем Дмитрий следует признать правителем Ямболукской орды. Интересно, что в 1368 г. венгерский король Людовик I выяснял таможенные отношения купцов подвластного ему Брашова и находившейся где-то в Нижнем Подунавье земли "татарского князя Деметрия".³⁰⁹ Это документальное свидетельство существования во времена битвы у Синих Вод ордынского князя с именем Дмитрий необходимо сопоставить не только с данными летописей, но и сообщением М. Стрыйковского и С. Сарницкого о бегстве разбитых в этой битве ордынцев к Дунаю и далее в Добруджу,³¹⁰ с которым оно частично согласуется.

Таким образом, самая общая и еще далеко не выясненная картина внутреннего устройства западной части Орды на рубеже 50–60-х гг. XIV в. подтверждает истинность летописных известий о Синеводской битве. Она же позволяет раскрыть конкретную цель и значение похода войск Ольгерда в глубь ордынских владений осенью 1362 г. Цель эта состояла в том, чтобы разгромить те силы Орды, которые господствовали над обширной степной территорией Северного Причерноморья от киевского Поднепровья до низовьев Днестра, а возможно, и Дуная, высвободить население пограничных с нею земель Юго-Западной Руси, в первую очередь, Киевской и Подольской, из непосредственной зависимости от Крымской, Перекопской и Ямболукской орд, расширить за их счет владения

³⁰⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. – С. 100–101.

³⁰⁷ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 83–84, 103.

³⁰⁸ См.: Брун Ф. Черноморье. – Одесса, 1879. – Ч. 1. – С. 79, 179; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством османской Порты до начала XVII в. – С. 179, 343, 345; Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі // Східний Світ. – Х., 1928. – С. 182; Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східний світ. – 1928. – № 6. – С. 164–166; Петрунь Ф. Степове Побужжя в господарському та військовому укладі українського пограниччя // Журн. научно-исслед. кафедр в Одессе. – 1926. – Т. 2. – С. 99.

³⁰⁹ *Documente privitoare la istoria Românilor, culese de E. Hurmuzaki.* – București, 1882. – Vol. 1, pt. 2. – P. 144. В советской историографии обратил внимание на этот факт и сопоставил его со свидетельствами польских авторов XVI в. П. Ф. Параска. (Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 102–103).

³¹⁰ *Sarnicii S. Descriptio veteris et novae Poloniae.* – Cracoviae, 1585. – Col. 1134.

Литвы на юге. Главный удар при этом был нанесен по наиболее удаленным от центральных районов Орды Перекопской и Ямболукской ордам, что и зафиксировали летописи, отметив Белобережье как конечный пункт похода литовско-русских войск.

В результате разгрома ордынцев в битве у Синих Вод пределы подвластной Орде территории в Северо-Западном Причерноморье были отодвинуты к прибрежной зоне в низовьях Днестра и Южного Буга, а на Днепре – к его порогам.³¹¹ Снизилось военно-политическое значение орд, размещавшихся западнее Днепра. Без помощи из центральных районов Ордынской державы они уже не могли противостоять натиску вошедших в состав Великого княжества Литовского земель Юго-Западной Руси, Польскому королевству и Молдавскому княжеству.

Разгром трех западных орд в битве у Синих Вод явился результатом политического сотрудничества литовской знати с боярством Юго-Западной Руси на антиордынской основе. Его следствием было расширение владений Великого княжества Литовского на юге до устья Днепра и Днестра и закрепление в его составе Киевского и Волынского княжеств, Подолья и Чернигово-Северщины. Важную роль в этом сыграло стремление местного населения освободиться от бремени ордынского ига. Видимо, именно в этом смысле Ф. Энгельс отмечал, что Белоруссия и Украина "нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству".³¹² Вместе с тем утверждение власти литовской знати в этом регионе Руси еще более осложнило дальнейшее развитие проявившейся здесь ранее тенденции объединения земель на основе общерусской политической программы. Оно также не решило окончательно вопрос о ликвидации зависимости княжеств Юго-Западной Руси от Золотой Орды. /74/

Глава II **ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА** **ЛИТОВСКОГО**

1. Основные черты **общественно-политического** **устройства земель Юго-Западной Руси** **в составе Великого княжества** **Литовского**

В XIV в. Юго-Западной Руси, как и другим русским землям, были присущи все основные признаки развитого феодализма: крупная земельная вотчина-сеньория с

³¹¹ Вопрос о пределах владений мамоевой Орды на западе обстоятельно рассмотрел В. Г. Ляскоронский. Он пришел к выводу, что они достигали Днепра в районе его порогов. Им же указан естественный рубеж между степью и лесистой местностью на левобережье Днепра, который проходил приблизительно по среднему течению Ворсклы и разделял издавна территорию, заселенную оседлым населением, от владений кочевников. См.: *Ляскоронский В.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г. // *ЖМНП.* – 1907. – Май. – С. 9, 24. О резком сокращении ордынской территории на западе и отступлении ордынцев к Причерноморью после битвы у Синих Вод пишут П. Ф. Параска и В. Л. Егоров (*Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 102–106; *Егоров В. Л.* Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках. – С. 25–26).

³¹² *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К., Энгельс Ф.* – Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 19.

феодалным иммунитетом, иерархическая структура землевладения, система сюзеренитета-вассалитета и др. Эволюция феодальных общественных отношений в разных частях Руси совершалась по одинаковому пути, поскольку для всех русских земель была характерной унаследованная от Древнерусского государства общность социально-экономического уклада и государственно-политического устройства, а также духовного и культурного развития, религии, обычаев. Существовавшая уже в IX–XII вв. эта общность выступает еще и в XIV в. в качестве ведущей тенденции в развитии складывавшихся на основе древнерусской народности трех братских восточнославянских народностей – великорусской, украинской и белорусской.³¹³

Социально-экономические отношения земель Юго-Западной Руси базировались на разных формах феодальной собственности.³¹⁴ В XIV в. получает дальнейшее развитие и еще более укрепляет ведущие позиции крупное частное землевладение – княжеское (домениальное), боярское, церковное, возраставшее за счет общинных земель государственного фонда. Особенно быстро развивалась земельная собственность боярства. О. М. Рапов, исследовавший по данным летописания Юго-Западной Руси боярское землевладение XII – первой половины XIII вв., пришел к выводу, что уже в тот период в безусловном владении древнерусского боярства, прежде всего, "великих бояр", находились обширные земельные площади: волости, города, замки и села. Боярский домен охранялся специальным законодательством – Пространной Русской Правдой. Бояре содержат крупные военные отряды, "с помощью которых они пытаются оказывать давление на княжескую и великокняжескую власть".³¹⁵ На Северо-Западе, как показал В. Л. Янин в исследовании новгородской феодальной вотчины, процесс складывания вотчинной собственности начался /75/ в XII в., а "к середине XIV в. создание вотчинной системы как безраздельно господствующего вида феодального землевладения было завершено".³¹⁶ В. Б. Кобрин, отметив, что боярская вотчина появилась в Приднепровье раньше, чем в других частях Древней Руси, отнес время ее расцвета в Северо-Восточной Руси к середине XIV в.³¹⁷ Еще в древнерусские времена в Юго-Западной Руси, в частности в Галицко-Волынском княжестве, было известно также боярское условное землевладение в его бенефициальной и ленной формах.³¹⁸

³¹³ См.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – с. 45–46; Буганов В. Н., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. – М., 1980. – С. 98; Пауто В. Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – С. 8–67; Хорошкевич А. Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI вв. // Там же. – С. 70–134.

³¹⁴ Обстоятельный анализ форм феодальной собственности и ее структуры на Руси в XIV–XV вв. сделан Л. В. Черепниным. См.: Черепнин Л. В. Русь / Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. – М., 1972. – С. 157–229. Вне пределов данной главы остался материал, характеризующий развитие производительных сил и социально-экономических отноше- /165/ ний земель Юго-Западной Руси в XIV в., поскольку эти темы достаточно полно освещены в советской историографии. Итоги их изучения относительно Среднего Поднепровья подведены в монографии С. А. Беляевой. (Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XII–XIV в.: По материалам археол. исслед. – Киев, 1982).

³¹⁵ Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII–XIII в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XV вв. – М., 1974. – С. 205.

³¹⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Ист. – генеал. исслед.) – М., 1981. – С. 272.

³¹⁷ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). – М., 1985. – С. 34–47.

³¹⁸ Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – С. 152.

Количественно возрастающий с конца XIV в. поземельный актовый материал Литовской метрики свидетельствует, что расширение и дальнейшее развитие вотчинной системы происходили главным образом на основе государственного пожалования. Великие литовские и удельные князья жаловали своих вассалов с различной полнотой прав и повинностей угодьями, селами, волостями. Нередко жалованная грамота лишь санкционировала уже свершившийся захват феодалом общинной земли или же предоставляла в его распоряжение угодья, выпрошенные как пустоши, бесхозные или малопродуктивные имения. Пожалование земель в наследственную собственность ("в отчину"), а также на условиях службы или за выслугу (в таких случаях они носили названия "данин", "держав", "кормлений") стало важнейшим источником образования магнатских латифундий. Особенно интенсивно происходил этот процесс на Волыни и Подолье, ставших к концу XV в. центрами магнатского землевладения.

Соотношение между светским и церковным землевладениями в XIV в. было далеко не в пользу второго, что объясняется относительной слабостью церковной организации в Юго-Западной Руси, стремлением светских феодалов ограничить ее юрисдикцию, доходы и земельные владения.³¹⁹ Об этом, в частности, свидетельствует митрополит Киприан, который ставил себе в заслугу, что он в 1376–1378 гг. "в Литве" и на Волыни "мьста церковная, запустошена давными лѣты, оправил есмь приложити к митрополии всея Руси... и десятину доспѣл к митрополии же, и села". В Киевском княжестве Киприан ставил своей целью "доискаться" и "оправдать" "такоже отприснаа (т. е. извечные. – *Авт.*) села софійская, отпала к князем и к бояром".³²⁰ На относительно скромные размеры земельных владений и доходов с них киевской митрополии указывает "Запись о денежных и медовых данях, взимаемых с Киевской митрополичьей отчины", где названы восемь софійских сел (или их частей – "земель") и 33 боярских села и "земли", с которых крестьяне давали натуральный и денежный оброки на митрополичий двор в Киеве.³²¹ Монастырское землевладение в XIV в., видимо, также не было значительным. На Руси монастыри стали общинами с коллективной собственностью и, следовательно, получили возможность приобретать и накапливать имущество, в том числе земли, только во второй половине XIV в.³²² Начало быстрого роста земельных владений православных монастырей в Юго-Западной Руси, как показывает поземельный материал Литовской метрики, приходится на рубеж XV–XVI вв. Он, так же как и темпы формирования магнатского землевладения, в значительной степени обуславливался политическим курсом литовской великокняжеской власти, стремившейся путем раздач земель из государственного фонда подорвать основу могущества удельных князей, а после ликвидации удельно-княжеской власти на Волыни и в Киеве укрепить таким образом свои позиции в местной, в частности духовной, феодальной среде. Итак, церковное землевладение в Юго-Западной Руси в силу конкретных исторических обстоятельств не получило в рассматриваемый период такого развития, как на

³¹⁹ См.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. – М., 1972. – С. 297–298.

³²⁰ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 20. – Стб. 182–183.

³²¹ *АЗР.* – Т. 1. – № 26. – С. 36–37. Издатели "Записи" датировали ее 1415 г. или более поздним временем, считая, что она была сделана в связи с произведенной по распоряжению Витовта описью имущества митрополита Фотия после его изгнания из Киева летом 1414 г. Эта дата вызывала сомнение уже у П. Г. Клепатского, который однако высказался в пользу замены ее началом XVI в. (*Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. – Прим. 6. – С. 211–212). В тексте "Записи" заметны явные архаизмы и напластования, что позволяет предположить достаточно длительный срок ее составления, начало которого, возможно, было связано с деятельностью Киприана по укреплению и расширению материальной базы киевской митрополии.

³²² *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. – С. 34.

северо-востоке, где оно уже в XIV–XV вв. переросло политические рамки отдельных княжеств, приобретая значение существенного фактора в процессе преодоления феодальной раздробленности и образования Русского государства.

С развитием системы вотчинного землевладения тесно связано расширение иммунитетных прав крупных феодалов. Б. Н. Флоря, проследив эволюцию феодального иммунитета и изменение взаимоотношений между государственной властью и представителями сословия светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств, отметил, что в начальной стадии их образования эти процессы развивались принципиально в одном и том же направлении и, несмотря на свою незавершенность, вели к превращению крестьянина и его имущества в полную собственность господина. Вместе с тем имелись некоторые отличия в податных правах. Так, польские магнаты и рыцарство уже в XIII в. добились в общем порядке освобождения от большинства государственных налогов и повинностей, за исключением тех, которые были связаны с обороной страны, тогда как вотчинники Руси располагали такими правами не в полном объеме. Их владения, в частности, не освобождались от важнейших государственных налогов, а частновладельческие крестьяне, кроме исполнения повинностей по укреплению городов, уплаты дани, привлекались также к работам в княжеском (великокняжеском) хозяйстве.³²³ Б. Н. Флоря оперировал данными, характеризующими иммунитет светских феодалов Московского великого княжества, но аналогичную картину воссоздают также источники, особенно законодательные, освещающие феодальную собственность и социальный статус крупных землевладельцев Великого княжества Литовского в конце XIV – первой половине XV вв.³²⁴ /77/

Более существенными оказались отличия в тенденциях развития условного феодального землевладения в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Если в последней процесс преодоления феодальной раздробленности и образования единого Русского государства сопровождался все более решительным перераспределением земельной собственности в пользу широкого слоя служилых феодалов и созданием поместной системы, то в восточнославянских частях Великого княжества Литовского дальнейшее развитие боярского условного землевладения шло по пути превращения его в полное безусловное землевладение.³²⁵ В связи с расширением и укреплением экономической базы боярства в общественно-политических отношениях Великого княжества Литовского уже к середине XV в. произошли существенные сдвиги, выразившиеся в снижении (в целом и на местах) политической роли титулованной знати и росте общественного значения нетитулованных крупных и средних землевладельцев-магнатов (панов) и бояр (шляхты) на основе уравнивания их в экономических правах, что было оформлено в ряде законодательных актов королевской и великокняжеской власти.

Расширение боярского домена совершалось за счет государственных земель, находившихся в пользовании сельских общин. В связи с этим общинное землепользование постепенно уступает место частновладельческим землям на Волыни, в Подолье, северной полесской части Киевской земли, а также в Черниговщине. Одновременно население общин,

³²³ Флоря Б. Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. – С. 308–328.

³²⁴ Пашуто В. Т. Страны Прибалтийского региона. – С. 300–301; Старостина И. П. Судебный иммунитет в законах Казимира 1468 г. // Общество и государство феодальной России: Сб. ст. – М., 1975. – С. 262–266.

³²⁵ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Киев, 1901. – С. 626–630; Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв.: (Исслед. по ист. соц.-экон., полит. и культур. развития). – М., 1961. – С. 196–198; Юргинис Ю. М. Бояре и дворяне и их землевладение в Великом княжестве Литовском // Ежегодник по аграр. ист. Вост. Европы. – 1969. – Киев, 1979. – С. 21–22.

находившееся под юрисдикцией великокняжеской (удельно-княжеской) администрации, переходило под юрисдикцию вотчинника, а сама община со значительно урезанными правами оказывалась все более подчиненной власти феодала-землевладельца, превращаясь тем самым в одно из орудий феодальной эксплуатации крестьянства в вотчинной системе хозяйства. К середине XV в. общины, обладавшие более полными правами и самоуправлением, сохранились на государственных (великокняжеских и княжеских домениальных) землях, основной массив которых находился на подвергавшихся частым нападениям ордынцев и поэтому не представлявших для землевладельцев особого интереса южных и юго-восточных окраинах Подолья и Киевского княжества, включая Северскую территорию.

В XIV в. значительная (если не преобладающая) часть сельского населения состояла из относительно свободных, незакрепощенных крестьян, которые вели свое хозяйство как на великокняжеских (удельно-княжеских) домениальных, так и частновладельческих землях. Лично свободное сельское население не было соци- /78/ ально однородным и делилось на две группы, отличавшиеся специальными обязанностями: на тяглых и на военно-служилых. "Тяглые люди", или "данники", составляли наиболее многочисленную категорию крестьянства, которая выполняла основное государственное "тягло" – работы по укреплению городов и оборонных замков, а также вносила в казну разнообразные дани и подати. Крестьяне-слуги привлекались в интересах государства к военной службе (в этом случае их называли военными слугами, или "боярами") или же к обслуживанию потребностей различных отраслей княжеского домениального хозяйства³²⁶. Военнообязанные слуги составляли верхний, наиболее зажиточный слой военно-служилого крестьянства, и в отличие от других его слоев нередко освобождались от государственного тягла и даней ("коли на войну ходять, тогды подимьщины не дают"). Единственной их повинностью было "на войну ходити".³²⁷

Среди частновладельческих крестьян свободные люди занимали особое положение. Они владели или пользовались наследственными или хозяйственно освоенными земельными участками на основе древнего обычного права, отбывали определенные повинности в пользу вотчинника, но сохраняли за собой право перехода к другому землевладельцу или же на незанятые земли. В актах Литовской метрики эта категория сельских жителей обозначалась терминами "люди вольные", "люди похожие", "люди прихожие" и др. Класс землевладельцев стремился зафиксировать в законодательном порядке повинности "похожих" крестьян и прикрепить их к земле, ограничив свободу переходов.

Дань с домениальных и частновладельческих крестьян взималась в основном в форме натуральной ренты. Виды продуктов натурального оброка определялись местными условиями и состояли из меда, пушнины (бобровой, куничной), хлеба (рожь, пшеница, овес). Часть дани, в частности "волощина", "подымщина" и некоторые другие виды, как показывает люстрация домениальных земель Киевского княжества 1471 г., взималась деньгами.³²⁸ Отсутствие в крестьянских дворах малоземелья при наличии больших массивов неосвоенных земель и оброчная система эксплуатации феодально зависимого крестьянства предоставляли ему значительный простор для проявления хозяйственной инициативы – непременно условия сравнительно быстрого восстановления экономики

³²⁶ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. – С. 235–236; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. – Львов, 1957. – С. 64–76; *Его же*. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVI–XVIII веках // Сред. века. – 1962. – Вып. 21. – С. 141–142; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление... – С. 336–342, 523–525.

³²⁷ РИБ. – Спб., 1910. – Т. 27. – Стб. 161.

³²⁸ РИБ. – Спб., 1910. – Т. 27. – Стб. 162–165; Голобуцкий В. О. Економічна історія Української РСР. – К., 1970. – С. 44–45.

Юго-Западной Руси от разрушительных последствий Батыева погрома и последующих ордынских нападений. Отработочная рента занимала, по-видимому, незначительное место среди других форм эксплуатации зависимого крестьянства. Ее рост наблюдается к середине XV в. в связи с развитием поместного (фольваркового) хозяйства, прежде всего, в западных районах /79/ Великого княжества Литовского.³²⁹ Тогда же стало более определенно проявляться усиление процесса имущественного расслоения крестьянства и тенденций крепостнического порядка, особенно в вотчинных владениях боярства.

Низшую и наиболее бесправную категорию крестьянства составляла невольная челядь. Многочисленные пожалования демонстрируют тесную связь между челядью невольной и землей. В общественно-правовых соглашениях XIV–XV вв. и более позднего времени рабы рассматривались как неотделимая часть движимого имущества поместного хозяйства.³³⁰ Их правовое положение было неодинаковым. Посаженная на землю и ведшая свое хозяйство челядь приближалась положением к тяглу крестьянству и заметно отличалась от дворовой челяди, которая находилась на полном содержании у землевладельца. В великокняжеских поместьях количество челяди было незначительным. В частновладельческих имениях она в большинстве случаев использовалась в качестве домашних слуг. В целом роль подневольного населения в хозяйственной жизни не была сколько-нибудь значительной, и само рабство как общественное явление имело тенденцию к изживанию.

В Юго-Западной Руси документально хорошо прослеживается и такая феодальная корпоративная собственность, как земельные владения городских общин. Наиболее раннее свидетельство подобного рода относится к последней четверти XIV в. В 1374 г. подольский князь Юрий Кориатович и его брат Александр, предоставляя г. Каменцу магдебургское право, пожаловали его жителей землей "между Мухой и Боговицей... аж до Днестра".³³¹ Но, конечно, городское землепользование имеет более древнюю традицию. Люстрации господарских (великокняжеских) замков середины XVI в. отмечают наличие "пашни мещанской" и "уходов" (хозяйственную эксплуатацию угодий) в Киеве, Черкассах, Каневе, Чернобыле, Остре, Виннице, Житомире, Овруче.³³² Многочисленные сведения документального характера, относящиеся, правда, к концу XV–XVI вв., но вполне применимые для характеристики городов Юго-Западной Руси и их общественно-политического устройства в XIV в., собрал А. С. Грушевский.³³³ Его данные свидетельствуют о том, что в тот период города полностью сохраняли феодальный характер, выражавшийся не только в сельскохозяйственных занятиях основной части их населения, но, прежде всего, в том, что большинство городов было собственностью отдельных феодалов и отбывало в их пользу разнообразные повинности. Сведения эти подтверждают вывод В. Т. Пашуто о Полоцке, Киеве, Витебске и других крупнейших городах Великого княжества Литовского, сохранивших в пору их подданства Литве /80/ свою "старину", в которой "ясно видна по источникам XI–XIII вв. феодальная боярско-вечевая структура власти, окрепшая под эгидой Литвы".³³⁴ Конечно, подобное положение городов и их ремесленно-торгового

³²⁹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. – С. 121–128, 174, 209–210; Історія народного господарства Української РСР. – К., 1983. – Т. 1. – С. 96–100.

³³⁰ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. – С. 152–182.

³³¹ Цит. по кн.: Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – Прим. 1 – С. 206–210.

³³² Архив ЮЗР. – Ч. 7, т. 1. – С. 30, 84, 86, 97, 101–102, 588, 589, 623.

³³³ См.: Грушевский А. С. Города Великого княжества Литовского. – Киев, 1918.

³³⁴ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. – С. 276–277.

населения было прямым следствием недостаточного развития процесса общественного разделения труда и роста товарно-денежных отношений, в чем несомненно сказывались отрицательные последствия ордынского ига.

Основные формы политической и правовой надстройки развитого феодализма, сложившиеся на землях Юго-Западной Руси к середине XII в., продолжали существовать и после включения большей части этих земель в состав Великого княжества Литовского, не претерпевая каких-либо существенных изменений почти до конца рассматриваемого периода. Основу их общественно-политического устройства составляла политическая организация господствующего класса с присущими ей чертами военно-политической иерархии, которая соответствовала расчлененному характеру феодальной собственности на землю. "Иерархия, – отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в "Немецкой идеологии", – есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения".³³⁵ Организованный на началах вассалитета-сюзеренитета класс землевладельцев был "ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса..."³³⁶

Внутри класса земельных собственников отношения соподчинения между отдельными его социальными слоями определялись типичной для феодализма связью землевладения и службы. Наиболее привилегированное положение занимала титулованная феодальная знать – обладавшие атрибутами государственной власти на подвластной им территории великие удельные князья во главе с сюзереном – великим (верховным) князем литовским.

С включением большей части Юго-Западной Руси в состав Великого княжества Литовского в ее наиболее крупных территориально-политических феодальных объединениях-землях – Киевской, Волынской, Черниговской и некоторых других, менее значительных – место древнерусских удельных князей Рюриковичей заняли представители литовской великокняжеской династии, сыновья и внуки Гедимина. На службе у них находились немногочисленные оставшиеся роды древнерусских князей и осевшие на Руси представители ордынской знати (Глинские, например).

В зависимости от титулованной знати пребывал наиболее многочисленный и социально неоднородный слой феодалов – боярство. Его верхушку составляло крупное боярство (паны, магнаты), владевшее наследственными землями (отчинами) и обладавшее определенными иммунитетными правами по отношению /81/ к великим удельным князьям. Основная масса боярства – средние и мелкие землевладельцы – служили у князей и магнатов, за что получали вознаграждение – земли в условное владение или доходы с них в порядке "кормлений". В документальных источниках эта прослойка боярства известна под названием "земян" (землян), а с оформлением ее сословных прав к середине XVI в. – шляхты. К привилегированным слоям господствующего класса принадлежали высшее духовенство и городская верхушка.

Именно эти местные слои титулованной знати и крупного боярства выступают в XIV–XV вв. как охранители "старины" отдельных наиболее значительных земель-княжений, включавшей в себя привилегии правящего феодального сословия, сложившиеся формы эксплуатации крестьянства и государственные институты регулирования внутренних противоречий, которые сложились в среде феодалов в ходе их борьбы за землю, ренту и иммунитет и были освящены традиционными нормами писанного и обычного права (подрученство, кормление, местничество, разные виды вассальной службы, княжеский суд и др.), а также культуры³³⁷. Коллективный иммунитет местного боярства, т. е. его

³³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 164.

³³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 23. /166/

³³⁷ /166/ См.: Пацуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. – С. 12.

преимущественное право на эксплуатацию земель и зависимого населения, служил гарантией территориальной целостности и политического единства земель-княжений. В XIV в. в качестве таких земель-княжений на центральной и восточной территории Юго-Западной Руси выступают, в первую очередь, Киевская и Волынская земли.

В специальной литературе уже отмечалось, что великокняжеские уставные грамоты Киевской и Волынской землям, подобно как привилеи Витебской, Полоцкой и Смоленской землям Великого княжества Литовского, в своей древней части восходят к жалованным грамотам Витовта 90-х гг. XIV в., которые, в свою очередь, возникли на основе первых "рядов" – договоров местных боярских кругов с великими князьями литовскими³³⁸. В частности, М. Ясинский выделял в Киевской уставной грамоте "основные или начальные" грамоты Витовта и Казимира Ягайловича, датированные им соответственно концом XIV в. и приблизительно 1471 г.³³⁹ Однако сопоставление содержания этого документа с древнерусскими "рядами", детально проанализированными В. Т. Пашуто,³⁴⁰ позволяет условно отнести ряд ее важнейших статей к первым соглашениям киевского боярства с литовскими князьями времен Гедимина и Ольгерда.

К таким статьям, на наш взгляд, относятся гарантирование правительством Литвы территориальной целостности Киевской земли и монопольное право местного боярства "держать" в ней волости и занимать административные должности ("уряды"): "А волости Киевские Кияном держати, а иному никому. А город- /82/ ки Киевские в нашей воли: Кияном будем давати, кому ся будет годити. А Киянина, как и Литвина, во чти держати и во всех врядах ни в чом не понизите". Древнейшими также являются статьи, подтверждающие права феодалов Киевской земли на их земельную собственность и иммунитет: "В церковные люди, в князские и в панские и в боярские, и в земли и во вси приходы не вступатися, а без права нам людей не казнити, а ни губити, а именеи не отнимати".³⁴¹ Подобные же условия в несколько иной формулировке и степени детализации изложены в Волынском привилее 1528 г. и других уставных грамотах Великого княжества Литовского.

Раздробленная на множество княжеских уделов-отчин и поэтому утратившая к XIV в. территориальное и политическое единство Чернигово-Северская земля не получила от литовского великокняжеского правительства подтверждения своей "старины". Тем не менее, и здесь местное боярство занимало господствующие позиции в экономической и политической жизни. Об этом, в частности, свидетельствует поручная запись группы новгород-северских и трубчевских служилых князей и бояр от 26 апреля 1388 г., в которой они на правах "доброй рады" и "вшего поспольства бояр прилюблением", "именем и моча (т. е. силой. – *Авт.*) вших земян" гарантирует польскому королю верность своего удельного князя Дмитрия-Корибута.³⁴² Естественно, такое же положение занимала феодальная знать и Подольской земли.

В рассматриваемый период сложившиеся к XIII в. границы крупнейших земель

³³⁸ Пашуто В. Т. Страны Прибалтийского региона. – С. 297, 298; Якубовский И. Земские привилеи Великого княжества Литовского // *ЖМНП*. – 1903, № 6. – С. 263–265, 296.

³³⁹ Ясинский М. Уставные грамоты Литовско-Русского государства. – Киев, 1889. – С. 47, 68, 69.

³⁴⁰ См.: Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси. – Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 36–41, 48–49.

³⁴¹ Текст грамоты см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. – Киев, 1915. – С. 54–56; *АЗР*. – Спб., 1848. – Т. 2. – № 30. – С. 30–36.

³⁴² Грамоти XIV ст. – № 43. – С. 82–83.

Юго-Западной Руси – Киевской, Чернигово-Северской, Волынской и Подольской – в большинстве случаев не совпадали с политическими рамками существовавших в них великих удельных княжеств. Важнейшими факторами, оказавшими воздействие на формирование территории этих княжеств в XIV в., были объективно существовавшая тенденция к их политическому объединению, а также влияние внешнеполитических сил, в частности, для Волынского княжества – борьбы Польского королевства и Литвы за Галицко-Волынскую Русь при активном участии Золотой Орды. Во второй половине XIV в. на этот процесс все более действенное влияние стала оказывать внутренняя политика великокняжеского правительства Литвы, стремившегося воспрепятствовать усилению отдельных княжеств Юго-Западной Руси и одновременно укрепить в данном регионе свою власть.

Наиболее эффективно тенденции политического объединения проявились в территориальном росте Киевской земли, утратившей во времена ордынского владычества прежний статус общединастического наследия Рюриковичей,³⁴³ который препятствовал реализации давних политических устремлений местного боярства, направленных на превращение Киева в столицу удельного княжества во главе с одним из представителей старшей ветви великокняжеского рода. С утверждением в Киеве на правах удельного князя Владимира Ольгердовича³⁴⁴ киевское боярство поддержало его династическую программу, цель которой состояла, видимо, в распространении власти киевского князя на соседние земли Юго-Западной Руси и закрепление их за своими потомками. По свидетельству летописных источников, расширение территории Киевского княжества началось еще до утверждения власти литовских феодалов в Среднем Поднепровье и происходило, главным образом, за счет земель Чернигово-Северщины, бывшего Переяславского княжества и, в меньшей мере, за счет южных пространств, контролируемых Ордой. Так, белорусско-литовские летописи называют в числе киевских "пригородков", признавших в 1324 г. вслед за Киевом власть Гедимины, Черкассы, Канев, Путивль, Снепород и Переяславль-Русский.³⁴⁵ Уже упоминавшийся "Список русских городов дальних и ближних" в рубрике "А се Киевськии гроди" дает 71 наименование укрепленных населенных пунктов. Из них 35 городов указаны по берегам рек Сулы, Псла и Ворсклы, вплоть до их верховьев.³⁴⁶ С середины XIII в. большая часть этой территории находилась под юрисдикцией ордынских властей.³⁴⁷ Создание "Списка" датируется 1396 г., следовательно, к концу XIV в. значительная часть днепровского левобережья уже была присоединена к Киевскому княжеству. Данные "Списка русских городов дальних и ближних" подтверждаются более поздними документальными источниками – жалованными грамотами киевских князей Александра (Олелька) Владимировича (1440–1455) и Семена Александровича (1455–1470). Так, Александр Владимирович пожаловал боярину Олехну Сохновичу в числе прочих имений "три

³⁴³ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1953. – С. 511; Пауто В. Т. Черты политического строя Древнерусского государства. – С. 75; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. – Киев, 1980. – С. 186–187.

³⁴⁴ Летописи белорусско-литовские. – С. 120, 223; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 25; Московский летописный свод конца XV века. // ПСРЛ. – М.; Л., 1965. – Т. 25. – С. 193.

³⁴⁵ Летописи белорусско-литовские. – С. 96, 153, 180, 200, 221.

³⁴⁶ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. – С. 94–95, 101–107.

³⁴⁷ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). – Л., 1940. – С. 294, 299–301.

городисча за Днепром: Бусурменское, Ярославское, Сальково".³⁴⁸ Одна из грамот Семена Александровича была выдана им в Прилуках.³⁴⁹ Он же пожаловал боярину Демиду село "у Путивля на имя Чаплища и землю Терн".³⁵⁰ В конце XV в. некий боярин Осташкович владел селищем Еремковичи в Путивльском повете как "даниной" князя Александра Владимировича.³⁵¹

Кроме Путивля, Киевскому княжеству в XIV в. принадлежало черниговское Посемье с волостными центрами Хоробор и Сосница, а также замок Остер и его земли в нижнем течении Десны. Принадлежность Посемья к Киеву подтверждается неоднократными находками в этом районе кладов с монетами Владимира Ольгердовича. Так, они были обнаружены в Путивле и Козельце, в с. Вишенки бывшего Коропского уезда и самый большой клад (969 монет, чеканенных в Киеве от имени Владимира Ольгердовича) – в Соснице.³⁵² Эти находки, в значительной мере, подтверждают историчность некоторых реалий жалованной грамоты Владимира Ольгердовича князю Юрию Ивантичу Половцу из Сквыры, дошедшей до нашего времени в копии XVI в. и с искажениями в тексте, а потому внушавшей определенные сомнения в ее подлинности.³⁵³ Обычно ее датируют 1390 г., хотя указанный в ней индикт 4 соответствует 1381 или 1396 гг. Поскольку в 1396 г. Владимир Ольгердович уже не был киевским князем, датой написания прототипа грамоты следует признать 1381 г. В ней подтверждаются права Юрия Ивантича на наследственные владения, в том числе на его "Северский" и "Сосновский" "отделы" (уделы), в состав которых входили земли, "почавши от Десны и по Остер" с селами Рожны (на Десне), Крехово, Осово, Светильново, Буков, Варно, Нежин, Дорогин, а также Высогор, Сосница и др.

В результате территориального роста Киевского княжества его границы на северо-востоке, в отличие от более стабильных северо-западных, уже к концу XIV в. доходили до верховьев р. Тихая Сосна (правый приток Северского Донца), где их еще в конце 50-х гг. XIV в. зафиксировал черкасский наместник Свиридов. Посланный киевским князем Семеном Олельковичем он "по тым мѣстцом розѣждчал и по тым урочищам границы клал, яко с землею Татарскою..."³⁵⁴ В целом же границы Киевского княжества на юге не были устойчивыми и во многом зависели от силы натиска Золотой Орды и сопротивления ему населения Юго-Западной Руси. Для второй половины XIV в. за южную

³⁴⁸ Текст грамоты см.: *Киев.* старина – 1892. – № 2. – С. 344.

³⁴⁹ *Грамоты* великих князей литовских и удельных с 1390 по 1569 год. – Киев. – 1868. – № 9. – С. 20.

³⁵⁰ *Акты* Литовской метрики. – Варшава, 1896. – Т. 1, вып. 1. – № 37. – С. 19–20.

³⁵¹ *РИБ.* – Т. 27, № 197. – Стб. 731–732.

³⁵² *Котляр Н. Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича // *Нумизмат. и сфрагист.* – Киев, 1974. – Вып. 4. – С. 48, 65–67.

³⁵³ См., например, замечания по этому поводу Й. Вольфа (*Wolff J.* *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV w.* – S. 677), которому возражал П. Клепатский (*Клепатский П.* *Очерки по истории Киевской земли.* – С. 277). Текст грамоты опубликован: *Rulikowski Edw.* *Opis powiatu Wasylkowskiego.* – Warszawa, 1853. – S. 33–34; *Похилевич Л.* *Сказания о населенных местностях Киевской губернии или статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся.* – Киев, 1864. – С. 190–191.

³⁵⁴ *АЗР.* – Спб., 1848. – Т. 2, № 199. – С. 362. Юго-восточные границы Киевского княжества в обводе черкасского наместника Свиридова указаны так: "А по той сторонѣ Таваня, с Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и вверх Овечее воды, а от верхов Овечее воды вверх Сомора и вверх Оргѣя, аж до Донца, а по Тихую Сосну".

границу Киевского княжества можно условно принять на Левобережье течение р. Ворсклы, а на правом берегу Днепра линию, проходившую по р. Тясмин, далее на запад несколько южнее Звенигородка до водораздела Южного Буга, Тетерева и Случи.

Статус великого удельного княжества сохранялся за Киевской землей до конца XIV в. В начале 1395 г. Скиргайло Ольгердович сменил в Киеве Владимира Ольгердовича и управлял ею на условиях обычного для Гедиминовичей княжеского права до своей смерти, последовавшей 10 января 1396 г.³⁵⁵ В списке представителей знати Великого княжества Литовского, погибших в битве у р. Ворсклы в 1399 г., значится и "Иван Борисович Киевский князь",³⁵⁶ преемник Скиргайла в Киеве. По-видимому, лишь в конце 1399 г. Киевское княжество было передано литовскому князю Ивану Ольгимунтовичу Гольшанскому, который стал управлять им в качестве наместника великого князя литовского Витовта. Его имя указано первым среди князей и бояр Великого княжества Литовского, подписавших 1 января 1401 г. в Вильно очередной акт польско-литовской унии.³⁵⁷ 5 февраля того же года он выдал особую присяжную запись польскому королю, обещая /85/ ему свою верность "со всѣм с моим имѣнием и с тым што держю нынѣ и потом от моего господаря великого князя Витовта, с городми с мѣсты и с землями".³⁵⁸ В "Летописце великих князей литовских" события последних лет XIV в. поданы иначе: "Князь же велики Витовѣт услышав, ижъ князь Скирикаило преставися, и посла князя Ивана Ольгимонтовичъ ко Киеву, и да ему держати Киев".³⁵⁹ Правление князя Гольшанского в Киеве знаменовало начало почти сорокалетнего периода пребывания Киевской земли под властью великокняжеских наместников и постепенной ликвидации в ней удельно-княжеской власти.

В XIV в. на роль объединительного центра земель Юго-Западной Руси претендовало также Галицко-Волынское княжество, достигшее в этом определенных успехов в последние годы правления Льва I Даниловича и при ближайших его преемниках из династии Романовичей. Однако под натиском Орды, Великого княжества Литовского и Польского королевства галицко-волынскому боярству не удалось ни реализовать полностью свои политические замыслы, ни закрепить уже достигнутое. Неоднократные попытки волынского князя Любарта-Дмитрия Гедиминовича распространить свою власть на захваченную Польским королевством Галицкую землю не достигли цели. Более того, в ходе борьбы он утратил не только Галицкую землю, но и западную часть Волыни (Холм и Белз с их округами). После смерти Любарта Гедиминовича около 1384 г.³⁶⁰ Волынское княжество унаследовал его сын Федор, гарантировавший в 1386 г. как "князь великий" особой грамотой иммунитетные права князя Федора Даниловича Острожского.³⁶¹ Тогда еще под властью Федора Любартовича находились Луцкая и Владимирская земли, что соответствующим

³⁵⁵ Дату смерти Скиргайла Ольгердовича уточнил П. Г. Клепатский. – *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. – С. 32.

³⁵⁶ *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 73; ПСРЛ. – Спб., 1851. – Т. 5. – С. 251.

³⁵⁷ *Akta unii Polski z Litwą*. – N 39. – S. 40–43.

³⁵⁸ *Розов В.* Українські грамоти. – К., 1928. – № 35. – С. 64.

³⁵⁹ *Летописи* белорусско-литовские. – Т. 35. – С. 65.

³⁶⁰ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV w. – S. 202.

³⁶¹ *Грамоти* XIV ст. – № 33. – С. 64.

образом отразилось в его титулатуре.³⁶² Но уже в конце 1386 г. польский король Владислав-Ягайло изъял из-под юрисдикции Федора Любартовича большую (луцкую) часть княжества, а в 1393 г. вся его территория была отдана под управление великокняжеских наместников.

В начале 60-х гг. XIV в. окончательно сформировался удел Кориатовичей на Подолье. М. Стрыйковский сообщает, что сыновья князя Кориата поровну поделили между собой подольские владения ("владели Подолием, разделенным поровну").³⁶³ Как видно из ярлыков крымских ханов, Подольская земля уже к 90-м гг. XIV в. делилась, по меньшей мере, на три крупных административно-территориальных округа: Каменецкую, Брацлавскую и Сокальскую "тьмы". Возможно, что во второй половине XIV в. ее административно-территориальное устройство усложнилось. В грамоте Владислава-Ягайла 1395 г. названы подольские замки Каменец, Смотрич, Червоноград, Скала, Бакота, Меджибож, Божский, Винница и Теребовль в значении центров отдельных округов. Неупомянутыми остались Брацлав и Сокоlec, известные по другим источникам. Стрыйковский отмечал, что Кориатовичи построили на Подолье, кроме уже указанных Брацлава, Меджибожа, Теребовли (на р. Середи) и Винницы, еще Бережаны (р. Златолипе) и Хмельник. После Синеводской битвы к владениям Кориатовичей была присоединена территория южной части бывшего Галицкого Понизья (в низовьях Южного Буга и Днестра) вместе с Белгород-Днестровским, в котором еще в 1386 г. источники фиксируют пребывание воеводы Константина, по всей вероятности, одного из старших Кориатовичей.³⁶⁴ Указанные замки с их округами, за исключением округов Теребовли и Стенки, дают представление о территориальном составе подвластного Кориатовичам Подолья в 60–70-х гг. XIV в.

Владения Кориатовичей в Подольской земле, очевидно, отличались друг от друга по размерам и экономическому значению. Довольно рано среди них проявляется преобладание уделов с центрами в Смотриче и Каменце. Их владельцы играли ведущую роль в политической жизни Подолья и его отношениях с соседними государствами. В первой половине 70-х гг. XIV в. Каменцем и Смотричем владели князья Юрий и Александр Кориатовичи. От их имени (причем Юрий Кориатович назван первым) выдана грамота г. Каменцу на магдебургское право.³⁶⁵ Юрий Кориатович пожаловал Смотрицкому монастырю различные угодья, а затем, уже после его кончины, Александр Кориатович как "князь литовский" и "князь и господарь Подольской земли" подтвердил это пожалование своей грамотой от 17 марта 1375 г.³⁶⁶ В том же году он предоставил право свободно торговать с Подольем краковским купцам, вновь подписавшись полным титулом князя подольского.³⁶⁷ Однако печать, которой Александр Кориатович скрепил последний документ, была старой и имела надпись по латыни: "Александр, князь владимирский",³⁶⁸

³⁶² *Akta unii Polski z Litwy*; – N 13; *Codex epistolaris Vitoldi* – N 35.

³⁶³ *Strykowski M. Kronika polska...* – Т. 2. – С. 8.

³⁶⁴ *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 105–106, 109–110. /167/

³⁶⁵ /167/ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – С. 206–210.

³⁶⁶ *Грамоти XIV ст.* – № 24. – С. 49–50.

³⁶⁷ *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa.* – Kraków, 1879. – N 57.

³⁶⁸ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – Прим. 1. – С. 214–215.

что должно указывать на недавнее его повторное появление на Подолье. Таким образом, Юрий Кориатович был первым великим удельным князем Подольской земли, его резиденция находилась в Смотриче. В 1374 г. он, видимо, передал Каменецкую землю во владение своему брату Александру, ставшему подольским князем в 1375 г. При Александре Кориатовиче столицей Подольской земли становится Каменец и в папской булле 1378 г. он назван "владыкой Каменца" ("dominus de Cam- nitz").³⁶⁹

Во второй половине 70-х гг. XIV в. рядом с Александром Кориатовичем видим его брата Бориса, игравшего при нем, очевидно, ту же роль, что и сам Александр при Юрии. "Также господа Александр и Борис, князья Подолья, вместе с 11 замками, отда- /87/ лись короне Венгерского королевства и вновь получили в феоде от короны по приказу короля навечно с обязательством служить против всех без исключения", – писал в 1377 г. венгерский и польский король Людовик Франциску Карраре, сообщая о результатах похода польско-венгерских войск на Волынь.³⁷⁰ Как утверждают белорусско-литовские летописи, Александр Кориатович погиб в битве с ордынцами приблизительно в 1380 г.³⁷¹ Его преемником стал, однако, не Борис, а Константин Кориатович, выдавший в 1385 г. грамоту купцам города Кракова на свободную торговлю с Подольем,³⁷² а в 1388 г. в Каменце пожаловавший вместе с братом Федором своему слуге Немире имение Бакоту.³⁷³

Приход к власти на Подолье Константина Кориатовича следует, видимо, связывать с укреплением позиций тех кругов местного боярства, которые выступали против зависимости княжества от Венгрии и политики насаждения католицизма, осуществлявшейся при Юрии и Александре Кориатовичах. Из грамоты 1388 г. видно, что Константин Кориатович отказался от сотрудничества со своим братом-католиком Борисом и приблизил к себе Федора Кориатовича, владевшего до того Гомелем в верхнем Поднепровье. Одновременно на Подолье произошли перестановки в боярской элите власти: места Гринка (Червоноградского воеводы, а затем старосты подольского), каменецкого воеводы Остафия, смотрицкого воеводы Олеська и сменившего его Рогозки, известных по грамотам Юрия и Александра Кориатовичей, заняли подписавшиеся в 1392 г. на грамоте Федора Кориатовича паны Немира Бакинский, Па- вел Слупич и Михайло Прочович.³⁷⁴

Вокняжившийся приблизительно в 1388–1390 гг. Федор Кориатович³⁷⁵ управлял Подольской землей вполне самостоятельно, но недолго. Уже в конце 1393 г. Подолье перешло под власть польского короля и верховного князя литовского Владислава-Ягайла, который в 1395 г. передал его большую часть во владение краковскому воеводе Спытку из Мельштына "на полном праве княжеском, каким пользуются другие литовские и русские князья".³⁷⁶ После гибели краковского воеводы в 1399 г. Владислав-Ягайло выкупил

³⁶⁹ *VMPL.* – Т. 1. – N 1015. – S. 748.

³⁷⁰ Цит. по: *Lowmiański H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. – S. 63.

³⁷¹ *Летописи* белорусско-литовские. – С. 66.

³⁷² *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa.* – N 60. – S. 74.

³⁷³ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – Прим. 1. – С. 203.

³⁷⁴ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – Прим. 2. – С. 225–226.

³⁷⁵ *Wolff J.* Rod Gedimina. – S. 177; *Puzyna J.* Koriat i Koriatowicze – S. 443.

³⁷⁶ *Codex epistolaris Vitoldi* – N 115. – S. 37–39, а также: *ALS.* – *Lwów*, 1887. – Т. 1. – N 19. – S. 19.

Подолье у вдовы Спытка и отдал его вместе с чернигово-северскими землями Свидригайлу Ольгердовичу.³⁷⁷ Следовательно, с 1393 г. Подольская земля, за исключением ее восточной части (Брацлавский и Винницкий поветы), имела особый статус, находясь под верховной юрисдикцией польского короля, а не великого князя литовского.

Фрагментарность сохранившихся сведений о Чернигово-Северской земле в составе Великого княжества Литовского в XIV в. позволяет лишь в самых общих чертах судить о ее политическом устройстве в тот период. В Любецком синодике с титулом великого князя черниговского записаны две личности: Роман Михайлович, "убиенный от князя Юрия Смоленского", и Дмитрий (вместе со своим братом Иоанном-Скиргайлом Ольгердовичем).³⁷⁸ Р. В. Зотов принимает этого Дмитрия за одного из младших сыновей Ольгерда Дмитрия-Корибута.³⁷⁹ Это мнение известного исследователя не бесспорно. В приводимом им довольно значительном актовом материале Дмитрий-Корибут всегда выступает под двойным именем и нигде не титулуется себя великим черниговским князем, впрочем, как и его старший брат Дмитрий Ольгердович, о котором, однако, сохранилось гораздо меньше документальных свидетельств. Поэтому более вероятно, что именно старший Дмитрий Ольгердович владел Черниговом и что именно он, а не Дмитрий-Корибут внесен в Любецкий синодик с титулом великого князя черниговского. Белорусско-литовские летописи причисляют к черниговским князьям также Константина Ольгердовича ("пятый Константин, удел его Чернигов и Черторыеск").³⁸⁰ Все трое, несомненно, княжили в Чернигове во второй половине XIV в., но в разное время. Выяснение последовательности их княжений затрудняется тем, что два первых князя – происходивший из рода черниговских Ольговичей Роман Михайлович³⁸¹ и Дмитрий Ольгердович³⁸² – упоминаются в летописных и актовых источниках Северо-Восточной Руси также как князья брянские. Так, на акте московско-литовского перемирия 1371 г. Дмитрий Ольгердович указан как "князь Дмитрий Брянский", представитель литовской стороны.³⁸³ В свою очередь, "князь Роман Михайлович Брянский" назван в числе участников похода на Тверь в 1375 г.³⁸⁴ В 1401 г. Роман Михайлович был наместником великого князя литовского в Смоленске и погиб в ходе выступления горожан против администрации.³⁸⁵ Сообщая об этом событии в Москву в 1404 г., Витовт называет его "князем великим Романом Черниговским".³⁸⁶

Р. В. Зотов предполагал, что Роман Михайлович княжил в Брянске и Чернигове в

³⁷⁷ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – С. 256–258.

³⁷⁸ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 140.

³⁷⁹ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 96.

³⁸⁰ Летописи белорусско-литовские. – С. 223.

³⁸¹ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 96–99.

³⁸² Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 141–145.

³⁸³ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 6. – С. 21–22.

³⁸⁴ Рогожский летописец. – Стб. 111.

³⁸⁵ Летописи белорусско-литовские. – С. 52, 73, 121.

³⁸⁶ Рогожский летописец. – Стб. 471.

зависимости от власти Ольгерда в 60-х гг. XIV в. При этом Черниговом он владел как отчиной после своего отца Михаила Александровича примерно во второй половине XIV в., а Брянском до 1368 г., сменив утвердившихся там в начале XIV в. представителей смоленской княжеской династии.³⁸⁷ Подчинив своей власти Брянск в 1359 г., Ольгерд действительно мог использовать для ее укрепления соперничество между смоленскими и черниговскими князьями. С обострением борьбы между Литвой и Московским великим княжеством в конце 60-х гг. XIV в. и, особенно, в связи с достигшим частичного успеха походом московских войск на Брянск в 1370 г.³⁸⁸ Ольгерд, по-видимому, вынужден был снова укреплять свою власть /89/ в этом городе, передав его под управление своего сына Дмитрия. Полагаем также, что в середине 70-х гг. XIV в. Дмитрий Ольгердович княжил уже не в Брянске, а в Чернигове, вследствие чего и был записан в Любецком синодике с соответствующим титулом. Кроме Чернигова и его волости в состав владений Дмитрия Ольгердовича, как это видно из событий 1379 г., входили также Стародуб, Трубчевск и, очевидно, Новгород-Северский.³⁸⁹ Переход Дмитрия Ольгердовича на службу к московскому князю зимой 1379/80 г. повлек за собой утрату им владений, большая часть которых отдана была в 1380 г. великим князем литовским Ягайлом Дмитрию-Корибуту Ольгердовичу.³⁹⁰

Оба они – и Ягайло, и Дмитрий-Корибут – являлись сыновьями второй жены Ольгерда, тверской княжны Ульяны, и это обстоятельство сближало их, помогая противостоять претензиям на верховную власть в Литве со стороны князя Трока Кейстута и старших Ольгердовичей, которые к моменту смерти их отца, в отличие от младших братьев, владели уделами на Руси. Уже в событиях феодальной войны в Великом княжестве Литовском 1381 г. Дмитрий-Корибут выступает как правитель Северской земли,³⁹¹ хотя впервые полным титулом он подписался на присяжной записи, данной им в Луцке 21 декабря 1386 г.³⁹² Этот же титул ("Дмитрий инем именем Корибут, князь новгородский и северский") значится и в присяжной записи его князей и бояр от 26 апреля 1388 г.³⁹³ Территориальная структура его владений малоизвестна. Упомянутую присяжную запись среди прочих подписали новгород-северский и трубчевский воеводы, но в ней не упомянут путивльский воевода. Видимо, Новгород-Северск и Трубчевск с их волостями являлись крупнейшими административно-территориальными единицами в составе Новгород-Северского княжества во времена правления Дмитрия-Корибута, а Путивль ему не принадлежал. В 1392 г. Дмитрий-Корибут был лишен своего удела в Новгород-Северщине, получив несколько позднее взамен три замка в восточном Подолье – Брацлав, Винницу и Соколец, а также Кременец-на-Волыни.³⁹⁴ Северские же земли польский король

³⁸⁷ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 99.

³⁸⁸ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 78.

³⁸⁹ Рогожский летописец. – Стб. 138; близок к подобному определению состава владений Дмитрия Ольгердовича в 1379 г. Б. Н. Флоря. (Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 165).

³⁹⁰ Kołankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. – S. 19–20.

³⁹¹ Летописи белорусско-литовские. – С. 116; Флоря Б. Н. Русь и Литва перед битвой на Куликовом поле. – Прим. 88. – С. 166.

³⁹² Akta unii Polski z Litwą. – N 23.

³⁹³ Грамоты XIV ст. – № 43. – С. 82.

³⁹⁴ Strykowski M. Kronika polska... – T. 2. – S. 101.

Владислав-Ягайло отдал в 1393 г. в наместничество "до своей воли" бывшему волыньскому князю Федору Любартовичу, однако неизвестно, управлял ли он ими, или же, что более вероятно, так и не воспользовался предоставленным ему правом.³⁹⁵

Имеются определенные основания считать, что в 1380 г., одновременно с образованием Новгород-Северского удела Дмитрия-Корибута, из состава Чернигово-Северского княжества были также выделены Чернигов и Стародуб с их землями, которые составили отдельные княжества под властью Константина Ольгердовича и Патрикея Наримановича (Давидовича), внука Гедимины. Князь Патрикий Давидович стародубский, княгиня его Елена и сын их Иоанн упомянуты в Любецком синодике.³⁹⁶ Р. Зотов предполагал, что он владел Стародубом еще до своего появления в Новгородской земле.³⁹⁷ Служилым князем Великого Новгорода Патрикий Наримунтович был в 1383–1386 гг. и в последний раз в 1397 г.³⁹⁸ В 1388 г. стародубский князь пребывал при дворе Владислава-Ягайла.³⁹⁹ После смерти Патрикея Наримунтовича Стародубское княжество унаследовал его сын Александр, подписавшийся как Alexander de Starodup на договоре Литвы с Орденом в 1398 г.⁴⁰⁰ Известна также присяжная грамота Александра Патрикеевича Стародубского, данная им королю Владиславу-Ягайлу в 1401 г.⁴⁰¹

Константин, один из младших сыновей Ольгерда от его первого брака, являлся в 80-х гг. XIV в., наряду со Скиргайлом и Дмитрием-Корибутом, ближайшим сторонником Ягайла. Уже в 1383 г. он играет видную роль в политической жизни Великого княжества Литовского, принимая активное участие в переговорах Ягайла с орденским магистром Конрадом Цоллнером.⁴⁰² Все это позволяет предполагать, что к тому времени Константин Ольгердович уже получил от Ягайла значительные владения на Руси, которыми, как уточняет Хроника Быховца, были Чернигов, а позднее и Черторыйск. На близость его владений к восточным границам Великого княжества Литовского указывает участие Константина Ольгердовича в походе против смоленского князя Святослава, осадившего в 1386 г. своими войсками Мстиславль.⁴⁰³ В 1393 г. Константина Ольгердовича уже не было среди живых.⁴⁰⁴ Его сыновьями были Глеб, плененный крестоносцами в 1390 г. и не

³⁹⁵ Любавский М. К. Областное деление... – С. 45.

³⁹⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 125, 128.

³⁹⁷ Зотов Р. В. О черниговских князьях... – С. 126.

³⁹⁸ НПЛ. – С. 289, 375; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. – Л., 1925. – Т. 4, вып. 2. – С. 339–340, 347.

³⁹⁹ Piekosiński Fr. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420. – Kraków, 1896. – S. 76.

⁴⁰⁰ CDP. – Königsberg, 1853. – Bd. 4. – S. 66.

⁴⁰¹ Грамоты XIV ст. – № 81. – С. 146.

⁴⁰² См.: Stadnicki K. Bracia Władysława Jagiełły i Olgierdowicza, króla Polski, wielkiego księcia Litwy. – Lwów, 1867. – S. 236–237.

⁴⁰³ Летописи белорусско-литовские. – С. 88, 100, 136, 157, 226.

⁴⁰⁴ Wolff J. Rod Gedimina. – Kraków, 1886. – S. 95.

возвратившийся в Литву,⁴⁰⁵ Василий – родоначальник князей Черторыйских на Волыни,⁴⁰⁶ и, возможно, Гридко (Григорий) Константинович, за верность которого в 1392 г. ручалась Скиргайлу большая группа князей и бояр, в том числе и некоторые черниговские и северские.⁴⁰⁷ По-видимому, в том же 1392 г. Чернигов был изъят из-под власти сыновей Константина Ольгердовича и в 1399 г. вместе с другими землями Северщины передан Свидригайлу Ольгердовичу. В 1408 г. последний перешел на службу к московскому князю, а с ним – князья путивльский, звенигородский, хотетовский, менский и "бояре Черниговские, и Дебрянскы Стародубскыи и Лоубутескыи и Ярославскыи".⁴⁰⁸

Источники свидетельствуют о наличии в XIV в. верховной собственности удельного князя на территорию подвластного ему княжества, проявлявшейся в его праве на суд и сбор дани. Как политический глава местных феодалов и верховный землевладелец, удельный князь распоряжался землями княжества, разда- /91/ вая отдельные участки вместе с крестьянами церквям, монастырям и боярам, освобождая последних от выплаты податей и суда своей администрации, контролировал исполнение ими военной службы, собирал в свою казну торговые пошлины и др.⁴⁰⁹ Экономическое могущество удельного князя составляли не только дани и повинности, судебные поборы, взимаемые с подвластного населения, но и доходы, поступавшие с его домениальных владений, на которых находились княжеские хозяйства ("дворы" и "дворцы").

Управление княжеством удельный князь осуществлял при помощи своих наместников, назначаемых в волости и поветы из числа местных феодалов или же слуг-дворян. На Руси уряд наместника окончательно образовался в XIV в.⁴¹⁰ На местах наместники ("державцы", воеводы) обладали всей полнотой административно-судебной и военной власти, исполняя функции как княжеских домениальных, так и государственных управителей.⁴¹¹ Им подчинялись тиуны в дворах-селах или же городках и волостях, которые надзирали за княжеским хозяйством, собирали дань, творили суд над крестьянством. Тиуны имели заместителей – наместников тиунских.⁴¹² Характерной чертой управления волостями и пригородами была система "кормлений", при которой часть поступающей от населения дани использовалась для содержания наместников-"державцев". Наместничества приобрели значение важного источника доходов для верхней прослойки местных феодалов, сосредоточивших в своих руках наиболее значительные административные должности.⁴¹³

⁴⁰⁵ *Летописи* белорусско-литовские. – С. 184, 205.

⁴⁰⁶ Wolff J. Rod Gedimina. – S. 95–96, 104.

⁴⁰⁷ *Грамоти* XIV ст. – № 54. – С. 108.

⁴⁰⁸ *Типографская летопись* // ПСРЛ. – Пг., 1921. – Т. 24. – С. 174.

⁴⁰⁹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. – С. 44–45; Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной собственности в IX–XV вв. – С. 126–251. /168/

⁴¹⁰ /168/ Ерошкин Н. П. История образования государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968. – С. 22.

⁴¹¹ Любавский М. К. Областное деление... – С. 64, 69.

⁴¹² Любавский М. К. Областное деление... – С. 420–424.

⁴¹³ Любавский М. К. Областное деление... – С. 677; Любавский М. К. Литовско-русский сейм. – М., 1900. – С. 153–154.

Высшие придворные чины государственно-вотчинного аппарата власти вместе с сановниками православной церкви составляли ближайшее окружение удельного князя – его совет ("раду") – сословный орган местных землевладельцев. С участием "рады" удельный князь решал вопросы законодательства, управления, пожалования земельных владений, отношений с церковью, а иногда и внешней политики. В изучаемый период боярская "рада" приобрела такое большое значение, что заменила другой орган представительства феодалов в городах – вече, которое созывалось лишь в чрезвычайных случаях.

Военную силу удельных княжеств составляло феодальное ополчение, формировавшееся в основном из представителей военно-служилого землевладельческого сословия – рядового боярства, на котором лежала обязанность исполнения "конно и збройно" постоянной военной ("земской") службы. В состав ополчения входили также военнообязанные крестьяне – слуги домениальных земель удельного князя. Со своими вооруженными отрядами служили военную службу великим удельным князьям /92/ титулованные и нетитулованные крупные землевладельцы – князья, паны и магнаты.

Так в основных чертах можно охарактеризовать общественно-политическое устройство подвластных Литве земель Юго-Западной Руси в XIV в. по современным ему источникам, а также по документальным свидетельствам более позднего времени. Без каких-либо принципиальных изменений оно сохранялось на протяжении большей части изучаемого периода. Лишь в самом конце под влиянием централизаторской политики литовского великокняжеского правительства начался процесс постепенной деформации традиционной для этих земель структуры власти, распространившейся после заключения польско-литовской унии и на общественно-политическую структуру. Однако первые существенные результаты подобных изменений приходятся уже на XV в., т. е. выходят за хронологические рамки данной работы.

2. Централизаторская политика литовского великокняжеского правительства и ее воздействие на положение земель Юго-Западной Руси

Великое княжество литовское было экономически и политически, культурно и этнически неоднородным государственным образованием. Включенные в его состав восточнославянские земли (белорусские, большая часть украинских, а также некоторые русские (великорусские) княжества – Смоленское, Брянское и ряд менее крупных, расположенных в верховьях р. Оки), с более высоким уровнем экономики, социальных отношений и культуры составляли около 9/10 государственной территории.⁴¹⁴ Примерно такое же соотношение существовало и между населением. Особенности структуры Литовского государства нашли отражение в титулатуре великих князей литовских. Так, еще в первой половине XIV в. Гедимин именовал себя "королем литвинов и русских" или же "литвинов и многих русских". Его преемники также подчеркивали свои верховные права на земли Руси, именуя себя "князьями литовскими и русскими" или "вотчинами русскими".⁴¹⁵

Пребывание части восточнославянских земель в составе Литовского государства способствовало усилению разнообразных связей между ее населением и оказало большое влияние на социально-экономическое и культурное развитие собственно литовских земель. Определяющим ингредиентом этого влияния был "синтез раннефеодальных институтов

⁴¹⁴ *Очерки истории СССР: Период феодализма, IX–XV вв.* – М., 1953. – Ч. 2. – С. 513.

⁴¹⁵ См.: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. – Т. 2. – С. 56.

незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель".⁴¹⁶ /93/ Проявлением синтеза общественных отношений явилось признание литовской феодальной элитой широких иммунитетных прав за боярством восточнославянских земель и отказ от существенного перераспределения в них феодальной собственности, с одной стороны, а с другой – заимствование литовскими феодалами на Руси для строительства своего государства недостающих ему элементов правового и политического устройства, в том числе и официального делопроизводства, которое, начиная уже с середины XIV в., велось на унаследованном и развитом восточнославянским населением древнерусском языке. Важным показателем происходивших в XIV в. сдвигов во внутривнутриполитическом развитии Литовского государства была довольно явственная тенденция к "русификации" правящей литовской династии, проявлявшаяся в форме многочисленных брачных союзов представителей этой династии с Рюриковичами, частые случаи принятия ими православия, особо тесные контакты с Тверью, Великим Новгородом и др. В результате синтеза общественных отношений раннефеодальное Литовское государство превратилось к середине XIV в. в обширное Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтйское, вступившее в стадию развитого феодализма с присущими ему признаками политической децентрализации.

Одним из характерных проявлений сепаратистских тенденций в политическом развитии Великого княжества Литовского было наличие в нем во второй половине XIV в. двух феодальных центров – Вильно и Троку, вокруг которых группировалась литовская знать, придерживавшаяся разных внешнеполитических программ. Еще в большей мере характерен был сепаратизм для восточнославянских земель княжества, население которых экономически и в силу этнического и культурного родства, единства внешнеполитических задач тяготело не к литовскому политическому центру, а к Москве как центру формировавшегося единого Русского государства и борьбы против иноземных захватчиков. На формирование внешнеполитической программы Московского великого княжества, выступавшего за объединение под своей властью всех бывших древнерусских земель и освобождение их как от ордынского ига, так и господства литовских феодалов, значительное влияние оказывали политические воззрения господствующего класса Руси, в частности ее северо-восточного региона, где "прочно сохранялось представление о единстве всей "Русской земли", о главенствующей роли в ней Владимирского (затем Московского) центра и резко осуждались захваты отдельных русских княжеств иноземными правителями."⁴¹⁷ По мере усиления Московского великого княжества и обострения его соперничества с Великим княжеством Литовским эта программа находила все больше /94/ приверженцев в правящих кругах боярства подвластных литовским феодалам земель Юго-Западной Руси.

Почти до конца XIV в. государственно-политическая связь этих земель с Литвой выражалась в форме вассальной зависимости местных князей от великого князя литовского. Рассматривая подвластные им земли Руси как патримониальные владения своей династии, Гедимин и Ольгерд сажали на престолы присоединенных наиболее крупных княжеств Руси членов литовского великокняжеского рода. Действуя подобным образом, они преследовали цель уберечь от дробления великокняжеский домен в коренной Литве и обеспечить политическое единство Великого княжества Литовского. При этом предоставленные Гедиминовичам и Ольгердовичам уделы рассматривались великими князьями литовскими не как ленные владения с полным правом собственности, а как пожизненные, но отъемлемые

⁴¹⁶ Пауцто В. Т. Образование Литовского государства. – С. 7, 323, 366, 368; Пауцто В. Т. Страны Прибалтийского региона. – С. 296.

⁴¹⁷ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XIV – начале XVII в. – С. 15.

бенефиции.⁴¹⁸ В качестве вассалов литовского монарха удельные князья, как это видно из их присяжных записей и грамот, обязывались ему "служить верно, без никаких хитростей и во всем быть послушными", выплачивать ежегодно дань ("полетнее") и оказывать, в случае надобности, военную помощь.⁴¹⁹ Кроме того, удельные князья обязывались принимать участие в великокняжеском совете, где обсуждались важные вопросы внутренней и внешней политики Великого княжества Литовского. В XIV в. совет этот, однако, еще не имел законодательных функций, собирался эпизодически, состав его не был стабильным. Общегосударственные дела решались преимущественно при помощи частных или общих договоров между великим князем литовским и удельными князьями.⁴²⁰

Удельно-княжеская власть по своей социальной природе имеет двойственный характер и в зависимости от конкретного соотношения политических сил в стране может выступать и как централизующий, и как децентрализующий фактор. На это обстоятельство обратил внимание Ф. Энгельс, давший в работе "Крестьянская война в Германии" блестящий пример марксистского анализа социальной структуры феодального общества. "Из высшего дворянства выделились князья, — писал он. — Они были уже почти независимыми от императора и обладали большинством суверенных прав... Значительную часть низшего дворянства и городов они уже подчинили своей власти и продолжали прибегать к любым средствам, чтобы присоединить к своим владениям остальные, пока еще непосредственно подчиненные империи, города и баронства. По отношению к этим последним они были централизаторами в такой же мере, в какой были децентрализаторами по отношению к имперской власти".⁴²¹ На Руси Гедиминовичи и Ольгердовичи выступали на первых порах как верные проводники великокняжеской воли в своих княжествах. Со вре- /95/ менем, однако, вступал в силу закономерный процесс их сближения с местной феодальной средой, вследствие чего удельные князья начинают добиваться превращения своих бенефициальных владений в наследственные и становятся, хотя и в разной степени, представителями политических интересов этой среды. Подобная характерная особенность межкняжеских отношений объясняется не чем иным, как указанным выше синтезом общественных отношений Литвы и Руси, в условиях проявления которого, по справедливому замечанию Б. Н. Флори, сотрудничество удельных князей с сюзереном "могло быть успешным, лишь пока феодалы их земель были заинтересованы в политическом сотрудничестве с литовской знатью".⁴²² Сложившееся в годы активной борьбы Великого княжества Литовского против Золотой Орды сотрудничество это уже на рубеже 60–70-х гг. XIV в. перестало удовлетворять значительную часть феодалов подвластной Литве Руси, признаком чего явилось усиление сепаратистских устремлений в их среде, обусловленное ущемлением политических и

⁴¹⁸ Пауцто В. Т. Образование Литовского государства. — С. 299, 303; Lowmiański H. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. — S. 100–108.

⁴¹⁹ См. присяжные грамоты удельных князей: *Грамоти* XIV ст. — № 44. — С. 84; № 59. — С. 113; № 47. — С. 98; № 48. — С. 99; № 81. — С. 146; *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. — Kraków, 1876. — Т. 2. — N 10. — S. 11–12; N 14. — S. 14 и др. Известный исследователь истории Великого княжества Литовского М. К. Любавский, придерживаясь методологических позиций буржуазной исторической науки, преувеличивал значение этих формальных признаков при определении социально-политического статуса удельных князей Гедиминовичей в землях Руси. (См.: *Любавский М. К. О распределении владений и об отношении между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и в XV в. // Издания Исторического общества при Московском университете: Рефераты*. — М., 1896. — С. 68–96).

⁴²⁰ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. — С. 43.

⁴²¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 7. — С. 348.

⁴²² Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. — С. 144.

экономических прав в пользу литовской феодальной элиты,⁴²³ а также изменением внешнеполитического курса правителей Литвы, ставших к тому времени на путь антимосковского по направленности соглашения с Ордой.

Великим князьям литовским – Ольгерду, а после него еще в большей мере Ягайлу – приходилось учитывать во внутренней политике объективно существовавшую в подвластных им княжествах Руси тенденцию к политическому обособлению, которая, будучи тесно связана с процессами объединения восточнославянских земель в едином государстве на основе общерусской программы, представляла реальную угрозу власти литовских феодалов. Поэтому, подтверждая экономические и политические привилегии боярского сословия на местах, литовские правители одновременно стремились нейтрализовать или же значительно ослабить эти процессы как политическую основу сепаратизма зависимых от их власти княжеств Руси, ставших особенно опасными для господства литовской феодальной знати в связи с постепенным преодолением полицентризма в восточнославянских землях и возвышением Москвы. В качестве средств для достижения этой цели правящие верхи Литвы практиковали целый ряд мер, из которых наиболее действенными были дробление территории присоединенных княжеств и земель путем учреждения в них особых уделов Гедиминовичей и Ольгердовичей (принадлежавшие одному из Гедиминовичей земли могли находиться в разных частях Руси), отрицание за удельными князьями наследственных прав на их владения; наконец, попытки укрепить свое господство при помощи централизации государственной власти и использования идеологического влияния православной церкви и др. /96/

Объектом особого внимания литовской великокняжеской власти в этом аспекте была Юго-Западная Русь, в частности Галицко-Волынское княжество, экономически наиболее развитое, имевшее давние традиции укрепления княжеской власти и выступавшее еще в начале XIV в. как один из крупнейших центров объединения феодально раздробленных русских земель.⁴²⁴ Уже в первые годы пребывания галицко-волынских земель под властью литовских князей рядом с Любартом Гедиминовичем видим Кориатовичей, обосновавшихся на южном пограничье с Подолем, а также Юрия Наримановича, который по акту 1352 г. должен "держат" Кременец "от князей литовских и от короля". В 1366 г. Юрий Нариманович владел уже Белзом, где дал присягу на верность Казимиру III, получив от него взамен Белзскую и Холмскую земли в ленное владение.⁴²⁵

Очевидно, незадолго до смерти великого князя литовского Ольгерда получил удел в принадлежавшей в то время Дмитрию-Любарту Холмской и Владимирской землях Федор Ольгердович. В сентябре 1377 г. Федор Ольгердович добровольно принес ленную присягу польскому и венгерскому королю Людовику, не пожелав признать своим сюзереном преемника Ольгерда Ягайла.⁴²⁶ Это обстоятельство указывает на тот факт, что он владел своим уделом независимо от власти волынского князя. В состав владений Федора Ольгердовича входили Ратно, Любомль, Кошерск, а также близлежащая территория, на которой позднее возникли Ковель и Выжва.⁴²⁷

Еще более отчетливо проступают цели внутренней политики правящих верхов Великого княжества Литовского в отношении земель Юго-Западной Руси в деятельности

⁴²³ Паушто В. Т. Страны Прибалтийского региона. – С. 296, 301.

⁴²⁴ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 23.

⁴²⁵ Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum. – S. 631.

⁴²⁶ См.: Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – Прим. 59. – С. 158.

⁴²⁷ Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca XIV w. – S. 422.

Ягайла Ольгердовича, великого князя литовского (1377–1385), а с 1386 г. одновременно и короля польского. Как уже отмечалось, по распоряжению Ягайла в 1380 г. на территории принадлежавшего раньше Дмитрию Ольгердовичу Чернигово-Северского княжества были образованы три независимых друг от друга и подчиненные его верховной власти Черниговское, Стародубское и Новгород-Северское княжества. К 1384 г. относится обещание Ягайла передать Витовту Кейстутовичу Луцкую землю, которой в то время владел после своего отца Федор Любартович.⁴²⁸ Однако в 1377–1385 гг. в обстановке сопротивления великокняжеской власти со стороны удельных княжеств Руси, опиравшихся на политическую поддержку Москвы, Ягайло не смог добиться успеха в государственной централизации Великого княжества Литовского. Его внутрисполитические акции охватили незначительное число удельных княжений и, в первую очередь, те из них, феодалы которых во главе с князьями проявили себя в политических событиях середины 70-х и 80-х гг. XIV в. как активные приверженцы сотрудничества с Московским великим княжеством. Ягайлу и его ближайшему окружению из числа литовской знати осуществить свои замыслы удалось в какой-то мере лишь после заключения Кревской унии, в новой, сложившейся под ее влиянием общественно-политической обстановке, когда планы Ягайла получили поддержку феодальных верхов Польского королевства.

Оформленный специальной грамотой, данной Ягайлом 14 августа 1385 г. в г. Крево, государственно-политический союз Польского королевства и Великого княжества Литовского сыграл важную роль в истории обоих государств, но имел неодинаковые последствия для них. Больше всего от унии выиграла Польша, которая, по словам Ф. Энгельса, при наличии еще не ослабевшей королевской власти "со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска".⁴²⁹ Для Литвы Кревская уния означала начало глубокого социально-политического и культурного влияния на нее магнатско-шляхетской Польши, которой принадлежала главенствующая роль в образовавшемся государственном объединении. Литва приняла католичество, а вместе с ним постепенно усвоила польский образец феодального политического строя, весьма выгодного для класса землевладельцев.

Одним из главных мотивов, побудивших правящие верхи Литвы и Польши заключить унию, была осознанная ими необходимость объединить силы обоих государств для отражения агрессии общего врага – Тевтонского и Ливонского орденов. В то же время каждая из заинтересованных в унии сторон стремилась использовать ее в собственных целях. Так, литовские правящие верхи рассчитывали с помощью унии сохранить, укрепить и расширить господство в восточнославянских землях. Польские феодалы, прежде всего, магнатские круги Малой Польши, рассматривали Кревскую унию в качестве важного средства расширения феодальной экспансии в Восточной Европе. Именно с этой целью они добились включения в акт унии обязательства Ягайла навечно "присоединить" Великое княжество Литовское вместе с его восточнославянскими территориями к короне Польского королевства.⁴³⁰ Для населения Юго-Западной Руси реализация условий Кревской унии влекла за собой усиление политической зависимости от правящей верхушки польско-литовского государства и превращение в объект феодальной колонизации господствующего класса Польского королевства.

⁴²⁸ Kołankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. – S. 49; Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów unii – Kraków, 1896. – S. 32–34.

⁴²⁹ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 416.

⁴³⁰ Akta Unii Polski z Litwą. – N 1. – S. 2; Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego (XIV–XVII w.). – Białystok, 1970. – S. 23–33; Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XIV–XVI вв. – С. 525–528; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 72–85, 177–178.

В начале 1385 г. на сейме в Люблине Ягайло был избран королем Польши. Вскоре в Кракове он крестился, приняв имя Владислава II, и сочетался браком с наследницей польского престола Ядвигой, дочерью Людовика Венгерского. 4 марта 1386 г. Ягайло- /98/ Владислав был коронован. Став польским королем, он одновременно сохранил за собой титул и права верховного князя Литвы и наследственного владельца ("дедича") русских земель Великого княжества Литовского. В том же 1386 г. началась реализация одной из главных целей Кревской унии – инкорпорация (включение) Великого княжества Литовского в состав Польского королевства и усиление в нем политического господства польских и литовских феодалов.

Основными шагами в этом направлении были привлечение на сторону Польского королевства литовского боярства и закрепление за польской короной удельных княжеств Руси с помощью ряда особых политических мер: ослабления сотрудничества русской и литовской феодальной знати и противопоставления их друг другу по религиозной и сословно-правовой линиям путем предоставления в 1387 г. литовским боярам-католикам больших прав и привилегий по сравнению с феодалами восточнославянских земель; размещения в крупнейших центрах этих земель польских гарнизонов и военных отрядов верных Ягайлу литовских князей; присяг удельных князей.⁴³¹ Одновременно использовались также другие средства, направленные на ограничение и ликвидацию удельно-княжеской власти на местах. Из них наиболее широко практиковались изъятие из-под юрисдикции удельных князей отдельных их вассалов с последующим подчинением власти короля и замена непокорных местных династов князьями, сохранившими верность Ягайлу, или же королевскими наместниками.

В Юго-Западной Руси реализация условий Кревской унии началась с дачи присяг ее удельных князей Ягайлу как главе польского государства, а также королеве Ядвиге и короне польской, что, согласно с феодальным правом, означало переход князей и их владений непосредственно под власть польского короля. Одним из первых такие присяги дали 22 марта 1386 г. Федор Любартович и Иван Юрьевич, князь белзский, принимавшие участие в торжествах в Кракове по случаю коронации Ягайла.⁴³²

23 октября 1386 г. Ягайло принял присягу от Дмитрия-Корибута, князя новгород-северского, а затем и от Федора Ольгердовича, князя ратненского (на Волыни).⁴³³ 18 мая 1388 г. обновил свою присягу Дмитрий-Корибут, 12 июля того же года присягнул польскому королю и киевский князь Владимир Ольгердович.⁴³⁴ Присяжные грамоты Бориса Кориатовича, Константина Черниговского и стародубского князя Патрикия Наримановича не сохранились, однако вряд ли они были исключением из общего правила. Письменные источники зафиксировали пребывание стародубского князя при дворе Ягайла-Владислава в августе 1388 г.,⁴³⁵ где также хорошо знали черниговского "князя Константина, заслужившего достойного упоминания".⁴³⁶ Борис Кориатович явился одним

⁴³¹ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 182–183.

⁴³² *Akta unii Polski z Litw* № 261; – N 13, 14.

⁴³³ *Akta unii Polski z Litw* № 261; – N 19; *Lowmiański H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. – S. 112.

⁴³⁴ *Akta unii Polski z Litw* № 261; – N 22, 23.

⁴³⁵ *Piekosiński Fr.* Rachunki dworu... – S. 76.

⁴³⁶ *Piekosiński Fr.* Rachunki dworu... – S. 167.

из наиболее активных участников подготовки Кревской унии.⁴³⁷ Таким образом, к концу 1388 г. почти вся Юго-Западная Русь, за исключением части Подольской земли, князья которой признавали свою зависимость от Венгерского королевства, была формально инкорпорирована в состав Польского королевства. Подобный процесс происходил и в других землях подвластной литовским феодалам Руси. Те князья, которые отказывались дать присяжные записи, как, например, Андрей Ольгердович Полоцкий, были лишены уделов.

Польские феодалы не довольствовались, однако, лишь формальным признанием зависимости удельных князей от короны польской. Они предприняли ряд мер по закреплению отдельных территорий Юго-Западной Руси в составе королевства. В 1387 г. под предводительством королевы Ядвиги польские войска и отряды некоторых литовско-русских князей во главе с Витовтом очистили от венгерских гарнизонов Галицкую Русь, отошедшую к Венгрии во время правления в Польше короля Людовика Венгерского, и включили ее в состав Польского королевства на правах королевского домена.⁴³⁸ Почти одновременно была ограничена территория, на которую распространялась власть волынского князя Федора Любартовича. Еще в 1386 г. он утратил Луцкую землю, где наместником польский король назначил сандомирского каштеляна Креслава из Курозвонк.⁴³⁹ Тогда же из-под юрисдикции волынского князя был изъят его крупнейший вассал князь Федор Данилович Острожский, которому Владислав-Ягайло 4 ноября 1386 г. подтвердил владение наследственными землями,⁴⁴⁰ а Федор Любартович, со своей стороны, гарантировал полный иммунитет владений.⁴⁴¹ В 1388 г. Владислав-Ягайло передал Луцкую и Владимирскую земли Витовту, но не оформил этот акт грамотой.⁴⁴² Очевидно, тогда же черниговский князь Константин был пожалован Черторыйском, выделенным из состава Луцкой земли. В дальнейшем, однако, ограничение власти удельных князей было приостановлено в связи с развернувшейся феодальной войной в Литве, главным содержанием которой явилась борьба литовских феодалов за восстановление государственной самостоятельности Литвы, утраченной ею по условиям Кревской унии.

Возглавивший эту борьбу гродненский и берестейский князь Витовт Кейстутович при поддержке антиягайловской коалиции и, прежде всего, военной помощи Ордена предпринял на протяжении 1390–1391 гг. ряд крупномасштабных военных операций, имевших своей целью захват основных центров Литвы – Трок и Вильно.⁴⁴³ И хотя осада и штурм этих замков оказались безуспешными, власть Витовта была распространена на значительную часть /100/ Литвы и Западной Руси, а его действия и политическая программа стали находить все большую поддержку среди литовского боярства и мелких служилых князей, а

⁴³⁷ *Lowmiański H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. – S. 111.

⁴³⁸ *Skrzypek J.* Południowo-wschodnia polityka Polski od koronacji Jagiełły do śmierci Jadwigi i bitwy nad Worsklą, 1386–1399. – *Lwów*, 1936. – S. 25–29.

⁴³⁹ *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* – Sanok, 1856. – Т. I. – S. 479; *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли... – С. 254.

⁴⁴⁰ *ALS.* – Т. 1. – N 5. – S. 5. /169/

⁴⁴¹ /169/ *Грамоти* XIV ст. – № 33. – С. 64.

⁴⁴² Об этом упоминает Витовт Кейстутович в так называемом меморандуме властям Ордена (*SRP.* – Т. 2. – S. 712).

⁴⁴³ *Kołankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów. – S. 47–53; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 198–200.

также феодальных кругов зависимых от власти Ягайла русских княжеств. Стремясь предотвратить полную потерю Великого княжества Литовского, польские правящие верхи пошли на компромисс с Витовтом Кейстутовичем, оформленный 5 августа 1392 г. в г. Острове специальным соглашением. По условиям Островского соглашения Владислав-Ягайло, отстранив от власти в Литве своего наместника Скиргайла Ольгердовича, назначил Витовта пожизненным правителем Великого княжества Литовского (без титула великого князя литовского), подчинив его власти всех удельных князей. В свою очередь, Витовт Кейстутович признал себя вассалом польского короля.⁴⁴⁴

Непосредственным результатом Островского соглашения явилось временное прекращение борьбы между различными политическими группировками в среде литовских феодалов. Поэтому в годы правления Витовта Кейстутовича (1392–1430) происходит определенное укрепление Великого княжества Литовского, рост его международного значения. В то же время Островское соглашение открыло новый этап в польско-литовских отношениях, характеризовавшихся до конца XIV в. скрытой борьбой правящих верхов Польского королевства и Великого княжества Литовского, из которых первые старались, используя юридические формы зависимости Литвы от Польши, поставить под свой контроль его внутривнутриполитическое развитие, а вторые стремились к полной фактической и юридической независимости своего государства.⁴⁴⁵ Существовавшие противоречия между польской и литовской правящими группировками феодалов не мешали, однако, им активно сотрудничать в деле ликвидации удельно-княжеской власти в крупнейших феодальных центрах Великого княжества Литовского, являвшейся препятствием как для осуществления политических планов польских панов, так и усиления господства литовского боярства.

В 90-х гг. XIV в., опираясь на большинство мелких служилых князей, возросшую политическую активность литовского боярства и горожан, а также предоставленные Владиславом-Ягайлом в его распоряжение военные силы Польского королевства, Витовт добился значительных успехов в централизации Великого княжества Литовского и усиления политических позиций в подвластных ему княжествах Руси. Средством для достижения этой цели он избрал, как в свое время и Ягайло, смещение и политическое ослабление крупнейших удельных князей. Так, еще в 1392 г. Витовт получил обратно от Ягайла не только свое наслед- /101/ ственное владение – Трокское княжество, но и Волынскую землю, от власти над которой был окончательно отстранен Федор Любартович. Эта политическая уступка Владислава-Ягайла Витовту нашла отражение в "Летописце великих князей литовских": "Тогда князь велики Ягайло, презвав его со Немець, и дал ему Луческь со всею Волыньскою землею, а в Литовьской земли отчину его".⁴⁴⁶ В 1393–1395 гг. в результате совместно предпринятых Витовтом и Владиславом-Ягайлом акций, в том числе и военных, были лишены уделов князь Свидригайло в Витебске, Дмитрий-Корибут в Новгород-Северском, Федор Кориатович на Подолье, Владимир Ольгердович в Киеве.

Централизация государственной власти в Великом княжестве Литовском в 90-х гг. XIV в. явилась органическим продолжением внутривнутриполитической программы, осуществлявшейся ранее Ольгердом и Ягайлом, но при Витовте она воплощалась в жизнь с большим размахом и на более широкой социальной основе. В отличие от Северо-Восточной Руси, где политическое объединение страны и формирование вокруг Москвы единого

⁴⁴⁴ *Codex epistolaris Vitoldi* – N 90. – S. 30; *Akta unii Polski z Litw* – N 29. – S. 26; *Dziękuję cię, ugosz J. Dziej w Polskich ksi* – T. 3, ks. 10. – S. 469.

⁴⁴⁵ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 201–202.

⁴⁴⁶ *Летописи белорусско-литовские*. – С. 63, 69, 87, 113. В "Летописце великих князей литовских" данная глосса отнесена к событиям 1384 г., но И. Б. Греков, на наш взгляд, совершенно верно счел возможным связать ее со вторым возвращением Витовта Кейстутовича из Ордена в Литву в 1392 г. (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – Прим. 6. – С. 197–198).

государства основывалось на перераспределении боярской земельной собственности в пользу широкого слоя служилых феодалов, практиковавшаяся с конца XIV в. литовскими князьями массовая раздача земель из государственного фонда крупным и средним феодалам не привела к укреплению великокняжеской власти.⁴⁴⁷ Поэтому централизация Великого княжества Литовского, осложненная отсутствием единства в этнически неоднородном господствующем классе и неравномерностью развития его отдельных земель, имела ограниченный характер. В условиях проявления в восточнославянских землях тенденции к их политическому объединению на основе идеи общерусского единства предпринятые правящей верхушкой Литвы централизаторские меры служили, в первую очередь, целям сохранения ее господства на Руси и были направлены против тех подвластных княжеств, которые выделялись среди других более высоким уровнем социально-экономического развития, степенью внутривластной консолидации и влияния на международные отношения.

По этим причинам курс правительства Витовта на ликвидацию удельных княжеств на Руси и централизацию Великого княжества Литовского, как и подобные меры Ольгерда и Ягайла, не был полностью воплощен в жизнь. Он затронул лишь высшие звенья власти в удельных княжествах, оставив ее традиционную структуру без изменений. Но даже замена удельных князей великокняжескими наместниками осуществлялась непоследовательно. Известно, что уже в середине 90-х гг. XIV в. Владислав-Ягайло и Витовт пошли на восстановление удельно-княжеской власти /102/ в Подольской земле, предоставив ее во владение на "полном княжеском праве" Спытку из Мельштына, а затем и в Чернигово-Северщине.

К тому же времени относятся первые попытки правящей верхушки унитарного польско-литовского государства ослабить объединительные тенденции в боярской среде восточнославянских земель Великого княжества Литовского с помощью распространения на нее сословных прав и привилегий польских феодалов. Так, еще в 1392 г. Владислав-Ягайло специальной грамотой пожаловал боярам и шляхте Луцкой земли права, которыми пользовались к тому времени шляхта и бояре Львовской земли, находившейся под властью польского короля.⁴⁴⁸ Пожалование подобных привилегий феодалам Литовской Руси в XV и в первой половине XVI в. стало, как известно, одним из главных способов политики выравнивания общественно-политических структур Польского королевства и Великого княжества Литовского, проводимой их правящими кругами в соответствии с целями Кревской унии.

Осуществленная в 90-х гг. XIV в. централизация Великого княжества Литовского, хотя и отличалась недостаточной полнотой и последовательностью, тем не менее, способствовала усилению государственной (великокняжеской) власти. Экономическое и политическое могущество Витовта, в распоряжение которого перешли земельные владения удельных князей и доходы с них, настолько возросло, что он уже в 1395 г. стал, вопреки условиям Островского соглашения, титуловать себя великим князем литовским.⁴⁴⁹ Одновременно он и поддерживавшие его круги литовского боярства более решительно стремятся разорвать польско-литовскую унию и ликвидировать зависимость своего государства от Польского королевства. Так, в 1398 г. литовская знать провозгласила Витовта официальным главой

⁴⁴⁷ Lowmiański H. Uwagi w sprawie podziału spóŁecznego i gospodarczego unii jagielloŃskiej // Księga pamiętkowa ku uczczeniu 400-ej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego. – Wilno, 1935. – S. 287–296.

⁴⁴⁸ ALS. – T. 1, N 13. – S. 12: Prochaska A. Przywileje JagieŁy dla Rusinów // Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dzieŁw unii – S. 52–54.

⁴⁴⁹ Codex epistolaris Vitoldi. – N 117.

Великого княжества Литовского, что нашло признание у правителей Ордена, венгерского короля Сигизмунда и ордынского хана Тохтамыша,⁴⁵⁰ но встретило резкое осуждение со стороны польских панов и королевы Ядвиги,⁴⁵¹ прибегнувших к политическим средствам с целью ослабить Великое княжество Литовское и не допустить окончательного разрыва его унии с Польским королевством.

Укрепление государственной власти в Великом княжестве Литовском и усиление его политической значимости в международных отношениях были лишь одним из ближайших последствий ликвидации удельных княжеств в первой половине 90-х гг. XIV в. Другим явилось усиление зависимости части восточнославянских земель, в том числе и Юго-Западной Руси, от власти литовского боярства, политическое значение которого в общегосударственном масштабе возросло. Вместе с тем великокняжеская власть была вынуждена считаться и с интересами феодалов бывших удельных княжеств, пожаловав им на рубеже XIV–XV вв. земские уставные грамоты, подтверждавшие их "старину". Поэтому и в статусе наместничеств (воеводств) бывшие удельные княжества продолжали оставаться отдельными административно-территориальными единицами, сохранившими значительную феодальную автономию, хотя нередко с изменившимися очертаниями границ.

С возрастанием политической роли в Великом княжестве Литовском католического литовского боярства феодалы восточнославянских земель, в том числе юго-западных, были устранены от участия в управлении им и влияния на определение его внешнеполитического курса и оказались замкнутыми в кругу местных интересов, ограниченных рамками великокняжеских привилегий.⁴⁵² Все это снижало политическую активность правящего класса подвластных Литве восточнославянских земель, открывало путь для насаждения в них католицизма и общественно-политических форм польского феодального государства, но не могло коренным образом изменить политические устремления широких слоев населения этих земель, продолжавших вести борьбу против господства иноземных феодалов, за объединение вокруг общерусского центра. /104/

Глава III ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПРОТИВ ГОСПОДСТВА ИНОЗЕМНЫХ ФЕОДАЛОВ

1. От битвы у Синих Вод к союзу с Москвой и разгрому полчищ Мамая на Куликовом поле

Середина 60-х – начало 80-х гг. XIV в. – период, когда более явственно, чем в предшествующие десятилетия, проявляется преобладание двух взаимосвязанных прогрессивных тенденций в политическом развитии Руси: активизация борьбы с внешней агрессией и стремление к политическому объединению. Обозначившийся к тому времени

⁴⁵⁰ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 206–207.

⁴⁵¹ Lowmiański H. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. – S. 78–82.

⁴⁵² Любавский М. Литовско-русский сейм. – С. 24, 48–50, 56–58.

упадок Золотой Орды создал благоприятные условия для усиления борьбы за свержение ее ига, ставшего главным препятствием не только на пути дальнейшего социально-экономического развития "Русской земли", но и ее политической консолидации. Одним из проявлений этого процесса в первой половине 60-х гг. XIV в. явилось кратковременное сближение на антиордынской основе Московского великого княжества с Великим княжеством Литовским: в 1363 г. митрополит Алексей поставил епископа в подвластном Ольгерду Брянске, а в июне 1364 г. он крестил в Твери дочь Ольгерда.⁴⁵³ Однако наметившаяся тенденция не получила развития. Ему воспрепятствовал крутой поворот, происшедший во внешнеполитическом курсе правящей верхушки Литвы в 1365–1368 гг., когда начал складываться направленный против Москвы военно-политический союз Твери и Литвы с мамоевой Ордой. Этот союз обусловил новую расстановку политических сил в Восточной Европе и оказал большое влияние на ход антиордынской борьбы.

Изменения в литовско-ордынских отношениях во второй половине 60-х гг. XIV в. обстоятельно проанализировал Б. Н. Флоря.⁴⁵⁴ Им определен изначальный хронологический рубеж сближения Литвы с Ордой на антимосковской основе, указано, что политические интересы союзников совпадали лишь частично, вследствие чего имевшее место литовско-ордынское соглашение не переросло в военное сотрудничество. Оно, как известно, ограничи- /105/ лось лишь дипломатической поддержкой, которую оказала мамоева Орда союзнику Ольгерда тверскому князю Михаилу Александровичу в его притязаниях на Великое княжение Владимирское, сыгравших важную роль в ходе московско-литовской войны 1368–1372 гг. В советской историографии раскрыты также цели политического сотрудничества Литвы, Твери и мамоевой Орды на рубеже 60–70-х гг. XIV в.⁴⁵⁵ Они, как показали события московско-литовской войны, заключались в том, чтобы нанести военное поражение Московскому великому княжеству. Его возвышение стало главным препятствием на пути разворачивания экспансии литовских феодалов в Северо-Восточной Руси и одновременно ставило под угрозу их господство над восточнославянскими землями Великого княжества Литовского. Оно также неминуемо вело к свержению золотоордынского владычества над Русью. Вместе с тем остались невыясненными вопросы, относящиеся к компромиссной основе литовско-ордынского соглашения и роли, которую сыграли в его достижении земли Юго-Западной Руси.

Изъятие большей части земель Юго-Западной Руси из-под ордынской власти и присоединение их к Великому княжеству Литовскому в результате битвы у Синих Вод должны были привести к прекращению выплаты ханской дани. Данное обстоятельство зафиксировали белорусско-литовские летописи, в частности относительно Подольской земли, которую обосновавшиеся там литовские князья Кориатовичи "почали боронити... от татарь и боскакам выхода не почали давати".⁴⁵⁶ Однако из документальных свидетельств несколько более позднего времени следует, что население Подольской земли продолжало выплачивать ордынскую дань. Так, в уже упоминавшейся жалованной грамоте 1375 г. Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю указывалось, что владения монастыря не

⁴⁵³ *Рогожский* летописец. – Стб. 75–76; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 150.

⁴⁵⁴ *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 151–152.

⁴⁵⁵ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 556–587; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 58–64; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – С. 72–95; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // *Там же*. – С. 148–153; и др.

⁴⁵⁶ *Слуцкая* летопись // ПСРЛ. – М., 1980, – Т. 35. – С. 74.

освобождались от уплаты дани в Орду: "Што жь коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имеют тако же тии люди дати".⁴⁵⁷ Почти теми же словами оговаривается условие сбора ордынской дани с частновладельческих крестьян и в жалованной грамоте подольского князя Федора Кориатовича, данной в 1392 г. слуге Бедрышке на четыре села в Червоноградском округе.⁴⁵⁸ Подолье было не единственным владением Литвы, пребывавшим во второй половине XIV в. в зависимости от Орды. Тамга – символ верховной власти хана – значится на монетах первого выпуска Владимира Ольгердовича,⁴⁵⁹ что также косвенно указывает на зависимость Киевского княжества от Орды в самом конце 70-х – начале 80-х гг. XIV в. Таким образом, оказывается, что освобождение из-под непосредственной власти ордынцев большей части Киевской, Чернигово- /106/ Северской и Подольской земель в результате битвы у Синих Вод было непродолжительным и уже в начале 70-х гг. XIV в., по свидетельству источников, их населению снова пришлось выплачивать дань.

Развитие литовско-ордынских отношений с начала 60-х гг. XIV в. преимущественно в форме кондоминиума дает основание рассматривать восстановление даннической зависимости большинства земель Юго-Западной Руси от Орды как прямое следствие достигнутого в середине этого десятилетия особого политического соглашения между правителями Литвы и западноволжской Орды. О существовании подобного соглашения между Ольгердом и Мамаем имеется указание в ярлыке Тохтамыша к Владиславу-Ягайлу от 1393 г., где, в частности, сказано: "Как отець нашъ, как отци ваши были заодно, послы сылали межи собою, а мы такоже хочем с вами быти".⁴⁶⁰ В ярлыке изложено также главное условие, с учетом которого должны были строиться союзнические отношения между правителем Польши и Литвы и золотоордынским ханом. Оно заключено в следующем требовании Тохтамыша: "што межи твоее земле суть кня[же]ния, волости давали выход Белой орде, то нам наше дайте".⁴⁶¹ Очевидно, что в данном случае ярлык Тохтамыша лишь следовал практике литовско-ордынских отношений, базировавшейся на осуществлении кондоминиума над землями Юго-Западной Руси, и повторил требование Мамаея, предъявленное им в свое время Ольгерду. Удовлетворение этого требования послужило основой для оформления направленного против Москвы военно-политического союза правителей западноволжской орды и Литвы.

Восстановление даннической зависимости Киевского, Подольского и, возможно, Волынского княжеств, а также Чернигово-Северщины от Орды не могло не вызвать сопротивления народных масс этого региона, поскольку затрагивало их жизненные интересы. Глубокое недовольство как внутренней, так и внешней политикой литовской великокняжеской власти охватило и феодальные слои местного населения. В этой обстановке, как показали дальнейшие события, преобладающее значение приобретают

⁴⁵⁷ *Грамоти* XIV ст. – № 24. – С. 50.

⁴⁵⁸ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. – С. 225–226. – Прим. 2.

⁴⁵⁹ *Котляр Н. Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича. – С. 60–62. Время начала чеканки монет киевского князя Владимира Ольгердовича и поныне нельзя считать окончательно установленным. По мнению Н. Ф. Котляра, его следует приурочить к 60-м гг. XIV в. См.: *Котляр Н. Ф.* Русско-литовские монеты XIV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* – Л., 1970. – Т. 3. – С. 180, 188–190. А. Н. Соболева также принимает эти годы в качестве верхней хронологической грани выпуска монет Владимира Ольгердовича, отмечая, что одновременно с ними была налажена чеканка первых монет Ольгерда и Кейстута. См.: *Соболева А. Н. К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича* // *НЭ.* – Т. 8. – М., 1970. – с. 85.

⁴⁶⁰ *Грамоти* XIV ст. – № 58. – С. 113.

⁴⁶¹ *Грамоти* XIV ст. – № 58. – С. 113.

политические устремления, основывавшиеся на общерусской программе объединения восточнославянских земель и отражения натиска враждебных им внешних сил, а центром притяжения этих устремлений становится Москва. Оппозиция господству литовской феодальной знати в восточнославянских землях Великого княжества Литовского сложилась уже к началу 70-х гг. XIV в. Она оказала большое влияние на внутривосточное развитие возглавляемого литовскими феодалами государственного объединения и на существенные изменения в политическом положении стран Восточной Европы в последние десятилетия XIV в. /107/

Действенность оппозиции достаточно ярко проявилась уже в годы литовско-московской войны 1368–1372 гг. и последовавшей затем заключительной фазе соперничества Москвы с Тверью, в значительной мере, предопределив его исход. Так, в научной литературе обращалось внимание на то, что еще в ходе этой войны вокруг Москвы начала складываться антилитовская и антиордынская союзно-вассальная коалиция княжеств, расположенных в бассейне верхней Оки, на стыке владений Литвы и Московского великого княжества.⁴⁶² В ее состав вошли, как это видно из перемирной грамоты лета 1372 г., княжества Рязанское вместе с Пронским и Новосильское. В числе князей, находившихся в то время "в любви и докончаньи" с Дмитрием Московским в грамоте назван также "князь великий Роман".⁴⁶³ Его Б. Н. Флоря, вслед за Р. В. Зотовым, отождествляет с великим черниговским князем Романом Михайловичем, подчеркивая, что "открытое присоединение главы черниговского княжеского рода к Дмитрию Московскому было немалым успехом политики московской великокняжеской власти на Черниговщине."⁴⁶⁴ Правда, при этом остается неясным продолжал ли Роман Михайлович владеть Черниговом в начале 70-х гг. XIV в. или же, возможно, был вынужден литовскими властями покинуть свое княжество. Между тем правильность сделанного Б. Н. Флорей вывода подтверждается тем фактом, что в 1371 г. Ольгерд не включил Чернигово-Северщину в перечень русских земель, зависимых в той или иной степени от его власти и поэтому подлежащих юрисдикции особой митрополии, создания которой он требовал от константинопольского патриархата.⁴⁶⁵ В ходе литовско-московской войны определилась и позиция патриархата, сурово осудившего и отлучившего от церкви в июне 1370 г. великого смоленского князя Святослава и некоторых других не названных поименно князей за их отступничество от Москвы и переход на сторону Литвы.⁴⁶⁶ Преобладание военно-политического потенциала коалиции княжеств во главе с Москвой заставило Ольгерда пойти на перемирие в 1370 г., а в 1372 г., после поражения сторожевого полка его войск под Любутском, отказаться от продолжения военных действий и заключить мир с московским великим князем Дмитрием Ивановичем.

Установившиеся мирные отношения с Литвой позволили правящим верхам Московского великого княжества приступить к объединению антиордынских сил и активизации борьбы против мамоевой Орды, достигшей к началу 70-х гг. XIV в. определенной внутривосточной стабилизации и потому представлявшей наибольшую

⁴⁶² Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 80, 91; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 152–153.

⁴⁶³ ДДГ. – № 6. – С. 22.

⁴⁶⁴ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. – С. 72.

⁴⁶⁵ Памятники древнерусского канонического права. – Прил. – № 24. – Стб. 140.

⁴⁶⁶ Памятники древнерусского канонического права. – Прил. – № 20. – Стб. 118–120; № 21. – Стб. 122–124.

опасность для Руси. Еще в 1370 г. Мамай установил контроль над княжествами Северо-Восточной Руси, выдав ярлык на великое княжение Владимирское тверскому князю Михаилу /108/ Александровичу, а в 1371 г. – московскому великому князю Дмитрию Ивановичу.⁴⁶⁷ Таким образом, выступая в роли единственного главы Золотой Орды, Мамай с помощью дипломатических средств добился признания своих верховных прав не только на Юго-Западную, но и Северо-Восточную Русь. Однако установившееся в Северо-Восточной Руси двоевластие, когда каждый из соперников был заинтересован в поддержке Мамая, не могло быть прочным. Нападением летом 1373 г. на союзное Москве Рязанское княжество правитель западновожжской Орды продемонстрировал, что он сделал выбор и готов применить военную силу для восстановления в былом объеме пошатнувшееся за годы феодальной анархии в Золотой Орде ее господство над Русью. Объединение сил и организация совместного отпора мамаевой Орде приобрели безотлагательное значение.

Переломным в этом отношении стал 1374 г. Как убедительно показал Г. М. Прохоров, важную посредническую роль в консолидации антиордынских сил на Руси сыграл константинопольский патриархат, и в частности патриарший посланник Киприан, будущий митрополит "всея Руси".⁴⁶⁸ В карьере Киприана отразились во всей своей сложности и противоречиях многие процессы церковно-политической жизни Восточной Европы в период с начала 70-х гг. XIV в. до самой его смерти (1406). Он стал первым митрополитом без санкции ханской власти, выступал против освящения иноземного ига церковью. Как глава церкви на Руси, настойчиво стремившийся к сохранению целостности ее организации под своей властью и активизации антиордынской борьбы в общерусской масштабе, он пользовался поддержкой высших слоев духовенства и значительной части светских феодалов и оказал весьма заметное влияние на ход важнейших политических событий, на развитие литературы и публицистики того времени.

Причины особой заинтересованности Константинополя в достижении политического единства на Руси, оказываемой им поддержки Москве, а не Литве, раскрыты в научной литературе.⁴⁶⁹ Они объясняются стремлением Константинополя сохранить контроль над всей церковной организацией на Руси для того, чтобы после свержения ордынского ига можно было наиболее полно использовать ее военно-экономический потенциал против османской агрессии на Балканах, угрожавшей самому существованию Византийской империи. Патриархат учитывал также то обстоятельство, что языческая Литва оказалась надолго связанной борьбой против рыцарских орденов и в соперничестве с Московским великим княжеством была склонна идти на компромисс с мусульманской Ордой.

Именно поэтому, когда в 1371 г. Ольгерд снова обратился к /109/ константинопольскому патриарху Филофею с требованием основать в Киеве параллельную с московской и независимую от нее митрополию, последний не только ему отказал, но еще и послал грамоты митрополиту Алексею, тверскому князю Михаилу и Ольгерду, убеждая их прекратить ссоры и помириться.⁴⁷⁰ Более того, Филофей направил на Русь в качестве своего доверенного лица и политического единомышленника иеромонаха Киприана, происходившего из известного болгарского рода Цамблаков, с миссией, которая заключалась

⁴⁶⁷ *Рогожский летописец*. – Стб. 92–93, 96, 98. /170/

⁴⁶⁸ /170/ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. – Л., 1978. – С. 16–30.

⁴⁶⁹ См., например: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. – С. 294–298, 307–313; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 106–110; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 16–17, 23.

⁴⁷⁰ *Памятники древнерусского канонического права*. – Прил. № 28. – Стб. 155–160; № 29. – Стб. 161–166.

в том, чтобы облегчить достижение единства между митрополитом и правителями княжеств Северо-Восточной Руси, с одной стороны, а с другой – князьями подвластных Литве восточнославянских земель ("примирил князей между собою и с митрополитом").⁴⁷¹

В конце 1372 г. Киприан прибыл в Великое княжество Литовское, где сблизился "с литовским князем и со всеми его "[советниками]" – членами великокняжеского совета ("рады"), которыми являлись правители крупнейших удельных княжеств восточнославянских земель. С ними Киприан вступил в "тесный союз", а затем отбыл в Тверь.⁴⁷² Его приезд совпал по времени с ослаблением политических позиций Тверского княжества, лишившегося поддержки со стороны Литвы и мамоевой Орды, втянутой в междоусобную борьбу золотоордынской знати, с новой силой разгоревшейся в 1373 г. Поэтому тверской князь заключил мир с Дмитрием Московским, оформленный 16 января 1374 г.⁴⁷³ Вслед за этим московский великий князь укрепил союзнические отношения с Нижегородским княжеством,⁴⁷⁴ а несколько ранее – с Новгородом Великим.⁴⁷⁵

Таким образом, в начале 1374 г. на Руси сложились благоприятные политические условия для объединения антиордынских сил и их открытого выступления. В том же году Дмитрий Московский прекратил выплату ордынской дани. "А князю великому Дмитрию Московскому бышеть розмирие с Тотары и с Мамаем", – отметил в связи с этим летописец.⁴⁷⁶ Причиной "розмирия", как не без оснований предполагает В. Л. Егоров, могли стать требования Мамаю выплатить дань в увеличенном размере или же прислать в его распоряжение русское войско, столь необходимое ему в борьбе за верховную власть в Орде, и отказ великого московского князя выполнить эти требования.⁴⁷⁷ Ордынский правитель направил в Нижний Новгород своего посла Сарайку в сопровождении крупного военного отряда, но это посольство было разгромлено нижегородцами, а сам Сарайка с ближайшим окружением был пленен.⁴⁷⁸ Попытка Мамаю оторвать Нижегородское княжество от союза с Москвой не удалась, однако стало ясным, что за ней последуют другие, и военное столкновение княжеств Северо-Восточной Руси с Ордой неминуемо. /110/

В связи с этим московское правительство предпринимает дипломатические шаги, направленные на укрепление союзнических связей и разработку программы совместной борьбы против мамоевой Орды. Важное место среди них занимает состоявшийся в ноябре 1374 г. общекняжеский съезд в Переяславле-Залесском, о котором Троицкая и Рогожская летописи сообщают так: "Бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика во граде Переяславле".⁴⁷⁹ Поводом для созыва съезда, как

⁴⁷¹ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 30. – Стб. 170; № 33 – Стб. 200.

⁴⁷² *Памятники древнерусского канонического права.* – № 30. – Стб. 170; *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... – С. 25, 27.

⁴⁷³ См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 95.

⁴⁷⁴ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 95–96.

⁴⁷⁵ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 93–94.

⁴⁷⁶ *Рогожский летописец.* – С. 106.

⁴⁷⁷ *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 204–205.

⁴⁷⁸ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 96.

⁴⁷⁹ *Рогожский летописец.* – Стб. 108.

отметил летописец, послужило рождение 26 ноября 1374 г. второго сына московского князя, Юрия, но истинная его причина оказалась скрытой. Мало сведений сообщается и о его представительстве. Известно только, что в Переяславле в то время, кроме прочих, находился Дмитрий Нижегородский "с своею братиею и со княгинею и с дѣтми, и с бояре, и с слугами", а также митрополит Алексей и игумен Сергей Радонежский.⁴⁸⁰ Отсутствовал на съезде тверской князь, к тому времени вновь ставший недругом Москвы.⁴⁸¹ Летописи не содержат никаких известий о месте пребывания Киприана в то время. Возможно, его тогда уже не было на Руси. Примечательно, однако, что крестил новорожденного Сергей Радонежский, как показали дальнейшие события, единомышленник и верный приверженец Киприана, тесно связанный с Константинополем. Летописи отмечают его влияние при великокняжеском дворе и разных кругах духовных и светских феодалов, начиная именно с 1373–1374 гг.

В советской историографии давно признано, что общекняжеский съезд в Переяславле-Залесском знаменовал важную политическую веху в истории Северо-Восточной Руси.⁴⁸² Думается, однако, что значение этого съезда было гораздо большим, и он оказал существенное влияние на консолидацию антиордынских сил большинства княжеств Руси, в том числе и находившихся в зависимости от Литвы. Отражая ход последующих событий, источники указывают на причастность определенных феодальных кругов восточнославянских земель Великого княжества Литовского к объединительной и антиордынской политике Москвы, характеризуя одновременно их как противников попыток литовских великих князей укрепить власть над этими землями с помощью государственных уз. Примечательно, что поворот в политике большинства деятелей, возглавляющих эти круги, произошел именно в середине 70-х гг. XIV в., что позволяет связать его с программой антиордынских действий, принятой съездом в Переяславле, и приблизительно очертить круг ее приверженцев. К нему, видимо, принадлежал киевский князь Владимир Ольгердович, стремившийся, как и другие правители княжеств Юго-Западной Руси, к полной ликвидации зависимости своих владений от Орды и, кроме того, в качестве владельца Киева, второго религиозного центра Руси, представлявший особый интерес для Киприана в связи с его миссией.

Непосредственное отношение к съезду в Переяславле имел, вероятно, и чернигово-северский князь Дмитрий Ольгердович, еще в 1372 г. выступавший с титулом князя брянского, но лишившийся его к 1375 г., когда летописи называют князем брянским Романа Михайловича, сторонника Москвы.⁴⁸³ Зафиксированная перемена в титуле, очевидно, отражала изменения во владельческих правах на Брянск обоих князей, которые могли произойти, как представляется, с ведома Дмитрия Ольгердовича на общекняжеском съезде в Переяславле. События, развернувшиеся зимой 1378/79 г., частично подтверждают такое предположение, свидетельствуя, что к тому времени Дмитрий Ольгердович Брянском уже не владел.⁴⁸⁴ Возможно также, что интересы Кориатовичей в какой-то мере представлял на съезде их брат Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, служивший уже тогда воеводой у московского великого князя.

⁴⁸⁰ *Рогожский* летописец. – Стб. 106, 108.

⁴⁸¹ Об этом см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 97–98.

⁴⁸² См., например: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 63; *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... – С. 30; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 97.

⁴⁸³ *Рогожский* летописец. – Стб. 106, 138.

⁴⁸⁴ См.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 165.

На причастность полоцкого князя Андрея Ольгердовича к съезду в Переяславле и принятой им программе указывает опала, которой он подвергся со стороны великого князя литовского Ольгерда незадолго до кончины последнего (1377). Так, передавая в 1387 г. Полоцк Скиргайлу, Владислав-Ягайло ссылается на то, что этот город "...еще отец ему (т. е. Скиргайлу. – *Авт.*) оуделил".⁴⁸⁵ Намерение ото- брать Полоцк у Андрея Ольгердовича и передать его Скиргайлу могло возникнуть у Ольгерда, вероятнее всего, после 1372 г., ибо еще весной того года Андрей Ольгердович выступает как активный проводник антимосковской политики своего отца, участвуя вместе с Кейстутом, Витовтом Кейстutowичем и Дмитрием Друцким в походе войск Михаила Тверского на владения московского великого князя. 7 апреля 1372 г. отряды литовских князей подошли к Переяславлю-Залесскому, сожгли его посад и разорили окрестные села,⁴⁸⁶ после чего соединились с тверской ратью и совместными усилиями заставили кашинского князя Василия Михайловича, сторонника Москвы, признать себя вассалом Михаила Тверского.⁴⁸⁷ Примечательно, однако, что, по свидетельству тверских летописных источников, Андрей Полоцкий и Дмитрий Друцкий на обратном пути "мимо Тверь идучи, много пакости учиниша" во владениях своего союзника.⁴⁸⁸ Возможно, политические позиции Андрея Полоцкого в московско-тверском конфликте определились еще ранее, в 1368 г., когда он, до похода войск Ольгерда на Москву, совершил нападение на две волости – Хорвач и Родню, отчинные владения Михаила Тверского.⁴⁸⁹ /112/

К съезду в Переяславле оказались причастными правители зависимых от власти Ольгерда Смоленского и верховских княжеств – Новосильского, Тарусского и Оболенского, военные отряды которых в следующем году приняли участие в походе союзных Москве войск на Тверь. В их числе летописи называют и рать брянского князя Романа Михайловича.⁴⁹⁰

Таким образом, состоявшийся в конце ноября 1374 г. в Переяславле-Залесском съезд феодальной знати явился важной вехой на пути политического объединения княжеств Руси вокруг Москвы и активизации их борьбы за свержение ордынского ига и одновременно положил начало более тесному сотрудничеству феодалов восточнославянских, в том числе подвластных Литве, земель во имя достижения их общих внешнеполитических целей. В этом смысле съезд стал реальным воплощением давних стремлений населения этих земель к единству и совместному выступлению против Орды, а также отпору экспансии литовских феодалов.

По-видимому, в прямой связи с принятой в Переяславле программой антиордынских действий следует рассматривать упомянутый в ряде летописей под 1374 г. военный поход в пределы владений мамоевой Орды. Под этим годом Рогожский летописец, например, сообщает: "Того же лѣта въсенинѣ ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышет[ь] межи их бои".⁴⁹¹ Б. Н. Флоря сопоставил это сообщение со следующей записью в "Летописце

⁴⁸⁵ *Грамоти* XIV ст. – № 40. – С. 76.

⁴⁸⁶ *Рогожский* летописец. – Стб. 99.

⁴⁸⁷ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 87.

⁴⁸⁸ *Рогожский* летописец. – Стб. 100; *Летописный* сборник, именуемый Тверской летописью. – С. 431.

⁴⁸⁹ Принадлежность этих волостей к Тверскому княжеству установил В. А. Кучкин, См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. – С. 148.

⁴⁹⁰ *Рогожский* летописец. – Стб. 111.

⁴⁹¹ *Рогожский* летописец. – Стб. 106, а также: *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 21; *Тати-*

великих князей литовских" о подольском князе Юрии Кориатовиче: "а князя Юрья Волохове (т. е. бояре Молдавского княжества. – *Авт.*) взяли его собе воеводою и тамо его окормили (отравили. – *Авт.*)".⁴⁹² Его подход к освещению событий 1374 г. в Юго-Западной Руси позволяет установить существовавшую между ними причинно-следственную связь и определить их место в политической жизни стран Восточной Европы в середине 70-х гг. XIV в. Летописной записи о Юрии Кориатовиче соответствует выданная им 3 июня 1374 г. в Берладе в качестве "литовского князя" и "воеводы, господаря земли Молдавской" грамота, относительно подлинности которой, правда, высказывались определенные и до конца все еще неразвешенные сомнения. Этой грамотой Юрий Кориатович за "хрблии подвизи ис татары у села зовомое Влдици на Днестр" жаловал наместника в Белгороде Якшу Литавора селом Зубровцы.⁴⁹³ Следовательно, и в ней деятельность этого Кориатовича в Нижнем Поднестровье связывается с активизацией борьбы против ордынцев. Возможно, что именно упомянутое в грамоте сражение повлекло за собой поход войск других княжеств Юго-Западной Руси "на Темеря" осенью того же года. О направлении похода и его результатах летописи, однако, ничего не сообщают. Можно предположить, что подобно походу войск Ольгерда /113/ в 1362 г. он имел своей целью разгром какой-то из западных орд во главе с князем Темерем (Темирязем). Под 1408 г. Никоновский свод отмечает среди немногих ордынских князей, сопровождавших Едигея в его походе на Москву, "Обрягима Темирязева сына".⁴⁹⁴ Если это совпадение имен не случайность, то в "Темере" следует видеть представителя высших слоев золотоордынской знати, пытавшихся сдержать наступление княжества Юго-Западной Руси на подвластную ей территорию в западной части Северного Причерноморья.

Правители Орды и Великого княжества Литовского приложили свои усилия, чтобы расколоть и ослабить коалицию княжеств во главе с Москвой. Так, Ольгерду удалось предотвратить наметившийся распад своего государства и на какое-то время нейтрализовать в подвластных ему восточнославянских землях союзников московского великого князя. Под угрозой лишения своих владений оказался полоцкий князь Андрей Ольгердович, что, по-видимому, заставило его отказаться от активной политической деятельности на востоке до самой кончины Ольгерда. Большого дипломатического успеха добился правитель Литвы в сфере церковно-политических отношений: 2 декабря 1375 г. Киприан был поставлен в киевские митрополиты, но с правом принять на себя полномочия митрополита "всея Руси" после смерти Алексея. Поставление Киприана свершилось по настоянию Ольгерда и подвластных ему князей как вынужденная мера со стороны патриарха и с целью предотвратить окончательный раскол митрополии на Руси.⁴⁹⁵ Оказалась нарушенной и политическая связь Подольского и Молдавского княжеств: в конце 1374 г. – начале 1375 г. был отравлен Юрий Кориатович. В свою очередь, Мамай прибегнул к испытанному средству ордынской дипломатии, предоставив ярлык на Владимирское великое княжение Михаилу Тверскому, который еще в марте 1375 г. отправил своих послов в Орду, а сам "поехал в

щев В. Н. История Российская. – М.; Л., 1965. – Т. 5. – С. 127.

⁴⁹² *Супрасльская летопись*. – С. 66; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 153.

⁴⁹³ *Documentele Moldovenești înainte de tefan cel Mare* // Publ. M. Costăchescu // Iași. – 1931. – Vol. 1, N 1. – S. 1. О возможном подлоге грамоты Юрия Кориатовича см.: *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – С. 106.

⁴⁹⁴ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 205.

⁴⁹⁵ *Рогожский летописец*. – Стб. 116; *Супрасльская летопись*. – С. 49; *Голубинский Е.* История русской церкви. – М., 1900. – Т. 2, кн. 1. – С. 214.

Литву", чтобы еще раз заручиться поддержкой Ольгерда.⁴⁹⁶

В обстановке натиска враждебных Москве сил в конце марта 1375 г. состоялся новый съезд феодальной знати коалиции уже в несколько ином составе, согласовавшей свои действия с изменившейся политической ситуацией.⁴⁹⁷ При этом главное внимание было уделено, надо полагать, подготовке похода против Твери, от которой исходила ближайшая и непосредственная опасность.

13 июля 1375 г. Михаил Тверской получил ярлык и в тот же день разорвал отношения с Московским княжеством, развернув против него военные действия.⁴⁹⁸ Но уже спустя полтора месяца Тверь была вынуждена капитулировать ввиду явного превосходства военно-политических сил коалиции княжеств во главе с /114/ Москвой. По этой же причине Ольгерд и Мамай, союзники тверского князя, не смогли оказать ему никакой действенной помощи.⁴⁹⁹ Москва одержала важную политическую победу, закрепившую ее ведущую роль в процессе объединения княжеств Руси. По заключенному 1 сентября 1375 г. договору Михаил Тверской признавал себя вассалом ("молодшим братом") великого князя московского, обязывался больше никогда не претендовать на Владимирское великое княжение, а также проводить единую с коалицией политику по отношению к Орде и Великому княжеству Литовскому.⁵⁰⁰ Правы исследователи, которые видят в этом документе генетическую связь его с программой совместных действий, принятой на общекняжеском съезде в 1374 г., особенно в части, относящейся к возможному пути развития русско-ордынских отношений, где, в частности, речь идет о прекращении выплаты ордынской дани и нанесении совместного упреждающего удара по Орде.⁵⁰¹

К середине 1377 г. Мамаю удалось объединить почти все ордынские улусы, находившиеся к западу от Волги, и перейти в наступление на Русь.⁵⁰² Уже летом 1377 г. его войско совершило набег на Нижегородско-Суздальское княжество.⁵⁰³ В следующем году Мамай послал в набег более крупные силы во главе с ордынским князем Бегичем, но уже против московского князя. Войско Бегича встретили русские полки за Окой, на территории Рязанского княжества. 11 августа 1378 г. в битве у р. Вожи ордынцы были наголову разбиты

⁴⁹⁶ *Рогожский летописец*. – Стб. 109–110.

⁴⁹⁷ Об этом см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 98–99.

⁴⁹⁸ *Рогожский летописец*. – Стб. 110.

⁴⁹⁹ В ответ на осаду и капитуляцию Твери осенью 1375 г. войска Мамаея разграбили и пожгли юго-восточные (запьянские) волости Нижегородского княжества, а затем захватили Новосиль – владение союзника Москвы Романа Новосильского. Ряд укрепленных населенных пунктов Смоленского княжества тогда же стали добычей Ольгерда. – См.: *Рогожский летописец*. – Стб. 109, 112–113; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 103.

⁵⁰⁰ *ДДГ*. – № 9. – С. 26–27.

⁵⁰¹ См., например: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 88–89; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 102–103. /171/

⁵⁰² /171/ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. – С. 133; *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. – С. 194–204.

⁵⁰³ *Рогожский летописец*. – Стб. 114–120; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 105–106.

в результате совместных действий московских и рязанских войск.⁵⁰⁴ На поражение Бегича Мамай ответил внезапным набегом осенью 1378 г. на Рязанщину, захватил и сжег столицу княжества – Переяславль-Рязанский, разорил округу и без возмездия ушел в степь.⁵⁰⁵

Вскоре после битвы у р. Вожи Мамай начал подготовку к новому большому походу на Русь, который должен был предотвратить крушение всей системы господства Орды в Восточной Европе. Он рассчитывал восстановить ордынскую власть в полном объеме и над землями Юго-Западной Руси. Так, накануне похода Мамай "начал испытывать от старых Эллин, како Батый пленил Киев и Владимир, и всю русскую землю".⁵⁰⁶ Готовясь к решающей схватке, правитель западноволжской Орды оформил направленный против Москвы союз с Ягайлом Ольгердовичем, ставшим в 1377 г. великим князем литовским.⁵⁰⁷ В результате совместных военных и дипломатических усилий Мамаю и Ягайлу на протяжении 1379 – первой половины 1380 г. удалось несколько ослабить антиордынскую коалицию, оторвав от нее пограничные с Ордой Нижегородское и Рязанское княжества. ⁵⁰⁸ Нижегородский князь не осмелился послать отряды против Мамаю, а Олег /115/ Рязанский в надежде спасти свою землю от нового погрома занял выжидательную позицию (некоторые летописи даже обвиняют его в измене).

В то же время Ягайло предпринял попытку разгромить политических приверженцев Москвы в Великом княжестве Литовском. Так, против Андрея Ольгердовича Полоцкого он послал войска, и в конце 1377 г. Андрей Ольгердович вынужден был покинуть свои владения и бежать в Псков, несмотря на то, что полочане оказали ему поддержку и отказались, принять посланного из Вильно к ним князем Скиргайла. Псковичи признали Андрея Ольгердовича своим князем, но только с санкции московского великого князя. ⁵⁰⁹ Дальнейшим действиям Ягайла в этом направлении воспрепятствовали внешнеполитические акции Московского великого княжества.

Зимой 1379/80 г. московские войска совершили глубокий рейд по территории Великого княжества Литовского, о чем имеется следующая летописная запись: "Тое же зимы князь великий Дмитрий Иванович, собрав воя многы и посла с ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Ольгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Волыньского и иныя воеводы и велможи и бояре многы... отпусти их ратию на Литовьския города и волости воевати. Они же шедьшеся взяша город Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои, русстии

⁵⁰⁴ *Рогожский* летописец. – Стб. 134–135.

⁵⁰⁵ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 110.

⁵⁰⁶ *Шамбинаго С. К.* Сказание о Мамаевом побоище. – Спб., 1907. – С. 4.

⁵⁰⁷ *Рогожский* летописец. – Стб. 139.

⁵⁰⁸ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 104. Зимой 1379/80 г. в Великий Новгород прибыл двоюродный брат Ягайла Юрий Наримантович, которого горожане приняли в качестве своего "служилого князя". Приезд Юрия Наримантовича означал попытку сближения Новгорода с Литвой. Но уже в марте 1380 г. большое новгородское посольство во главе с архиепископом Алексеем восстановило прежние союзные отношения Великого Новгорода с Москвой. Однако в вопросе об участии ратников из Новгорода в битве на Куликовом поле мнения исследователей разделились. Об этом см.: *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. – С. 40; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 49.

⁵⁰⁹ *Псковские* летописи. – М.; Л., 1941. – Вып. 1. – С. 24; М., 1955. – Вып. 2. – С. 105–106; *Wigand von Marburg.* Cronica nova Prutenica. – S. 607; *НПЛ.* – С. 375; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 158–159; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 107.

полци, цели быша, приидоша в дома своя со многими гостями". Летописец особо подчеркнул то обстоятельство, что "князь Трубческый Дмитрий Олгердович[ь] не стал на бои, ни поднял руки противу князя великаго и не бияся, но выиде из града с княгинею своею и з дѣтми и с бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитрею Иванович[ю], бив челом и рядися у него".⁵¹⁰ Таким образом, вслед за бежавшим во Псков Андреем Полоцким ⁵¹¹ отношения с московским великим князем специальным договором-рядом оформил и чернигово-северский князь. В основу этих заключенных в Москве договоров, следует полагать, был положен типичный для эпохи средневековья принцип вассально-союзнических отношений, с неперменным признанием одной из сторон верховной власти более могущественного союзника. Следовательно, договор 1380 г. между Дмитрием Московским и Дмитрием Ольгердовичем необходимо рассматривать как выход Чернигово-Северского княжества из состава Великого княжества Литовского и присоединение его к возглавляемой Москвой союзно-вассальной коалиции княжеств Руси.

В советской историографии уже обращалось внимание на внешнеполитическую деятельность московского правительства накануне Куликовской битвы, и в частности на литовско-москов- /116/ ские отношения в этот период. Последние во многих аспектах рассмотрены И. Б. Грековым, отметившим крайнюю неустойчивость политической ситуации в Восточной Европе вследствие "непрекращающейся перегруппировки сил, когда ни одна из соперничающих сторон не обладала очевидным превосходством".⁵¹² Он же высказал мысль о том, что, учитывая проявившуюся в то время тенденцию к отделению от Москвы Рязани, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода, московское правительство тем энергичнее добивалось расширения круга союзников путем привлечения "под свои знамена князей из Залесской Руси, а также Руси Юго-Западной – Руси Литовской", указав еще одно направление дипломатической деятельности Москвы – установление "скрытых пока контактов с определенными кругами западнорусских феодалов, а возможно, даже с самим митрополитом Киприаном и князем Кейстутом" с целью сковывания антимосковской и проордынской инициативы тогдашнего главы Великого княжества Литовского Ягайла.⁵¹³ Результаты этой деятельности явились важными обстоятельствами, сыгравшими положительную роль в исходе битвы на Куликовом поле. Взгляды, близкие к такой оценке политических факторов, содействовавших разгрому мамоевой Орды, в свое время высказывали М. Н. Тихомиров⁵¹⁴ и Л. В. Черепнин.⁵¹⁵ Эта концепция нашла отражение и в ряде исследований, посвященных 600-летию Куликовской битвы.⁵¹⁶ Среди них следует

⁵¹⁰ *Рогожский летописец*. – Стб. 138.

⁵¹¹ *НПЛ*. – С. 375; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 158–160, 162.

⁵¹² *Греков И. Б.* Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. – С. 134.

⁵¹³ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 92, 104.

⁵¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. // *Повести о Куликовской битве*. – М., 1959. – С. 353, 355.

⁵¹⁵ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 607, 608, 613.

⁵¹⁶ См., например: *Пауто В. Т.* Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. – С. 41–43; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. – С. 46, 50; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. – С. 111; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 162–167; *Заремба С. З.* Куликовська битва та її історичне значення. – К., 1980. – С. 56–60. Историографический обзор литературы, посвященной Куликовской битве, в том числе вышедшей в свет в связи с ее 600-летием см.: *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // *Куликовская битва в истории и культуре*

выделить работы академика Б. А. Рыбакова⁵¹⁷ и Р. Г. Скрынникова,⁵¹⁸ в которых особо подчеркивается опасность, таившаяся для коалиции княжеств во главе с Москвой в дипломатической договоренности между Мамаем и Ягайлом, резко ухудшившей внешнеполитическое положение Северо-Восточной Руси и оказавшей парализующее влияние на ее освободительную борьбу.

Таким образом, расширение политического сотрудничества с подвластными Литве княжествами Руси являлось на исходе 70-х гг. XIV в. важнейшей внешнеполитической задачей правительства Дмитрия Московского. Решая ее, оно уделяло значительное внимание тем княжествам Юго-Западной Руси, которые непосредственно граничили с предполагаемым районом боевых действий. Таким стратегически важным районом была территория юго-восточных окраин Великого княжества Литовского, которая могла послужить местом встречи войск Мамаея и Ягайла и операционной базой для их совместного похода на Москву.⁵¹⁹ Отсюда становится понятным то особое значение, какое приобретала накануне решающей схватки с Ордой политическая ориентация княжеств данного региона, и, в первую очередь, Чернигово-Северского и Киевского. Но если политические позиции правящих верхов первого из них достаточно выяснены по летописным свидетельствам, то об ориентации киевского боярства и князя Владимира Ольгердовича, в сущности, ничего неизвестно.

События, связанные с походом московской рати зимой 1379/80 г., наиболее подробно рассмотрены И. Б. Грековым и Б. Н. Флорей. Оба исследователя признают неустойчивость внутрисполитических позиций великокняжеской власти Ягайла. При этом если И. Б. Греков допускает не только существование оппозиции литовской великокняжеской власти как в самой Литве, так и в подвластных ей землях Руси с самого начала правления Ягайла, но указывает также на наличие скрытых политических контактов определенной части оппозиции с Дмитрием Московским,⁵²⁰ то Б. Н. Флорей видит в ней "отзвук недовольства боярства "русских" земель направленностью внешней политики Великого княжества" и тяготение "местных феодалов к великорусскому центру".⁵²¹ И. Б. Греков совершенно верно, на наш взгляд, объясняет причину похода московских войск стремлением великого князя Дмитрия Ивановича предотвратить разгром "своих союзников на Северщине" Ягайлом.⁵²² Б. Н. Флорей, отмечая стремление Москвы поставить территорию юго-восточных окраин Великого княжества Литовского под свой контроль, указывает на позицию "находившегося в Трубчевске сына Ольгерда Дмитрия" как на фактор, способствовавший успешному решению этой задачи.⁵²³ Как видим, у обоих исследователей нет принципиального расхождения в оценке событий 1379/80 г. на Чернигово-Северщине. Они, однако, не ставят их в прямую

нашей Родины. – С. 15–42.

⁵¹⁷ Рыбаков Б. А. Куликовская битва (речь в Колонном зале Дома Союзов) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – С. 12.

⁵¹⁸ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения. – С. 48, 49.

⁵¹⁹ См., например; Флорей Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 163–164.

⁵²⁰ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 98–100, 128.

⁵²¹ Флорей Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 156, 159, 164.

⁵²² Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 100.

⁵²³ Флорей Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 164.

связь с процессами консолидации антиордынских сил и политического объединения Руси под эгидой Москвы, в частности с принятой в 1374 г. в Переяславле программой действий против Орды, хотя и близки именно к такому пониманию. Между тем имеются веские основания считать, что открытый переход обоих Ольгердовичей на сторону Москвы накануне Донского побоища явился результатом реализации общерусской политической программы, а круг ее приверженцев в Великом княжестве Литовском не ограничивался лишь полоцким и чернигово-северским удельными князьями.

У нас нет прямых свидетельств того, что подобно Дмитрию Ольгердовичу киевский князь в канун решающего противоборства с мамоевой Ордой придерживался промосковской ориентации. Можно, однако, указать на факты, косвенно подтверждающие данное предположение. К ним, в первую очередь, следует отнести сообщение Хроники Быховца о том, что "... князь Владимир бежал в Москву и тем пробегал отчину свою Киев".⁵²⁴ Эта летописная запись отражает официальное отношение литовского великокняжеского правительства к каким-то действиям киевского князя, послужившим основанием для отрицания наследственных /118/ прав за его внуками на Киевское княжество в середине XV в. В научной литературе эти действия обычно относят к 1393–1394 гг. и трактуют, как обращение Владимира Ольгердовича за помощью к Москве в связи с намерением литовского князя Витовта отобрать у него Киев и передать его Скиргайлу Ольгердовичу.⁵²⁵ Однако подобная интерпретация не соответствует ни характеру политических связей киевского князя с правителями Московского великого княжества в тот период, ни его политическому положению среди феодальной знати Великого княжества Литовского, ни, наконец, мере его провинности перед великокняжеской властью Литвы, которую, с точки зрения этой власти, летописец квалифицировал, в сущности, как измену государственным интересам. Все это заставляет датировать "бегство" киевского князя в Москву более ранним временем и поставить его в один ряд с подобными действиями Андрея Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича, князя чернигово-северского.

Политические позиции киевского князя на рубеже 70–80-х гг. XIV в. становятся понятными, если учесть его тесное сотрудничество в то время с митрополитом Киприаном и взаимоотношения последнего с правителем Московского великого княжества. О полном взаимопонимании между Киприаном и Владимиром Ольгердовичем свидетельствует уже упоминавшаяся деятельность Киприана в 1376–1378 гг. в качестве митрополита киевского и литовского на территории Киевского княжества по укреплению экономических основ митрополии, которая была бы невозможной без всемерной поддержки высшей светской власти в Киеве.

Гораздо труднее охарактеризовать сложные и нередко противоречивые отношения Киприана с Дмитрием Московским на исходе 70-х гг. Известно, что после кончины митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) Киприан предпринял несколько попыток реализовать свои права на митрополию "всея Руси". Однако Дмитрий Московский, сообразуясь с собственной политической программой и видя в Киприане, прежде всего, ставленника Ольгерда и князей Великого княжества Литовского, предпочел сотрудничеству с ним поставление в московские митрополиты своего кандидата, архимандрита Спасского монастыря Михаила (Митяя).⁵²⁶ Поэтому, когда в июне 1378 г. Киприан прибыл в Москву,

⁵²⁴ *Хроника* Быховца. – С. 103; см. также: *ПСРЛ*. – М., 1975. – Т. 32. – С. 162.

⁵²⁵ См., например: *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. – С. 30; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 204.

⁵²⁶ Подробнее об этом см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... – С. 40–101; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 113–127; *Meyendorff J.* Byzantium and /172/ the Rise of Russia: A study of Byzantine-Russian Relations in the Fourteenth Century. – Cambridge, 1981. – S. 206–221.

он был арестован и изгнан обратно в Киев, о чем сообщил своим московским единомышленникам Сергию Радонежскому и симоновскому игумену Федору в грамоте от 20 июня того же года.⁵²⁷ В ней Киприан, объясняя свои политические позиции, представлял себя в качестве доброжелателя московского великокняжеского дома и приверженца его политического курса на Руси, /119/ в подтверждение чему приводит ряд примеров, а также единства русской церкви. В конце послания Киприан упоминает о намерении ехать в Константинополь, чтобы искать защиту у патриархата и собора.⁵²⁸

Вслед за Киприаном в двадцатых числах июля 1379 г. из Москвы во главе большого посольства отбыл в Константинополь за патриаршим постановлением Михаил-Митяй; а за ним тайно, нарушив данное московскому великому князю слово, направился также в Константинополь его противник и обличитель суздальский епископ Дионисий. Уже возле стен Константинополя Михаила-Митяя внезапно постигла смерть. Сопровождавшие его церковные иерархи решили все же исполнить волю Дмитрия Московского и рекомендовали патриаршему собору вместо Михаила-Митяя поставить митрополитом "всех Руси" другого, избранного из их среды, кандидата – Пимена.⁵²⁹ Одновременно они обвинили Киприана в незаконном присвоении сана киевского митрополита. Со своей стороны, прибывший в Константинополь ранее московского посольства Киприан также настаивал на "предоставлении ему, вместе с Киевом, и Великой Руси".⁵³⁰ В июне 1380 г. собор постановил оставить Киприана "митрополитом только Малой Руси и Литвы", а Пимена – "рукоположить... в митрополита Великой Руси, наименовав его и киевским, по древнему обычаю этой митрополии".⁵³¹ Решение относительно Киприана собор мотивировал тем, что Киприан прежде времени возвратился в Киев, а следовательно, "не находится на лицо, дабы мог быть совершенно осужден, по канонам".⁵³² В соборном определении указана наиболее вероятная причина этого поступка: киевский митрополит, "по-видимому, не ожидая для себя никакой пользы, если в его присутствии будет разбираться вопрос: что должно сделать по просьбе послов из Великой Руси? – тайно убежал, ни с кем не простившись".⁵³³ Дионисий возвратился в свою епархию в сане архиепископа суздальского, нижегородского и городецкого.⁵³⁴ Созданная при участии Киприана в сентябре-октябре 1382 г. летописная Повесть о Митяе сообщает, что Дмитрий Иванович "князь же великий не всхоть Пимина приати" и тотчас же подверг его опале, заявив: "Нъсмь послал Пимина в митрополиты, но послал его, яко единого от служащих Митяю".⁵³⁵ Великокняжеская опала имела и другую, более существенную причину – к тому времени в Москве уже пребывал главный конкурент

⁵²⁷ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 20. – Стб. 173–186.

⁵²⁸ *Памятники древнерусского канонического права.* – № 20. – Стб. 186.

⁵²⁹ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 120–122.

⁵³⁰ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 30. – Стб. 176.

⁵³¹ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 30. – Стб. 180.

⁵³² *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 30. – Стб. 180.

⁵³³ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 30. – Стб. 176.

⁵³⁴ *Памятники древнерусского канонического права.* – Прил. – № 23. – Стб. 199–204; *Продолжение летописи по Воскресенскому списку.* – С. 48.

⁵³⁵ *Симеоновская летопись.* – С. 125.

Пимена – Киприан, приглашенный Дмитрием Московским в качестве митрополита "всей Руси".

В чем же причина переориентации московского великого князя и какую роль в этом сыграл Киприан и круги светской и духовной феодальной знати, стоявшие за ним? Отвечая на первый из /120/ поставленных вопросов, исследователи обычно определяли время приезда Киприана в Москву маем 1381 г. и рассматривали его как прямое следствие победы на Куликовом поле, что, на наш взгляд, верно лишь отчасти. Так, И. Б. Греков, совершенно справедливо указав на существование скрытых политических контактов между Киприаном и Дмитрием Московским еще в пред-куликовский период, тем не менее, сделал вывод, что только "после Куликовской битвы (великий московский князь. – *Авт.*) смог приступить к реализации общерусской программы, к установлению сотрудничества с митрополитом Киприаном".⁵³⁶ Появление Киприана в Москве в 1381 г. И. Б. Греков объясняет тем, что "после одержанной победы и превращения Москвы в главный центр консолидации русских земель Киприан с его планами создания общерусской митрополии стал естественным союзником Дмитрия Донского".⁵³⁷ Разделяя мнение известного ученого о том, что с победой на Куликовом поле были созданы условия для перехода к явным и официальным формам политического сотрудничества между Дмитрием Донским и Киприаном и теми политическими силами, которые они возглавляли, отметим, однако, что сама Куликовская битва явилась результатом реализации общерусской программы и достигнутого накануне ее военно-политического единства большей части "Русской земли".

Попытку отойти от историографической традиции сравнительно недавно предпринял Г. М. Прохоров. Он поставил под сомнение одну из летописных версий, согласно которой связанная с приглашением Киприана весть о смерти "нареченного" митрополита Михаила-Митяя достигла Москвы лишь спустя полтора года, как она свершилась, одновременно с приходом послов от воцарившегося в Орде хана Тохтамыша. "Итак, – резюмирует свои наблюдения Г. М. Прохоров, – осенью 1379 г. московский князь становится на тот путь, который приведет его к решению пригласить из Киева в Москву столь нежеланного до сих пор Киприана".⁵³⁸ Он же особо подчеркнул связь между отходом Дмитрия Московского от активного антиордынского курса в 1378–1379 гг. и его действиями, направленными на создание подчиненной великокняжеской власти церковной организации во главе с Михаилом-Митяем.⁵³⁹ Возвращение Дмитрия Московского к активной антиордынской политике исследователь также датирует осенью 1379 г. и причину этого видит в переориентации московского великого князя на церковные круги, которые находились под влиянием Сергия Радонежского и его племянника симоновского игумена Федора и являлись сторонниками Киприана и его курса на открытую конфронтацию с Ордой.⁵⁴⁰ Выводы и наблюдения Г. М. Прохорова, как и в целом его исследование Повести о Митяе, открывают новые более широкие возможности для углубленного изучения столь сложной и противоречивой эпохи в истории феодальной Руси, как Куликовская. Но они же подвергают сомнению ставшие уже общепризнанными даты некоторых важнейших

⁵³⁶ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – С. 64–65; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 133, 138–139.

⁵³⁷ Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. – С. 135.

⁵³⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 104.

⁵³⁹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 48–50, 84–85.

⁵⁴⁰ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 103, 104, 117.

событий и фактов, связанных с деятельностью Киприана, и требуют их уточнения. Г. М. Прохоров не сделал этого и поэтому, в конечном счете, должен был задать себе вопрос: если великий московский князь стал на сторону "монашеской партии" осенью 1379 г., а вести из Константинополя пришли в Москву раньше февраля 1381 г., то почему же он ждал этого времени, чтобы послать Киприану в Киев приглашение сотрудничать с ним? По мнению Г. Прохорова, только после того, как весть о гибели Мама, принесенная послами Тохтамыш, убедила Дмитрия Донского в том, что война выиграна, а "политическая линия монашеской партии не оказалась губительной и даже принесла добрые плоды", он "решается, наконец, сделать последний шаг на том пути, на который он встал осенью 1379 г., после отъезда Митяя, – решается послать за митрополитом Киприаном".⁵⁴¹ Такое объяснение причины задержки с приглашением Киприана в Москву не представляется убедительным. Тем не менее, выводы Г. М. Прохорова позволили Г. А. Федорову-Давыдову вполне резонно утверждать, что "перед Куликовской битвой Дмитрий (Московский. – *Авт.*) апеллирует к Киприану и его политике митрополии "всея Руси".⁵⁴²

Таким образом, осталось сделать всего один шаг, чтобы признать фактом политическое сотрудничество Киприана и поддерживавших его феодалов Великого княжества Литовского с правителем Московского великого княжества в канун Куликовской битвы. Но прежде, чем сделать этот шаг, необходимо все-таки установить: во-первых, действительно ли было возможно это сотрудничество осенью 1379 г., во-вторых, подтверждается ли оно историческими источниками. Важно также выяснить его ближайшие политические последствия, т. е. какое влияние оно оказало на разгром полчищ Мама в 1380 г.

Что касается возможности политического сотрудничества между определенными кругами феодалов Великого княжества Литовского и Московского великого княжества накануне Куликовской битвы, то в этом вопросе определяющими моментами являются обоюдная заинтересованность и наличие соответствующих политических предпосылок. Как уже отмечалось, у Киприана была особая заинтересованность в сотрудничестве с московским великим князем, но при условии признания за ним прав на митрополию "всея Руси". Вероятнее всего, что инициатива в установлении контактов между ними в 1379 г., как и годом ранее, исходила от киевского митрополита. Поводом могли послужить события в Константинополе, весть о которых прежде других мог пере- /122/ дать Киприан. О них довольно скоро стало известно и в Москве. Это обстоятельство особо подчеркивается в соборном определении патриарха Антония 1389 г.: "Скоро, однако, ложь обличается; ибо великий князь московский, увидев его (Пимена. – *Авт.*), сверх всякого ожидания, митрополитом, или, точнее, узнав о нем все, прежде нежели он явился, призывает кир Киприана".⁵⁴³ Летописная Повесть о Митяе, возможно, сохранила слова, которыми эта весть была передана Дмитрию Московскому: "Митяй твой умре, а Пимен стал в митрополиты".⁵⁴⁴

Подобный образ действий вполне был характерен для Киприана, которого патриарх Антоний охарактеризовал как человека, "способного хорошо воспользоваться обстоятельствами и разумно устроить дела".⁵⁴⁵ Уход с политической сцены двух наиболее сильных конкурентов лишь открывал путь киевскому митрополиту к вакантной митрополии

⁵⁴¹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 111.

⁵⁴² Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. – М., 1981. – С. 56–57.

⁵⁴³ Памятники древнерусского канонического права. – Прил. № 33. – Стб. 210.

⁵⁴⁴ Симеоновская летопись. – С. 125.

⁵⁴⁵ Памятники древнерусского канонического права. – Прил. № 33. – Стб. 200.

"всёя Руси". Чтобы стать главой всей русской церкви, Киприан должен был еще снять с себя подозрения в приверженности к литовской великокняжеской власти и дать феодальной знати Москвы определенные гарантии своей верности ей и ее политическому курсу. В конкретной политической обстановке конца 1379 г. такой наиболее предпочтительной перед другими гарантией могли быть изъятие из-под власти Ягайла и переход вместе с Киприаном на сторону Москвы близких к ее сфере влияния и порубежных с Ордой княжеств Юго-Западной Руси. Ввиду предстоявшей вооруженной конфронтации с мамоевой Ордой и ее союзниками подобная политическая акция должна была иметь в глазах правителей Москвы и возглавляемой ею коалиции княжеств тем большую ценность, что в случае успеха она обеспечивала контроль коалиции над стратегически важным районом и весомый прирост ее военно-политического потенциала.

Осенью 1379 г. Киприан мог располагать реальными возможностями, чтобы дать требуемые гарантии. Ослабленное в последние годы жизни Ольгерда оппозиционное движение в восточнославянских землях Великого княжества Литовского с самого начала правления его преемника снова обрело силу и размах. Особенно непопулярны были власть Ягайла и его проордынская политика в княжествах Юго-Западной Руси. Именно в этой части Великого княжества Литовского в сентябре 1379 г. произошли события, которые, в сущности, явились началом развала державы Гедиминовичей. Интересные подробности о них сообщает ливонский хронист Герман из Вартберга, описывая поход войск венгерского и польского короля Людовика Анжуйского в западную Волынь. Сам поход предшествовал этим событиям и послужил для них если не поводом, то своеобразным ускорителем. По свидетельству хрониста, в сентябре 1377 г., после семинедельной оса- /123/ ды Белза, его владетель Юрий Наримантович "уступил королю замок вместе с землею и людьми" и взамен их получил новые владения в Венгрии. В то время, когда король осаждал Белз, "ему добровольно подчинились Коддере (т. е. Кориатовичи. – *Авт.*)... и Любарт... с женами, детьми и всеми домашними. Они предоставили себя его милости и поклялись ему в верности. Король возвратил им в Руси несколько замков, но взял, для безопасности, в заложники их сыновей".⁵⁴⁶ Вместе с Дмитрием-Любартом ленную присягу Людовику Анжуйскому добровольно принес Федор Ольгердович, владевший Ратно и другими замками и землями на Волыни.⁵⁴⁷ Переход в подданство венгерской короны подольских князей Александра и Бориса Кориатовичей подтверждает сам Людовик в уже упоминавшемся письме к Франциску Карраре.⁵⁴⁸ Нет оснований считать, что осенью 1379 г. политическая обстановка в Среднем Поднепровье была иной, чем в Волынской и Подольской землях. Боярство этого региона также находилось в оппозиции по отношению к литовской великокняжеской власти, причем его ориентация на Москву вследствие постоянной общерусской пропаганды Киприана могла быть здесь даже более определенной.

К тому же осенью 1379 г. наметился новый раскол в правящих верхах Великого княжества Литовского. Еще в 1378 г. виленская и трокская группировки действовали согласованно, добиваясь от стран католического Запада прекращения военных действий крестоносцев против Литвы. С этой целью в том же году в Мазовию отбыл с дипломатической миссией Скиргайло Ольгердович, в задачу которого входило встретиться затем с представителями Империи и Рима.⁵⁴⁹ Однако орденом властям удалось свести

⁵⁴⁶ *Ливонская* хроника Германа Вартберга. – С. 109.

⁵⁴⁷ См.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – Прим. 59. – С. 158.

⁵⁴⁸ *Lowmiański H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 г. – S. 63.

⁵⁴⁹ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 99; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 156–157.

переговоры к заключению сепаратных договоров сначала с Кейстутом, а затем и с Ягайлом. Первый из договоров, выработанный при участии Кейстута и скрепленный Ягайлом, был подписан послами Тевтонского ордена в Троках 29 сентября 1379 г. и гарантировал безопасность значительной части владений трокского князя в течение десяти лет.⁵⁵⁰ Виганд из Марбурга в своей хронике упоминает, что из Троков послы отправились в Вильно, "где задержались на три дня и три ночи, сговариваясь о тайных делах с королем".⁵⁵¹ 27 февраля в Риге и в мае 1380 г. в Давыдишках Ягайло заключил договоры с Ливонским и Тевтонским орденами, в силу которых находившаяся под его непосредственной властью часть Великого княжества Литовского изымалась из сферы военных действий.⁵⁵² Соглашениями он фактически выдавал крестоносцам владения Кейстута, чем создавал серьезную опасность для единства и территориальной целостности государства литовских феодалов, но зато получал взамен возможность направить имевшиеся в его распоряжении войска на соединение с ордой Мамай для осуществления совместного похода на Москву.

Как глава церкви в Великом княжестве Литовском Киприан мог быть посвящен в некоторые обстоятельства наметившегося противоборства в его правящей верхушке и воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы в конце 1379 г. предложить Дмитрию Московскому содействие в отрыве от Литвы и переходе под его контроль пограничных княжеств на юго-востоке. В таком случае поход московских полков во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским, Андреем Полоцким и Дмитрием Боброком Волынским в декабре 1379 г. на территорию Чернигово-Северщины и его результаты следует рассматривать как реализацию общего политического замысла, а само летописное известие об этом походе – как одно из важнейших свидетельств письменных источников о политическом сотрудничестве между феодалами Среднего Поднепровья и Московского великого княжества в канун Куликовской битвы.

Другим таким свидетельством являются сообщения летописей о посольстве Дмитрия Московского в Киев с целью приглашения митрополита Киприана в Москву и о его приезде. Все они, в сущности, сводятся к констатации этих двух фактов и указаниям на их сроки, причем датирующие признаки в разных летописях поданы с неодинаковой полнотой, а в отдельных случаях находятся в противоречии друг с другом. Определить поэтому точные даты отправки посольства из Москвы в Киев и приезда Киприана довольно затруднительно, но возможно. Рассмотрим сначала летописные сведения о посольстве. По характеру датирующих признаков соответствующие записи можно сгруппировать следующим образом: 1) записи, лишенные каких-либо прямых датирующих признаков;⁵⁵³ 2) записи, где отправка посольства из Москвы датируется подвижным церковным праздником ("великим заговеньем");⁵⁵⁴ 3) записи, датирующие посольство зимой того года, летом которого Пимен "поставлен бысть в митрополиты";⁵⁵⁵ 4) записи в составе рубрик, обозначенных

⁵⁵⁰ CDP. – Königsberg, 1848. – Т. 3. – N 134.

⁵⁵¹ SRP. – Т. 2. – S. 605.

⁵⁵² Prochaska A. Rozejm Jagiełły z landmistrzem inflanckim zatwierdzony w Rydze 27 lutego 1380. // KH. 1909. – Т. 33. – S. 565; LUB. – Т. 3. – N 1153.

⁵⁵³ Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. – М.; Л., 1963. – Т. 28. – С. 81; Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. – М.; Л., 1963. – Т. 27. – С. 251; Владимирский летописец // – ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. – С. 127.

⁵⁵⁴ Симеоновская летопись. – С. 125; Типографская летопись // ПСРЛ. – Пг., 1921. – Т. 24. – С. 141.

⁵⁵⁵ Типографская летопись. – С. 149.

определенным годом.⁵⁵⁶

Если первая из указанных групп ставит посольство в прямую связь с получением в Москве сведений о смерти Михаила-Митяя и поставлении Пимена, то вторая обозначает день и месяц отъезда послов. Для 1380 г. ими будут 5 февраля, а для 1381 г. – 24 февраля. Третья группа записей помещена составителями летописей в конце повести о Донском побоище или же Сказания о Мамаевом побоище (после известия о прибытии на Русь послов от нового хана Тохтамыша). Тем не менее, их определенно следует датировать 1380 г. /125/

Записи четвертой группы, как правило, сделаны в летописях дважды: в составе Повести о Митяе и в повествованиях о Куликовской битве. Так, в Московском летописном своде конца XV в. под 1377 г. сообщается, что, в то время как Пимен медлил в Константинополе, Дмитрий Иванович "... посла на Киев по Киприана митрополита Федора игумена Симановского отца своего духовного. И поиде с Москвы на великое заговенье по Киприана митрополита, зовущи его на Москву от великого князя".⁵⁵⁷ Обозначающий в данном случае всю рубрику 1377 г. не может быть соотнесен с московским посольством, которое следует датировать не ранее осени 1379 г. Но в этом же своде имеется еще одна запись по этому поводу под 1380 г. и она представляется верной: "Тое же зимы посла князь великы по Киприана митрополита на Киев".⁵⁵⁸ Близки по содержанию к этим записям известия Никоновского свода, также в составе рубрик, обозначенных 1377 и 1380 гг.⁵⁵⁹ Примечательно, однако, что в отличие от других летописей в Никоновском своде сделана особая запись о приезде Киприана, из Киева в Москву, который датируется 3 мая 1380 г.: "И прииде Куприан из Киева на Москву в четверток 6 недели по Пасцѣ, еже в самый праздник Възнесения в лѣто 6888".⁵⁶⁰ Следует также отметить, что хронологическая последовательность событий, имевших отношение к митрополиту Киприану, в этом своде нигде не нарушена. Только в Никоновском своде Киприан изображен в Сказании о Мамаевом побоище как лицо, принимавшее непосредственное участие в подготовке похода общерусской рати на Дон в 1380 г.⁵⁶¹ Видимо, на основании записи Никоновского свода о приезде Киприана в Москву Н. М. Карамзин отметил особую в нем датировку московского посольства, но вывод сделал не в ее пользу: "Великий князь по Троиц., Ростовск., и всем летописям, кроме Никонов., послал за Киприаном уже во время царя Тохтамыша, и Киприан приехал в Москву в 1381 году".⁵⁶² Предложенные им даты не пересматривались в отечественной историографии.

Действительно, в летописях, восходящих к летописному своду 1408 г., приезд Киприана в Москву датируется не 1380 г., а 1381 г. Этим же годом обозначено прибытие Киприана в Москву в реконструированной М. Д. Приселковым Троицкой летописи, в

⁵⁵⁶ *Троицкая* летопись. – М.; Л., 1950. – С. 421; *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 42; *Рогожский* летописец. – Стб. 131, 141–142; *Московский* летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. – М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 199, 206; *Никоновская* или патриаршая летопись. – С. 41, 49.

⁵⁵⁷ *Московский* летописный свод конца XV в. – С. 199.

⁵⁵⁸ *Московский* летописный свод конца XV в. – С. 206.

⁵⁵⁹ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 41, 47.

⁵⁶⁰ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 41.

⁵⁶¹ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 53– 54.

⁵⁶² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. – Изд. 5-е – Спб., 1842. – Кн. 2, т. 5. – Прим. к 5 тому. – С. 24. – Прим. 60.

Рогожском летописце, Тверском сборнике, Симеоновской летописи, Летописном своде 1497 г. и др.⁵⁶³ Но именно в этой группе летописей сделаны значительные пропуски в описании событий последней трети XIV в. и особенно тех из них, которые каким-либо образом характеризуют московско-литовские отношения. Содержание рассматриваемой записи также подвергалось редакционной правке. Он имеет такой вид: "В лѣто 6889 в чет-
/126/ верг 6 недѣли по велице дни, на празднике възнесения господня прииде из Царяграда на Русь пресвященный Киприан митрополит на свою митрополию ис Киева на Москву".⁵⁶⁴ Нетрудно заметить, что редактор, желая, возможно, придать видимость законности появлению Киприана в Москве внес добавление, которое исказило первоначальный смысл записи. В связи с этим датировка сводом 1408 г. прибытия Киприана в Москву вызывает определенные сомнения, тогда как хорошо вписывающиеся в общую канву событий соответствующие даты Никоновского свода и Московского свода конца XV в. выглядят предпочтительнее. Правда, в некоторых сводах (Летописный свод 1497 г., свод 1518 г., Типографская летопись и др.) прибытие Киприана в Москву датируется по приезду на Русь Пимена ("По семи же мѣсяцев прихода его прииде вѣсть, яко Пимин идет"). Но, поскольку год приезда Пимена на Русь не указан, определить дату первого события в данном случае не представляется возможным. Таким образом, на основании анализа летописных данных можно утверждать, что посольство Дмитрия Московского было отправлено в Киев 5 февраля 1380 г., а сам Киприан на правах митрополита "всех Руси" прибыл в Москву 3 мая того же 1380 г.

Данный вывод находится в противоречии с укоренившимся представлением о времени возвращения Киприана из Константинополя в Киев, определяемом не ранее июня 1380 г. Так, автор новейшего исследования русско-византийских отношений в XIV в. И. Ф. Меендорф предполагает, что Киприан прибыл в Константинополь в апреле-мае 1379 г., а сессия собора, отъезд Киприана и поставление Пимена случились почти одновременно, в течение нескольких дней июня 1380 г.⁵⁶⁵ Г. М. Прохоров специально вопрос не рассматривал, но отметил, что в Константинополь Киприан прибыл весной 1379 г.⁵⁶⁶ Если принять во внимание то обстоятельство, что во второй редакции Жития митрополита Петра Киприан, рассказывая о своем пребывании в Константинополе, исчисляет его продолжительность в тринадцать месяцев (обстоятельство, Г. М. Прохорову, несомненно, известное и учитываемое им), то и в данном случае он должен был покинуть столицу Византии незадолго до июня 1380 г. Оба исследователя принимают за изначальный момент хронологических расчетов дату избрания Нила вселенским Патриархом и его решение по тяжбе между Киприаном и Пименом, оформленное соборным актом. В их понимании эти события взаимосвязаны и синхронны. По этой причине они отрицают какую-либо возможность передачи Нилу руководства церковью до мая-июня 1380 г., и, следовательно, решение вопроса о митрополии на Руси ранее этого срока.⁵⁶⁷ Но ведь источники допускают и иное развитие событий. Так, патриарх Нил /127/ в 1380 г. свидетельствовал, что

⁵⁶³ *Троицкая* летопись. – С. 421; *Рогожский* летописец. – Стб. 142; *Летописный* сборник, именуемый *Тверской летописью*. – С. 441; *Симеоновская* летопись. – С. 131; /173/ *Летописный* свод 1497 г. – С. 83; *Владимирский* летописец. – С. 128; *Типографская* летопись. – С. 149.

⁵⁶⁴ *Троицкая* летопись. – С. 421.

⁵⁶⁵ *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia... – S. 212.

⁵⁶⁶ *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... – С. 64.

⁵⁶⁷ *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia... – S. 212. – Not. 38; S. 213. – Not. 43; S. 218–221, 223–224. *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... – С. 91–93.

московские послы "лишь только мерность наша божественными судьбами возшла на высокий патриарший престол, обратились и к нам и вручили грамоты, излагающие мысль и желание пославшего их великого князя всея Руси".⁵⁶⁸ В 1389 г. патриарх Антоний об этом же событии писал: "Они (послы. – *Авт.*) представляют [те] грамоты и себя святейшему и приснопамятному патриарху кир Нилу, тогда только принявшему церковное кормило".⁵⁶⁹ Автор Повести о Митяе дополняет эти сведения, утверждая, что в расследовании взаимных обвинений и законности претензий Пимена и Киприана, кроме Нила, принял участие сам император Иоанн V ("Царь же и патриарх много истязавше Пимина и яже бяху около его сущи с ним").⁵⁷⁰ Следовательно, обоим претендентам из Руси вовсе не обязательно было ждать избрания Нила во вселенские патриархи, чтобы дать ход своим делам. К тому же относительно самой даты избрания Нила нет единого мнения, что отмечают Г. М. Прохоров и И. Ф. Меендорф.⁵⁷¹ Таким образом, их хронологические построения не являются достаточно аргументированными.

Киприан стал митрополитом "всея Руси" с резиденцией в Москве с согласия и по приглашению великого князя московского, но без санкции тогдашних высших духовных властей, а после июня 1380 г. и вопреки решению патриаршего собора. Отсюда стремление Киприана оправдать свои действия, придать им видимость правомерности. Именно этим целям, как убедительно показал Г. М. Прохоров, служили Житие митрополита Петра и Повесть о Митяе, к созданию которых Киприан был непосредственно причастен и которые послужили основой для позднейших летописных записей. "Киприан переделал начало повествования о Митяе, – пишет Г. М. Прохоров, – сбив последовательность эпизодов, отчасти их повторив, добавив свои объяснения, формулы, намеки и этими средствами создал свою "завязку".⁵⁷² Та же рука и с той же целью лишила каких-либо абсолютных хронологических признаков и рассказ о пребывании Киприана в Константинополе, помещенный в Житие митрополита Петра, хотя и оставила некоторые относительные ориентиры. К последним относятся: указания на время отъезда Киприана из Киева ("Но к Руской земли прошедшу... И третьему лету наставшу, паки к Царюграду устремихся") и прибытия его в Константинополь, где он "обретох неустроение в царехъ же и в патриаршестве", а также на срок пребывания в нем ("Пребых же убо в оное время в Константинограде тринадесят месяц"), обстоятельства ("Ни бо ми мощно бяше изыти, велику неустроению и нужи належащи тогда Царствующий град. Море убо латиною дръжимое, земля же и суша обладаема безбожными туркы") и время отъезда ("яко от оногo /128/ часа болезни оны нестерпимыя престаша. И в малех днех Царствующего града изыдох").⁵⁷³ Но и эти ориентиры при верной начальной точке отсчета могут дать определенное представление о времени прибытия Киприана из Константинополя на Русь.

Такой точкой следует признать время отъезда Киприана из Киева. Оно определяется посланием к единомышленникам, написанном в Киеве 18 октября 1378 г. В нем Киприан сообщает, что по-прежнему намерен ехать в Константинополь и уже выслал гонцов ("А яз

⁵⁶⁸ РИБ. – Т. 6. – Прил. – № 30. – Стб. 176.

⁵⁶⁹ РИБ. – Т. 6. – Прил. – № 33. – Стб. 208.

⁵⁷⁰ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – Прил. 3. – С. 223.

⁵⁷¹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – Прил. 3. – С. 91; Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia... – S. 213. – Not. 43.

⁵⁷² Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – С. 166.

⁵⁷³ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – Прил. 2. – С. 214–215.

без измены еду ко Царюгороду, а пред собою вести послал же есмь").⁵⁷⁴ Очевидно, послание было прощальной вестью (благословением) Киприана к однодумцам и написано им накануне или даже в день отъезда. Киевский митрополит "устремился" в Константинополь сухопутьем через Болгарию по одному из кратчайших маршрутов, поэтому все путешествие, даже с непредвиденными задержками и остановкой в Тырнове, где он встречался с патриархом Евфимием, вряд ли заняло более полутора-двух месяцев. Следовательно, к середине декабря 1378 г. Киприан уже находился в Константинополе. В конце сентября 1379 г. туда же прибыло и московское посольство, спор между претендентами на митрополию "всея Руси" вступил в решающую стадию. Увидев, что его дела принимают нежелательный оборот, Киприан не стал ждать финала и примерно в середине декабря 1379 г., т. е. спустя 13 месяцев после прибытия, выехал из Константинополя. Поэтому он мог принять непосредственное участие в завершающей фазе политических событий, происходивших зимой 1379/80 г. в юго-восточных районах Великого княжества Литовского.

Из приведенных выше фактов складывается такая картина. Осенью 1379 г. правительство московского великого князя Дмитрия Ивановича ввиду приближавшейся неминуемой схватки с Ордой встало на путь консолидации всех антиордынских сил на Руси и решительной вооруженной борьбы с Мамаем. Повороту политического курса Москвы к открытой конфронтации с Ордой способствовало новое соотношение политических сил в Великом княжестве Литовском, сложившееся под воздействием усилившегося процесса его децентрализации. Появилась реальная возможность ослабить силы мамаевого союзника великого князя литовского Ягайла и привлечь на сторону антиордынской коалиции русских княжеств подвластные Литве и расположенные в стратегически важном районе московско-литовско-ордынского пограничья Чернигово-Северское и Киевское княжества, где особенно сильным было влияние киевского митрополита Киприана. В этой обстановке московский великий князь Дмитрий Иванович отказывается от курса, направленного на создание подчиненной /129/ его власти отдельной от киевской митрополии церковной организации. Он идет на то, чтобы восстановить митрополию "всея Руси" во главе с Киприаном, при посредничестве которого, по всей вероятности, уже на исходе 1379 г. наладил политическое сотрудничество с феодальной знатью княжеств Среднего Поднепровья. Результатом этого сотрудничества явился глубокий рейд московской рати, выступившей в декабре 1379 г. от рубежей Брянщины на юг, в направлении Киева. Преследуя цель освободить свои владения от уплаты ордынской дани и верховной власти литовских феодалов, правители Чернигово-Северского и Киевского княжеств Дмитрий и Владимир Ольгердовичи, подобно тому как двумя годами ранее князья Волынской и Подольской земель, отказались признавать верховенство Ягайла. Побуждаемые своим феодальным окружением они перешли ("в ряд") на службу к московскому великому князю. Лишь затем, 5 февраля 1380 г., из Москвы в Киев отбыло посольство с официальным приглашением Киприану занять в качестве митрополита "всея Руси" постоянную резиденцию в Москве, куда он и прибыл 3 мая 1380 г.

В результате похода московских войск в юго-восточные земли Великого княжества Литовского зимой 1379/80 г. и последовавшего вслед за ним присоединения Чернигово-Северского и Киевского княжеств контроль над стратегически важной территорией Среднего Поднепровья перешел от Ягайла к Дмитрию Московскому, увеличился военно-политический потенциал возглавляемой Москвой антиордынской коалиции, а враждебные ей силы Литвы и мамаевой Орды соответственно были ослаблены. Княжества Среднего Поднепровья стали надежным заслоном, который не только прикрывал с запада общерусскую рать, выступившую на Дон против Мамаея, но и сыграл роль непреодолимой преграды для армии Ягайла, стремившейся к соединению с ордынскими полчищами, но так и не успевшей к началу битвы на Куликовом поле. Медлительность

⁵⁷⁴ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... – Прил. 1. – С. 202.

Ягайла была обусловлена не столько политическими расчетами литовского великого князя, несомненно, заинтересованного во взаимном ослаблении Москвы и Орды, сколько необходимостью силой оружия восстанавливать контроль над Черниговщиной и землями бассейна верхней Оки. В отсутствие Дмитрия Ольгердовича, присоединившегося вместе с дружиной к войскам Дмитрия Донского и участвовавшего в Куликовской битве, Ягайло снова завладел его уделом. В качестве компенсации за утраченные владения Дмитрий Ольгердович получил в держание от московского великого князя Переяславль-Залесский.⁵⁷⁵

О военно-политических событиях, разыгравшихся на террито- /130/ рии Киевского княжества летом 1380 г., ничего не известно. Источники на этот счет не содержат никаких прямых указаний. Известно, однако, что в отличие от чернигово-северского князя Владимир Ольгердович сохранил свои владения, которые, как показывают дальнейшие события, остались в структуре Великого княжества Литовского, но, возможно, с правами более широкой автономии. Некоторые письменные источники косвенно свидетельствуют о том, что в 1380 г. Киевское княжество пребывало в состоянии войны с мамоевой Ордой и одновременно в союзнических отношениях с Москвой. Так, в уже упоминавшейся жалованной грамоте Владимира Ольгердовича, датируемой 1381 г., указывается, что поводом для ее выдачи послужило желание киевского князя вознаградить своего вассала Юрия Ивантича Половца за понесенный им ущерб от разорения ордынцами (в тексте: Заволжской ордой. – *Авт.*) владений на левобережье Днепра вблизи г. Остра. Из этого можно заключить, что какие-то ордынские отряды в 1380 г. сумели достичь лишь правобережья Десны.

Памятники Куликовского цикла, отмечая участие в разгроме Мамаево чернигово-северского князя Дмитрия Ольгердовича, его брата Андрея Ольгердовича Полоцкого, который "издалеча" приспел на бой "и съ плесковици", не содержат никаких известий о Владимире Ольгердовиче и его киевских полках. Вместе с тем в литературных произведениях о Куликовской битве имеются сюжеты и подробности, которые, как представляется, могли бы свидетельствовать в пользу участия Киевского княжества в военных действиях против орд Мамаево, но их смысл был намеренно затемнен или искажен, если не во время создания, то при последующем редактировании. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что эти сюжеты и подробности, отражающие определенные исторические реалии,⁵⁷⁶ явно противоречат известным фактам или же их нельзя сколько-нибудь удовлетворительно объяснить без учета активной антиордынской позиции Киевского княжества и его союзнических отношений с Москвой в 1380 г. Так, например, в эпизоде о переписке и совместном выступлении на помощь Дмитрию Московскому двух братьев Ольгердовичей – Андрея Полоцкого и Дмитрия, названного князем брянским, привлекают внимание следующие слова: "Слышах убо, яко приидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы, а кажутъ уже великого князя Дмитрия на Дону, ту бо ждати хочеть злыхъ сыроядцевъ. И намъ подобаетъ итти к Сѣверѣ и ту съвокупитися намъ: предлежитъ бо намъ путь на Сѣверу и тымъ путемъ утаимся отца своего... По малехъ же днехъ снидошася оба брата желанно со всѣми силами к Сѣверѣ... И приспеша борзо на Донъ, и наѣхаша великого князя Дмитрея Ивановича Московскаго еще обсю /131/ страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуи и ту съвокупившися".⁵⁷⁷ Совершенно ясно, что Андрею Полоцкому, находившемуся на

⁵⁷⁵ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. – С. 165–167, 170–172.

⁵⁷⁶ Об этом см.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе "Сказания о Мамаевом Побоище" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. – М.; Л., 1966. – С. 477–523; *Азбелев С. М.* Об устных источниках летописных текстов (на материалах Куликовского цикла) // Летописи и хроники, 1976 г. – М., 1976. – С. 98; *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982. – С. 306–359.

⁵⁷⁷ *Сказание* и повести о Куликовской битве. – С. 36–37, 91; *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке

московской службе в Пскове с 1378 г., незачем было спешить на Дон окольным путем через Северскую землю, но этот путь был наиболее оптимален для соседствующих чернигово-северского и киевского князей. Примечательным является также факт отправки Дмитрием Московским еще до сбора общерусской рати в Коломне первой "сторожи" под началом Василия Тупика на Тихую Сосну, т. е. на киевско-ордынское пограничье.⁵⁷⁸ Конечно, вопрос об участии Киевского княжества в антиордынской борьбе на стороне Москвы в 1380 г. нуждается в специальном исследовании. Но и приведенные выше факты показывают, что в результате военно-дипломатических усилий Москвы на исходе 1379 г. военные силы двух крупнейших княжеств Среднего Поднепровья – Чернигово-Северского и Киевского приняли участие в сражении с полчищами Мамаю. Интересно, что в 1380 г. в состоянии войны с ордынцами находилось и Подольское княжество, правитель которого Александр Кориатович погиб в схватке с ними, как считают некоторые исследователи, именно в том году.

Разгром основных сил мамоевой Орды в битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. явился переломным моментом в борьбе Руси против Золотой Орды, военному могуществу и политическому господству которой был нанесен серьезный удар, ускоривший ее распад на менее значительные государственные образования. Другой внешнеполитический противник Московского великого княжества – Великое княжество Литовское – также вступает в полосу безысходного кризиса.⁵⁷⁹ Победа на Куликовом поле закрепила за Москвой значение организатора и идеологического центра воссоединения восточнославянских земель, показав, что путь к их государственно-политическому единству был единственным путем и к их освобождению от чужеземного господства.

Особенности этапа политической консолидации восточнославянских земель, наступившего после разгрома орд Мамаю и до заключения Кревской унии, раскрыты в работе И. Б. Грекова.⁵⁸⁰ Им установлено, что примерно до 1382 г. этот этап характеризовался невиданным ранее размахом и интенсивностью процесса объединения княжеств Руси вокруг Москвы, предпринявшей ряд дипломатических мер с целью приведения государственных границ в соответствие с этническими на основе провозглашенной ею патримониальной концепции внешней политики. Благодаря Л. В. Черепнину, введшему в научный оборот описи архива Посольского приказа 1626 г., стали известны важные документальные свидетельства того, что сразу же после разгрома полчищ Мамаю московская великокняжеская династия действительно приступила к объединению под своей эгидой находившихся под властью Литвы восточнославянских земель. В частности, в описи имеется упоминание о договоре Андрея Полоцкого с Дмитрием Донским, который И. Б. Греков не без оснований датирует 1381 г. и связывает его с возвращением Андрея Ольгердовича в Полоцк в том же году.⁵⁸¹ Весьма вероятно, что именно к этому периоду относится требование Дмитрия Донского передать под его власть и другие земли Руси, ранее входившие в состав Великого княжества Литовского, но в канун Куликовской битвы примкнувшие к возглавляемому Москвой военно-политическому антиордынскому союзу.

Задонщины // Куликовская битва и подъем национального самосознания. – Л., 1979. – С. 236.

⁵⁷⁸ *Сказания и повести о Куликовской битве.* – С. 29–30, 55, 79, 107.

⁵⁷⁹ *Пауто В. Т.* Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. – С. 49; *Пауто В. Т.* Историческое значение Куликовской битвы // *Сказания и повести о Куликовской битве.* – С. 286–290; *Лихачев Д. С.* Мировое значение Куликовской победы // Там же. – с. 255–261.

⁵⁸⁰ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 127–181.

⁵⁸¹ *Опись* архива Посольского приказа 1626 года. – Ч. 2. – М., 1977. – С. 34; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 139, 168.

Так, по словам М. Стрыйковского, "великий князь Дмитрий Московский вознесенный умысли такожде под Литвою языческой Витебского, Киевского и Полоцкого княжеств русских войной доходити и отправил к Ольгерду, великому князю литовскому, послы...".⁵⁸² А. В. Соловьев, отмечая недостоверность подробностей этого рассказа, вместе с тем указал на правдоподобность отразившейся в нем политической ситуации, которая характеризовала отношения между Великим княжеством Литовским и Московским великим княжеством в начале 80-х гг. XIV в.⁵⁸³

Дипломатическая активность усилившегося после разгрома Мамаея Московского великого княжества оказала влияние на соотношение политических сил в Великом княжестве Литовском. В октябре 1381 г. князь Кейстут, опираясь на поддержку группировавшихся вокруг него русских и литовских феодалов, захватил Вильно и отстранил от власти Ягайла, дискредитировавшего себя союзом с Мамаем.⁵⁸⁴ Став великим князем литовским, Кейстут проводил политику сближения с Московским великим княжеством на антиордынской основе.⁵⁸⁵ Но против этого сближения выступили как крестоносцы, так и Орда, внутривосточное положение которой с приходом в конце 1380 г. к власти хана Тохтамыша временно стабилизировалось. В конце мая – начале июня 1382 г. Кейстут двинул войска в поход против посаженного Ягайлом в Новгород-Северске князя Дмитрия-Корибута, который отказался признать власть нового правителя Литвы.⁵⁸⁶ Прав И. Б. Греков, видя в выступлении Дмитрия-Корибута часть заговора, направленного против Кейстута и инспирированного ордынскими властями.⁵⁸⁷ Уже в июле 1382 г. при военной помощи Тевтонского ордена и дипломатической поддержке Орды Ягайло снова захватил верховную власть в Великом княжестве Литовском. Кейстут в ходе переворота был убит.⁵⁸⁸

Почти одновременно, в августе 1382 г., войска хана Тохтамыша вероломно овладели Москвой, ограбили и сожгли ее. Опустошению подверглись и многие другие города Московского кня- /133/ жества, а также территория союзного ему Рязанского княжества.⁵⁸⁹ В результате нашествия Тохтамыша Московское великое княжество и зависимые от него земли и княжества были вновь вынуждены выплачивать дань Орде, потребовавшей в 1384 г. ее в особенно большом размере.⁵⁹⁰ Все это имело следствием раскол антиордынской коалиции, ослабление сотрудничества феодальных кругов Московской и Литовской Руси, замедление в целом процесса политической консолидации восточнославянских земель и временный спад антиордынской активности их населения.

Несмотря на поражение группировки Кейстута, позиции Ягайла на международной

⁵⁸² *Strykowski M.* Kronika polska... – Т. 2. – С. 8.

⁵⁸³ *Соловьев А. В.* Автор "Задонщины и его политические идеи // ТОДРЛ. – Т. 14. – М.; Л., 1958. – С. 186.

⁵⁸⁴ *Рогожский* летописец. – Стб. 142; *Супрасльская* летопись. – С. 62.

⁵⁸⁵ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 152–153.

⁵⁸⁶ *Супрасльская* летопись. – С. 62; *Wigand von Marburg.* Cronica nova Prutenica. – S. 602–619; *Detmar von Lübeck.* Chronik // SRP. – Leipzig, 1813. – Т. 3. – С. 121–122.

⁵⁸⁷ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 153–154.

⁵⁸⁸ *Супрасльская* летопись. – С. 63.

⁵⁸⁹ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 71–81.

⁵⁹⁰ *Рогожский* летописец. – Стб. 149.

арене и внутри Великого княжества Литовского оставались неустойчивыми. Он вынужден был считаться с политическими настроениями зависимых от его власти восточнославянских земель и какое-то время проводить политику сближения с Московским великим княжеством, хотя уже твердо решил следовать путем, приведшим вскоре его и подвластную ему Литву к принятию католичества и политической унии с Польшей. О тенденциях сближения с Москвой во внешнеполитическом курсе Ягайла свидетельствуют относящиеся к 1384 г. две записи о договорах в описи Посольского приказа 1626 г. Содержание первой из них таково: "Докончальная грамота великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича с великим князем Ягайлом и з братьею ево и со князем Скиригайлом и со князем Карибутом; и против того другая грамота великого князя Ягайла и братьи ево Скиригайла и Карибута, как они dokonчали и целовали крест великому князю Дмитрею Ивановичю и брату ево князю Володимеру Ондреевичу и их детям, лета 6902 году".⁵⁹¹ Вторая запись сделана по поводу предварительного договора Дмитрия Донского с матерью Ягайла. Из ее содержания видно, что договором предусматривался брак Ягайла с дочерью Дмитрия Донского при условии подчинения литовского князя верховной власти князя московского и признания православия государственной религией Великого княжества Литовского.⁵⁹² Таким образом, династическое по форме московско-литовское сближение планировалось как государственное объединение (уния) княжеств, где Великое княжество Литовское находилось бы в зависимости от Московского великого княжества. Обращает на себя внимание активная роль в подготовке литовско-московского сближения новгород-северского князя Дмитрия-Корибута. Видимо, она была обусловлена не только доверительным отношением к Дмитрию-Корибуту Ягайла, но и антиордынскими настроениями новгород-северского боярства. Оно, как и боярство других княжеств Юго-Западной Руси, не могло не быть обеспокоено стремлением Орды восстановить верховные /134/ права и над этим регионом. В 1393 г. Тохтамыш в ярлыке к Ягайлу с требованием дани с подвластных Литве земель Руси упоминал, что он "коли есмь первое сѣл на црьском столѣ, тогда есмь послалъ был к вам Асана и Котлубугу вам дати выдanie". Посольство прибыло в Литву в июле 1382 г., во время переворота, вернувшего власть Ягайлу, которого послы "нашли... под городом Троки стоячи".⁵⁹³ Весьма возможно, что участие Дмитрия-Корибута в заключении московско-литовских договоров 1384 г. мотивировалось влиянием на него антиордынски настроенных групп новгород-северского боярства. Но даже если это не так, эти договоры, безусловно, имели антиордынскую направленность и, в сущности, возрождали антиордынский союз княжеств Московской и Литовской Руси, в том числе Юго-Западной, но уже с участием литовской великокняжеской власти.

Как известно, оба договора имели предварительный характер и не были реализованы. Решающую роль в этом сыграли враждебные Москве акции Орды и позиция кругов литовской знати, искавших выход из кризисного состояния своего государства в его унии с Польским королевством. Не исключено, что перспектива особенно тяжелой даннической зависимости от Орды оказала влияние на политические настроения феодалов подвластных Литве княжеств Руси и также сыграла роль фактора, способствовавшего преобладанию в среде литовской знати близкой к Ягайлу группировки, которая опасалась утратить свои господствующие позиции в части земель Руси и ориентировалась на Польское королевство.

2. Борьба против Золотой Орды и

⁵⁹¹ *Опись* архива Посольского приказа 1626 года. – С. 35.

⁵⁹² *Опись* архива Посольского приказа 1626 года. – С. 34; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. – М., 1948. – Ч. 1. – С. 50–51.

⁵⁹³ *Грамоти* XIV ст. – № 23. – С. 47.

реализации Кревской унии (1385–1400)

Польско-литовская уния 1385–1386 гг. не только улучшила международное положение Великого княжества Литовского, изменив политическую обстановку в Восточной Европе в пользу двух объединившихся феодальных государств, но и оказала существенное влияние на расстановку и характер внутривнутриполитических сил княжества. Если во внешнеполитическом плане уния создала необходимые предпосылки для совместного отпора Польши и Литвы агрессии рыцарских орденов и впоследствии их разгрома, а также развертывания экспансии литовских и польских феодалов на территории Северо-Восточной Руси, то во внутривнутриполитическом аспекте она явилась фактором, который содействовал ухудшению положения зависимых от Литвы восточнославянских земель, что проявилось в усилении господства в них литовских феодалов /135/ и создании предпосылок для захвата этих земель польскими магнатами и шляхтой. В силу этих обстоятельств население восточнославянских земель Великого княжества Литовского, отстаивая антиордынскую в своей основе программу объединения Руси, выступило одновременно и против Кревской унии. Вместе с тем реализация одного из основных условий унии 1385–1386 гг. – об инкорпорации Литвы в состав Польского королевства, – лишавшая, в сущности, ее права на государственную самостоятельность, а также связанный с этим рост притязаний польских феодалов на подвластные Литве восточнославянские земли, в первую очередь, Юго-Западную Русь, обусловили существование глубоких противоречий между господствующими сословиями обоих государств и длительную борьбу литовского боярства и знати за политическую независимость Литвы. В ходе этой борьбы литовское боярство пользовалось поддержкой со стороны части феодальной знати восточнославянских земель Великого княжества Литовского.

Существенным фактором, продолжавшим оказывать отрицательное воздействие на отношения между странами Восточной Европы, соотношение внутривнутриполитических сил в Великом княжестве Литовском и освободительную борьбу его восточнославянского населения, была политика Золотой Орды, пытавшейся укрепить позиции в Восточной Европе, ослабевшие в результате разгрома полчищ Мамай в 1380 г.

Противодействие Кревской унии, принявшее форму отказа отдельных правителей княжеств Руси признать власть Ягайла, началось с момента ее реализации, осенью 1386 г. Первым выступил союзник Москвы и Смоленска Андрей Ольгердович, князь полоцкий. Он установил контакты с властями Ливонского ордена, обещавшими ему военную помощь за признание их протектората над "Полоцким королевством".⁵⁹⁴ В феврале 1386 г., одновременно с вторжением ливонских рыцарей в Литву, войска Андрея Полоцкого двинулись на Витебщину, где осадили и захватили г. Лукомль, а в апреле того же года смоленские полки взяли в осаду Мстиславль. Но вскоре смоленские войска были разгромлены прибывшими из Кракова военными отрядами во главе с князьями Скиргайлом, Лингвением, Коригойлом, Константином Черниговским и поспешившим им на помощь из Северщины Дмитрием-Корибутом.⁵⁹⁵ В конце апреля 1387 г. войска наместника Ягайла в Литве Скиргайла Ольгердовича нанесли поражение также силам Андрея Полоцкого.⁵⁹⁶ Несмотря на неудачу первого вооруженного выступления, освободительное движение распространялось вглубь и вширь, охватывая все более широкие слои населения Великого

⁵⁹⁴ *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.* – М., 1978. – Вып. 1. – № 8. – С. 45–47.

⁵⁹⁵ *Супрасльская летопись* – С. 64.

⁵⁹⁶ *Новгородская четвертая летопись.* – С. 347.

княжества Литовского. /136/ В немалой мере этому способствовало то обстоятельство, что к концу 80-х гг. XIV в. раскрылся политический замысел кревского соглашения, стали ощутимыми последствия проводимой Ягайлом и стоявшими за ним силами феодальной Польши политики, направленной на поглощение Великого княжества Литовского Польским королевством. В связи с этим уже в 1387–1388 гг. в Великом княжестве Литовском начал складываться союз оппозиционных Кревской унии и власти Ягайла сил во главе с Витовтом и вернувшимся еще в 1383 г. в Киев после разрыва отношений с Дмитрием Донским митрополитом Киприаном. Союз этот в силу различных причин был поддержан властями соседних государств, в частности Ордена и Константинополя.⁵⁹⁷ Обеспокоенный расколом русской митрополии, усилением католицизма и ослаблением позиций православной церкви в Великом княжестве Литовском после Кревской унии патриархат зимой 1388/89 г. стал энергично добиваться восстановления единства церковной организации на Руси путем замены московского митрополита Пимена Киприаном.⁵⁹⁸ При содействии Киприана Витовт заключил тайное союзническое соглашение с наследником московского престола Василием Дмитриевичем во время возвращения его зимой 1387/88 г. в Москву через Молдавию, Подолье и Киев из Орды, где он находился на положении заложника с 1383 г.⁵⁹⁹ Союз Витовта, Киприана и Василия Дмитриевича после его прихода к власти в Московском великом княжестве (1389 г.) и переезда в Москву Киприана на правах общерусского митрополита (1390 г.) приобрел значение межгосударственного, означая, в сущности, возобновление существовавшего со времен великого князя Кейстута политического сотрудничества между литовским боярством, значительной частью феодалов Великого княжества Литовского и феодалами Московского великого княжества, но теперь уже на антикревской и антиордынской основе.

В ходе начавшейся в 1389 г. борьбы антиягайловской коалиции за восстановление суверенитета Великого княжества Литовского часть феодалов Юго-Западной Руси стала оказывать Витовту все более действенную поддержку. Одним из них был, видимо, Гридко (Григорий) Константинович, сын Константина Черниговского, умершего к началу 90-х гг. XIV в. Сохранилась грамота, которой группа князей и бояр из подвластных Литве земель Руси в 1392 г. "выняли его на свои ру[ки] за побѣг и за все лихое" у Ягайлова наместника – Скиргайла Ольгердовича.⁶⁰⁰

Опасаясь утратить власть над землями Юго-Западной Руси, Владислав-Ягайло постарался укрепить политические позиции в Среднем Поднепровье, в первую очередь, в Киевском и Новгород-Северском княжествах. /137/

Ориентация киевского митрополита Киприана в 1387–1388 гг. на Витовта и его активное участие в создании антиягайловской коалиции были не чем иным, как отказом киевского митрополита от сотрудничества с Владимиром Ольгердовичем, осуществлявшегося в русле политического сотрудничества Московского великого княжества с подвластной Литве Русью. Яркий пример этого сотрудничества дают летописные источники еще под 1384 г., рассказывая о судьбе суздальского архиепископа Дионисия, поставленного в Константинополе в митрополиты "всея Руси" вопреки политическим намерениям великого московского князя Дмитрия Донского и при дипломатической поддержке Орды. "Прииде из Царьграда в Киев Дионисий архиепископ Суздальский в

⁵⁹⁷ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 195–199.

⁵⁹⁸ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 186–194.

⁵⁹⁹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 52; Симеоновская /174/ летопись. – С. 137; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 189, 196–197.

⁶⁰⁰ Грамоти XIV ст. – № 54. – С. 108; сравни: там же. – № 47. – С. 98.

митрополитах, хотя быти митрополитом на Руси, изыма его князь Володимир Киевский Ольгердович; глаголя ему: пошел еси на митрополию без нашего повеления и тако пребысть в заточении в наты и до смерти".⁶⁰¹ Причина разрыва Киприана с киевским князем заключалась, видимо, в изменившейся расстановке политических сил в Восточной Европе и особенно в Великом княжестве Литовском после закрепления за Москвой значения общерусского политического центра и в связи с реализацией Кревской унии. Как крупный политический деятель своей эпохи Киприан раньше других осознал бесперспективность дальнейшего сотрудничества с киевским князем в новой обстановке и в свете тех задач, которые ставил перед ним Константинополь. С другой стороны, возможно, что именно переориентация Киприана послужила одной из причин сближения киевского князя с Ягайлом. Так, зимой 1387 г. Владимир Ольгердович уже находился при дворе Ягайла в Вильно и фигурировал вместе с новгород-северским князем Дмитрием-Корибутом в числе свидетелей на королевских актах, предоставлявших привилегии католической церкви в Великом княжестве Литовском.⁶⁰² По-видимому, к этому же времени относится пожалование им доминиканскому монастырю в Киеве ряда земельных угодий и права взимать в свою пользу "мыто померное паше[н]ное", подтвержденное впоследствии Витовтом и сыном Владимира Ольгердовича Олельком.⁶⁰³ В 1388 г. Владимир Ольгердович и повторно новгород-северский князь присягнули на верность Владиславу-Ягайлу, польской королеве Ядвиге и короне польской.⁶⁰⁴ А в 1390 г. военные отряды обоих князей приняли участие в составе королевских войск в захвате столицы владений Витовта – г. Гродно.⁶⁰⁵

Широкое движение населения Великого княжества Литовского против Кревской унии Витовт использовал для обеспечения политических интересов литовского боярства и служилого княжья, а также личных. Став согласно с Островским соглашением 1392 г. /138/ наместником Владислава-Ягайла в Великом княжестве Литовском, он продолжил централизаторскую политику его прежних правителей и, опираясь на литовское боярство и мелких служилых князей, всемерную помощь краковского двора, устранил с политической арены крупнейших удельных князей, в первую очередь, тех из них, кто являлся приверженцем сотрудничества на общерусской основе с Московским великим княжеством. Замысел ликвидации удельно-княжеской власти в части восточнославянских земель был детально разработан Витовтом, Владиславом-Ягайлом и его бывшим наместником Скиргайлом в начале декабря 1392 г. в г. Белзе. Было решено, что с санкции польского монарха Скиргайло уступит Витовту полученные им от Ягайла земли с центрами в Вильно, Троках и Полоцке, а Витовт добудет для Скиргайла Киев и, кроме того, предоставит в его распоряжение г. Кременец и волость с г. Стожок на Волыни.⁶⁰⁶ Таким образом, объектами централизаторских усилий правящей верхушки Литвы и Польши стали, прежде всего, Киевское княжество и его князь Владимир Ольгердович, политические позиции которого с отходом от него митрополита Киприана значительно ослабли. Вместе с тем, увеличивая владения Скиргайла Киевским княжеством и землями на Волыни, краковский двор

⁶⁰¹ *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 49.

⁶⁰² *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskich*, 1387–1468. – Kraków, 1932. – N 1. – S. 6–8; N 6. – S. 14.

⁶⁰³ *Українські грамоти XV ст.* – К., 1965. – С. 26.

⁶⁰⁴ *Akta unii Polski z Litwą*; N 23; *Грамоти XIV ст.* – № 44. – С. 84.

⁶⁰⁵ *Dziękuję J. Dzieje w Polskich księgach dworskich*. – T. 3, ks. 10. – S. 456.

⁶⁰⁶ *Codex epistolaris Vitoldi* – N 20. – S. 31; *SD*. – T. 1. – N 621. – S. 295; N 622, 623. – S. 296.

рассчитывал усилить его и противопоставить в политическом плане новому наместнику Литвы с тем, чтобы ограничить влияние Витовта в Юго-Западной Руси.⁶⁰⁷

В том же 1392 г. против власти Владислава-Ягайла и Витовта во главе местных феодалов выступил целый ряд правителей земель Юго-Западной и Западной Руси. М. Стрыйковский сообщает, что, придя к власти, Витовт потребовал от Дмитрия-Корибута, Владимира Киевского и подольского князя Федора Кориатовича признать его полномочия, дать присягу на верность, а также обычную дань с их владений, на что они ответили отказом.⁶⁰⁸ Сообщение это выглядит вполне правдоподобным, поскольку соответствует средневековым нормам сюзеренитета-вассалитета, а также сложившейся в результате Островского соглашения в Великом княжестве Литовском внутривосточной обстановки. Также трактуют позиции удельных князей и белорусско-литовские летописи, в частности новгород-северского Дмитрия-Корибута, Владимира Киевского, Федора Кориатовича Подольского, одного из смоленских князей – Юрия Святославовича.⁶⁰⁹ В свете этих данных принятый в декабре 1392 г. в Белзе план, видимо, следует рассматривать не только как продолжение и конкретизацию условий Островского соглашения, но и как реакцию правящих кругов Польши и Литвы на проявившийся к тому времени отказ большинства княжеств Юго-Западной Руси признать Кревскую унию, а вместе с ней власть польского короля Владислава-Ягайла и его ставленника в Литве Витовта. Из хода последующих событий видно, что между князьями Юго-Западной Руси существовала какая-то предварительная договоренность о дальнейших их действиях, где важная роль предназначалась киевскому князю. Однако на практике действия оппозиционных сил оказались разрозненными. Их замыслы были поставлены под угрозу срыва уже преждевременным выступлением новгород-северского князя.

Как сообщают летописные источники, Дмитрий-Корибут, "не ждучи неприятеля в своей землѣ, зобравши войско з Руси, тягнул до Литвы против Витолтови, не задаючи ему на Сѣвер далекой дороги".⁶¹⁰ В самом конце 1392 г. его войско было разбито посланным Витовтом "войском литовским и жмотским" в битве под Докудовым (местность в Лидской волости, входившая в состав Виленского округа). После этого Дмитрий-Корибут попытался укрепиться в Новгород-Северске, но зимой 1392/93 г. отряды, возглавляемые Витовтом, штурмом овладели городом, а новгород-северского князя, "княгиню, и дѣти его в няцтво посла".⁶¹¹ В мае 1393 г., когда Владислав-Ягайло назначил наместником в Северскую землю Федора Любартовича, вся Чернигово-Северщина уже находилась под управлением наместников Витовта.⁶¹²

Большинство белорусско-литовских летописей вслед за событиями в Северщине повествует о подавлении войсками Витовта выступления младшего из Ольгердовичей

⁶⁰⁷ Długosz J. *Dzieje Polski*. – Т. 3, ks. 10. – S. 472; Греков И. Б. *Восточная Европа и упадок Золотой Орды*. – С. 201–202.

⁶⁰⁸ Strykowski M. *Kronika polska...* – Т. 2. – S. 100–101. См. также заимствованное у М. Стрыйковского известие об этом: ПСРЛ. – Т. 32. – С. 70–71.

⁶⁰⁹ *Летописи белорусско-литовские*. – С. 65, 66, 71–72, 89, 101, 137, 185–186, 206–207, 227–229; *Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца* // ПСРЛ. – Т. 32. – С. 70–72, 147.

⁶¹⁰ *Хроника Литовская и Жмойтская*. – С. 70.

⁶¹¹ *Виленская летопись* // ПСРЛ. – Т. 35. – С. 89; *Detmar von Lubeck. Chronik* // SRP. – Leipzig, 1813. – Т. 3. – S. 185.

⁶¹² *Хроника Литовская и Жмойтская*. – С. 71.

Свидригайла, который после смерти вдовы Ольгерда княгини Ульяны (1391) захватил принадлежавший ей витебский уезд. По-видимому, оба события – осада и взятие Новгород-Северского и Витебска – происходили почти одновременно и завершились к середине мая 1393 г., после чего войска Витовта двинулись на юг, против Киевского и Подольского княжеств.

В связи с обострившимися к тому времени отношениями между Витовтом и Скиргайлом Витовт, не желая, видимо, форсировать события, довольствовался захватом Овручского и Житомирского замков. Этого оказалось достаточно, чтобы добиться разрыва союза киевского князя с правителем Подольской земли Федором Кориатовичем.⁶¹³ "Летописец великих князей литовских" так сообщает об этом: "На весну князь великий Витовт иде и взя землю Подолскую. А князю Володимеру Олгирдовичю, тогда бивши в Киеве, и не всхоте покоры учинити и челом ударити великому князю Витовту. Тои же весны князь великий Витовт поиде взя град Житомир и Вручии, и приѣха к нему князь Володемѣр".⁶¹⁴

Обеспечив нейтралитет киевского князя, Витовт осенью 1393 г. двинул войска, усиленные польскими отрядами и пушка- /140/ ми,⁶¹⁵ на Подолье, где Федор Кориатович вел подготовку к обороне края. Он искал помощь против объединенных сил Витовта и Ягайла у правителей Молдавского княжества и Венгрии. Молдавский воевода Роман с целью ликвидировать зависимость своего княжества от Польши, а венгерский король Сигизмунд, чтобы ослабить Польшу (в дальнейшем он рассчитывал вернуть утраченную Молдавию и захваченную Польшей Галицкую Русь), заключили союз с подольским князем. Одновременно Федор Кориатович предпринял попытку найти союзника и в лице Скиргайла Ольгердовича, отправив к нему с какими-то полномочиями каменецкого воеводу Павла Слупича.⁶¹⁶ Однако реальную помощь Подольское княжество получило только от молдавского воеводы. Тот же "Летописец" сообщает следующие подробности о захвате войсками Витовта Подолья: "И князь великий пошел со всима силами литовскими к Подолию. И то вслышал князь Федор Корятовичъ, выбегл ис Подолской земли ко Угрюмъ, а города осадил волохи, и вгорский князь Федору помочь дал. А князь великий Витовт первое пришед ко Брасловлю, и выма Брасловл пришел ко Соколцу, и Соколець вынял, и пришел ко Каменцю в ночи, и Каменца добыл, а потомъ Смотричъ вынялъ и Сколу, и Черленый городков, и вси города позаседал".⁶¹⁷ В результате этого похода Федор Кориатович вынужден был отступить на подвластное венгерскому королю Закарпатье. Его союзник молдавский воевода Роман в конце 1393 г. был пленен польскими войсками,

⁶¹³ Skrzypek J. Usunięcie Fedora Koriatowicza z Podola w 1393 r. // *Prace historyczne w 30-letniej rocznicy profesorskiej St. Zakrzewskiego*. – Lwów, 1934. – S. 316–317; Skrzypek J. Południowo-wschodnia polityka Polski od koronacji Jagiełły do śmierci Jadwigi i bitwy nad Worskłą. – S. 104–105; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 203. О расправе между Витовтом и Скиргайлом во время осады Витебска весной 1393 г. см.: Prochaska A. *Krótka historia Wschodniej Europy*. – Kraków, 1908. – Т. 1. – S. 102, 104.

⁶¹⁴ Супрасльская летопись. – С. 65.

⁶¹⁵ О военной помощи польского короля Витовту свидетельствует следующая запись от 30 октября 1393 г. в реестре расходов двора Владислава-Ягайла: "Так же Сброшку, пушкарю короля, на время похода к Киеву, по приказу короля, за ядра 1 марка" // *Piekosiński Fr. Rachunki dworu...* – S. 340.

⁶¹⁶ Jana Zamojskiego inwentarz archiwum koronnego: Materiały do dziejów Rusi i Litwy XV w. // *Archiwum Komisji Historycznej*. – Kraków, 1919. – Т. 12, cz. 1. – S. 163.

⁶¹⁷ Супрасльская летопись. – С. 66.

содействовавшими вокняжению в Молдавии его брата Стефана.⁶¹⁸

После захвата Подольской земли пришла очередь Киевского княжества. Но прежде чем приступить к активным действиям, Владислав-Ягайло и Витовт посчитали необходимым заручиться поддержкой владетельной знати великого княжества в лице некоторых Ольгердовичей и смоленского князя, собравшихся 9–11 июня 1394 г. у короля в Вислице, где, видимо, и было принято окончательное решение о дальнейшей судьбе Владимира Ольгердовича.⁶¹⁹ Оказавшись в политической изоляции, киевский князь принял предложенные ему компромиссные условия. В начале 1395 г. при посредничестве королевских эмиссаров ему был предоставлен довольно значительный удел в Полесье с городами Копыл и Слуцк.⁶²⁰ В соответствии с Белзским соглашением 1392 г. киевским князем стал Скиргайло Ольгердович.

Заменив своими наместниками наиболее значительных удельных князей, Витовт многое сделал для усиления великокняжеской власти, централизации Великого княжества Литовского и укрепления его политической самостоятельности. В конце 90-х гг. XIV в. элита литовских феодалов выступила с программой пре- /141/ вращения Литвы и зависимых от нее восточнославянских земель в самостоятельное королевство, противопоставленное во внешнеполитическом плане как Польше, так и Московскому великому княжеству. Реализуя эту программу, Витовт стремился не только ослабить связи с Польшей, но и вопреки союзническим отношениям с Москвой расширить владения в Северо-Восточной Руси. С этой целью литовские феодалы в 1395 г. захватили Смоленск, а в 1398 г. пошли на сговор с Тевтонским орденом, заключив с ним так называемое Салинское соглашение, предусматривавшее, в частности, захват и раздел Новгородской и Псковской земель.⁶²¹ Против попыток Литвы и Ордена развернуть экспансию на земли Северо-Восточной Руси выступили Новгород, Псков, Московское и Тверское княжества.⁶²² Это заставило правящие круги Великого княжества Литовского временно отказаться от наступления на северо-востоке и сосредоточить главные усилия на юге, где к середине 1395 г. сложилась политическая ситуация, благоприятствовавшая ликвидации зависимости земель Юго-Западной Руси от Орды.

Рубеж XIV–XV столетий – время обострения внутривосточной обстановки в Золотой Орде, связанного с борьбой среднеазиатского правителя Тимура (Тамерлана) и хана Тохтамыша. Достигнув власти в Золотой Орде с помощью Тимура, Тохтамыш как и предшествовавшие ему ханы, предъявил притязания на Иран и Азербайджан, на которые претендовал и правитель Мавераннахра. В ходе военных действий на Кавказе (1384–1385) и в Средней Азии (1387–1389) Тохтамыш потерпел ряд поражений. Разгром его войск на р. Кундурче (1391) привел к новому открытому выступлению сил феодальной анархии в Орде.⁶²³ Наконец, 15 апреля 1395 г. на берегах р. Терек произошло сражение,

⁶¹⁸ Skrzypek J. Południowo-wschodnia polityka Polski... – S. 55–56.

⁶¹⁹ Piekosiński Fr. Rachunki dworu... – S. 239–242; Prochaska A. Dzieje Witolda wielkiego księcia litewskiego. – Warszawa, 1914. – S. 74.

⁶²⁰ Супрасльская летопись. – С. 65.

⁶²¹ Codex epistolaris Vitoldi. – N 92. – S. 30; Długosz J. Dzieje w Polskich księgdwudziestych. – T. 3, ks. 10. – S. 469.

⁶²² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. – С. 709–710.

⁶²³ Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 392–394, 453–456; 522; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. – С. 154–160; Сафаргалеев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 150.

закончившееся полным разгромом войск Тохтамыша армией Тимура, ⁶²⁴ вследствие чего хан был вынужден бежать в Крым. ⁶²⁵ Тимур провозгласил ханом Золотой Орды Койричак-оглана, но аристократия западных улусов объявила своим ханом Таш-Тимура. Одновременно на нижней Волге, в Астрахани, при поддержке влиятельного временщика Едигея был провозглашен ханом Тимур-Кутлук. ⁶²⁶ Таким образом, золотоордынское государство снова оказалось разделенным на несколько ханств. Политическая децентрализация Золотой Орды сопровождалась ее хозяйственным разорением. Летом 1395 г. войска Тимура выступили против сил, поддерживавших Таш-Тимура. Подверглись разгрому западные улусы по Дону, Днепру, в Крыму. Были разграблены и сожжены наиболее крупные ордынские города, связанные со старинной караванной торговлей с Западом через Крым и Хорезм – Кафа, Старый Сарай, Астрахань, Бельджимен, /142/ Маджар, Азак (Тана), Солхат и др., после чего венецианские и генуэзские купцы стали пользоваться путями на Восток, лежавшими значительно южнее – через Сирию и Иран. ⁶²⁷

Часть войск Тимура дошла до Рязанской земли, где захватила и разорила Елец и его окрестности. Правитель Мавераннахра имел намерение идти далее – на Москву, но, получив известие о большом войске Василия I ожидавшем его у границ московских владений, 26 августа ушел из Рязанской земли в пределы Орды, где завершил разгром своих противников из числа знати западных улусов. ⁶²⁸ Его поход явился настоящей экономической и политической катастрофой для золотоордынского государства.

В связи с дальнейшим упадком Золотой Орды в середине 90-х гг. XIV в. антиордынские союзнические отношения между Московским великим княжеством и Великим княжеством Литовским приобретают более четкие формы сотрудничества. Так, в апреле 1396 г. Василий I вместе с Киприаном ""ѣде с Москвы в Смоленск видѣтися с тѣмем своим Витовтом", после чего Василий I вернулся в Москву, а Киприан "оттоля и деть к Киеву и тамо пребысть полѣтора года". ⁶²⁹ Осенью 1396 г. оба правителя снова встретились в Коломне. ⁶³⁰ Летом 1398 г. смоленский наместник "Ямант приездил от Витовта на Москву посольством", ⁶³¹ а зимой того же года московская "княгини великая Софья Васильеве Дмитриевича ездил в Смоленску к отцу своему, к великому князю Витовту, и к матери своей, и с детми своими и с бояры многими, и пребысть тамо двѣ недѣли". ⁶³²

⁶²⁴ Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 119–120, 173–178; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 162–163.

⁶²⁵ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – С. 70–74.

⁶²⁶ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 166–167.

⁶²⁷ Тизенгаузен. – Т. 2. – С. 121–122, 179–180; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – С. 368, 370–372, 374–376; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 167–172. /175/

⁶²⁸ /175/ Ермолинская летопись // ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 23. – С. 134; Симеоновская летопись. – С. 143; Буганов В. И. От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380–1480) // Куликовская битва. – С. 251; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 221–223.

⁶²⁹ Московский летописный свод конца XV в. – С. 226.

⁶³⁰ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 70.

⁶³¹ Московский летописный свод конца XV в. – С. 228.

⁶³² Московский летописный свод конца XV в. – С. 228.

По мнению исследовавшего литовско-московские взаимоотношения этого периода И. Б. Грекова, "направленное на преодоление феодального сепаратизма, а также на активизацию противодействия ордынскому натиску, сотрудничество Витовта, Василия и Киприана оставалось... весьма заметным фактором общественной жизни Восточной Европы и в середине 90-х гг. XIV в.". ⁶³³ Но при этом он рассматривал события 1396–1398 гг. главным образом с точки зрения "активизации закономерных процессов феодальной концентрации русских земель", где в тот период, по его мнению, ведущая роль принадлежала Великому княжеству Литовскому. ⁶³⁴ Между тем источники позволяют выяснить антиордынскую основу этих процессов и определяемый ею характер взаимоотношений обоих государств уже с конца 1395 г., когда, в частности, была прекращена выплата регулярной ордынской дани Московским княжеством, о чем напоминал Едигей Василию I в 1408 г. ⁶³⁵ Одновременно Василий I решительно пресек попытку нижегородского князя Семена Дмитриевича и ордынского царевича Ентяка вернуть под свою власть Нижегородское княжество, включенное в состав московских владений. При этом московское войско проникло во владения Орды в Поволжье, где, овладев ордынскими городами Булгаром, Жукотиным, Кременчуком, Казанью и, пововав "землю татарскую", возвратилось "с многою корыстью". ⁶³⁶

Осенью 1395 г. в военный конфликт с Ордой вступило и Великое княжество Литовское, о чем в белорусско-литовских летописях сообщается так: "сам великий князь Витовт поиде на Подоль[ск]ую землю, а князю Скиргайлу повелѣ ити с Киева к Черкасом и к Звенигороду. Князь же великий Скиргайло Божею помощю и великого князя Витовта повелѣнием възвал Черкасы и Звенигород и възвратися пакы к Киеву". ⁶³⁷ Таким образом, летописец отнес поход Скиргайла на Черкасы и Звенигород ко времени подавления Витовтом сопротивления удельных князей, непосредственно связав его с походом войск Витовта в Подольскую землю против князя Федора Кориатовича. М. Стрыйковский, почерпнув известие о походе Скиргайла из данного источника, объяснил его причину нежеланием Владимира Ольгердовича сдавать Черкасы, Канев и Звенигород новому киевскому князю. ⁶³⁸ Мнение М. Стрыйковского прочно укоренилось в литературе и до сих пор встречается в отдельных работах. Между тем в данном летописном сообщении, несомненно, имеет место контаминация двух событий: подчинение Витовтом своей власти Подольской земли в 1393 г. и более поздние антиордынские действия Скиргайла на южной окраине Киевского княжества, характер и время которых определяются на основании конкретных фактов и обстоятельств. Наиболее существенное из них – это то, что южная часть Киевской земли (Поросье и Звенигородщина) до середины 1395 г. находилась не под властью киевского князя, а в непосредственной зависимости от Орды. В пользу этого мнения свидетельствуют отсутствие каких-либо подтверждений принадлежности указанной территории к Киевскому княжеству на протяжении 70-х и первой половины 90-х гг. XIV в. и некоторые факты из

⁶³³ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 217.

⁶³⁴ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 215–216.

⁶³⁵ Новгородская четвертая летопись. – Вып. 1. – С. 406–407; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – С. 184–185.

⁶³⁶ Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 166; Никифоровская летопись. – С. 30–31; Насонов А. Н. Монголы и Русь. – С. 139.

⁶³⁷ Летописи белорусско-литовские. – С. 90, 101, 138, 159, 186, 206–207, 228; Хроника Быховца. – С. 147.

⁶³⁸ Strykowski M. Kronika polska... – Т. 2. – S. 103.

рассказа персидских авторов о походе Тамерлана в Среднее Поднепровье летом 1395 г., когда, преследуя Таш-Тимура, Тамерлан "снова повел войско в набег (илгар) и, дойдя до местности Манкермен⁶³⁹ (Киева – *Авт.*) в стороне реки Узи (Днепра. – *Авт.*), разграбил область Бек-Ярыка и все хозяйство их".⁶⁴⁰ "Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами... Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских".⁶⁴¹ Отсюда следует, что летом 1395 г. в непосредственной близости от Киева находились ордынские владения: на Левобережье – "область" ордынского князя Бек-Ярыка и на /144/ правом берегу Днепра – улус Хурмадая, в состав которого входило, видимо, и Поросье со Звенигородом. В связи с этим цель похода Скиргайла на Черкассы, Звенигород и, по свидетельству М. Стрыйковского, Канев, как можно судить, состояла в возвращении под свою власть отторгнутых некогда Ордой южных территорий Киевского княжества. По всей вероятности, поход был совершен сразу же после разгрома Тамерланом ордынских владений в южном Поднепровье. Его время (предположительно конец августа – начало сентября) хорошо согласуется с временем приезда Скиргайла в Киев в качестве нового князя (февраль – март 1395 г.),⁶⁴² а также с весьма правдоподобным летописным известием о приготовлениях Витовта к захвату Смоленска под видом похода непосредственно против Тамерлана. "Тое же осени, – писал летописец, – князь великий Витофт Литовский, собрав силу велику около себе, и поиде ратию, творяся на Темир Аксака, и промчесья всюду слово то яко идет Витофт на Темир Аксака".⁶⁴³ Показательно, что смоленские князья поверили в эти слухи, и Витовту удалось сравнительно легко овладеть городом 28 сентября 1395 г. Сопоставляя обстоятельства захвата Витовтом Смоленска и похода Скиргайла, видим, что они взаимосвязаны, а это дает основание датировать присоединение Поросья и Звенигородщины к Киеву примерно сентябрем 1395 г.

Удачный поход Скиргайла в ордынские владения привлек к нему симпатии боярства Юго-Западной Руси, что нашло отражение в характеристике, данной ему одним из составителей "Летописца великих князей литовских". Усиление политического соперника не могло не беспокоить Витовта. В январе 1396 г. Скиргайло, как свидетельствует тот же "Летописец", был отравлен наместником митрополита в Киеве Фомой Изуфовым. Повествуя о кончине Скиргайла, автор данного отрывка "Летописца", киевлянин, называет его "чюдным князь Скиригаило, добрый, наречены во светом крещени Иоан".⁶⁴⁴

Ликвидировав при помощи иерархии православной церкви князя Скиргайла, Витовт перехватил его антиордынскую инициативу и в более широких масштабах повел подготовку к военным действиям против Орды. Осенью 1396 г. в Киеве состоялась встреча польского короля Ягайла, Витовта и митрополита Киприана, где, как можно предположить,

⁶³⁹ О конъектуре значения наименования Манкерман (Макерман) см.: *Тизенгаузен.* – Т. 2. – Прим. 18. – С. 37.

⁶⁴⁰ *Тизенгаузен.* – Т. 2. – С. 121.

⁶⁴¹ *Тизенгаузен.* – Т. 2. – С. 179. Ср.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. – С. 167–168; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 215.

⁶⁴² Конец 1393 и большую часть 1394 г. Скиргайло провел при дворе польского короля Владислава-Ягайла. Он находился в Польше еще 31 января 1395 г. См.: *Piekosiński Fr.* *Rachunki dworu...* – S. 217.

⁶⁴³ *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 68; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 162; *Случкая* летопись. – С. 72.

⁶⁴⁴ *Супрасльская* летопись. – С. 65.

обсуждались проекты объединения сил Польши, Великого княжества Литовского и Московского великого княжества против Орды, а также возможности заключения церковной унии и включения в состав митрополии Руси Молдавии и части Болгарии.⁶⁴⁵ О содержании переговоров в Киеве свидетельствует ряд письменных памятников: уже упоминавшийся "Список русских городов дальних и ближних", составленный к середине 1396 г. в канцелярии митрополита Киприана для обоснования его претензий на расширение киевской митрополии, а также две грамоты патриарха Антония, направленные им в январе 1397 г. польскому королю Владиславу-Ягайлу и Киприану, в которых он дал уклончивый ответ на сделанное ими предложение об унии католической и православной церквей, резко осудив попытки Киприана распространить свою юрисдикцию на Галицкую Русь, Молдавию и Болгарию и просил заключить союз против "неверных" с венгерским королем Сигизмундом.⁶⁴⁶ Последняя просьба была мотивирована разгромом сотысячной армии Сигизмунда турецкими войсками 28 сентября 1396 г. в битве у города Никополя и нависшей в связи с этим смертельной угрозой над самим Константинополем. Однако проект создания антитурецкой коалиции в составе Польши, Великого княжества Литовского, Москвы и Венгрии не был реализован. Как верно отметил И. Б. Греков, "тенденция к объединению, видимо, оказалась слабее соперничества между этими феодальными государствами. В создавшихся условиях было трудно совместить интересы венгерских, польских, русских и литовских феодалов, трудно было найти и компромисс для осуществления церковной унии".⁶⁴⁷ Тем не менее, разработанная осенью 1396 г. программа совместных антиордынских действий Великого княжества Литовского, Московского великого княжества и Польши частично все же была претворена в жизнь в 1397–1398 гг.

Ареной антиордынской борьбы стали степи Северного Причерноморья и Крым, территория, непосредственно примыкавшая к землям Юго-Западной Руси, входившей в состав унитарного Польско-Литовского государства. В осуществлении антиордынских планов союзников значительное место, видимо, отводилось использованию внутривосточной борьбы в Орде, в частности привлечению на их сторону сил бывшего хана Тохтамыша. Еще в середине марта 1396 г. Тохтамыш находился в Крыму, где его войска осаждали генуэзскую Кафу.⁶⁴⁸ Вскоре, однако, бывший золотоордынский хан был изгнан из Крыма войсками Тимур-Кутлука и Едигея: 27 апреля 1397 г. Тимур-Кутлук уже выдал ярлык одному из крупнейших оседлых крымских феодалов.⁶⁴⁹ Летописные источники неоднозначны как по поводу времени изгнания Тохтамыша из Крыма, так и места его убежища. Воскресенская летопись, например, сообщает под 1398 г.: "Того же лета прииде некоторый царь, именем Темиръ Кутлуй, и прогна царя Тохтамыша и седе в орде и в Сарай на царстве, а Тохтамышъ съслася с Витофтом, и бежа из орды в Киев и с царицами да два сына с ним".⁶⁵⁰ Супрасльская летопись отмечает, что в 6903 (1395) году "бои бысть царю Темиръ-Тиклюю со Тактамышемъ, /146/ и прогна Тактамышя у Литву, а сам сыде на

⁶⁴⁵ Kołankowski L. *Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów*. – S. 133; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 358.

⁶⁴⁶ Памятники древнерусского канонического права. – Прил. № 44. – Стб. 298–302; № 45. – Стб. 304–310.

⁶⁴⁷ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 359.

⁶⁴⁸ Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 364; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – С. 377.

⁶⁴⁹ Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, изд. И. Березиным. – Казань, 1851. – С. 10–11; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. – С. 30.

⁶⁵⁰ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 71.

царство".⁶⁵¹ О ситуации в Среднем Поднепровье говорят также источники рыцарских Орденов. Так, уже в первых числах января 1397 г. дюнабургский комтур сообщал ливонскому магистру о пришедших из Литвы известиях, относящихся к войне между Тимуром и Тохтамышем, а также об укреплении Витовтом фортификационных сооружений Киева, для чего им было выделено большое количество пушек.⁶⁵² Наиболее обстоятельно исследовали данный вопрос М. Г. Сафаргалиев и И. Б. Греков. Первый из них относит начало военных действий в Крыму между Тимур-Кутлуком и Тохтамышем и бегство последнего в Киев к осени 1396 или к началу 1397 г.,⁶⁵³ второй – утверждает: "бесспорно, что в 1396 г. (во всяком случае после похода в Крым) Тохтамыш вместе с другими татарскими эмигрантами прочно осел в Литве"⁶⁵⁴ Впоследствии, однако, И. Б. Греков, признавая существование "скрытых контактов" между Тохтамышем и Витовтом в 1395–1397 гг., пришел к выводу о том, что бывший хан прибыл в Среднее Поднепровье в 1398 г.⁶⁵⁵

Эти разногласия в показаниях источников и их трактовке, по-видимому, не случайны и имеют под собой определенные основания, обусловленные ожесточенной борьбой за Крым между Тимур-Кутлуком и Тохтамышем в 1396–1399 гг. В ходе этой борьбы Крым, обладание которым Тохтамыш, возможно, рассматривал как необходимую предпосылку для захвата власти в Орде, мог неоднократно переходить во власть соперников. Если принять такое объяснение сущности политических взаимоотношений между основными претендентами на верховную власть в Орде на исходе XIV в., то указанное противоречие источников оказывается лишь кажущимся, более понятными становятся ход дальнейших событий в Северном Причерноморье и их взаимосвязь.

Итак, осенью 1396 г. изгнанный из Крыма Тимур-Кутлуком Тохтамыш вместе со своим двором прибыл на территорию Среднего Поднепровья и, возможно, уже тогда его политические замыслы были скоординированы с антиордынскими планами правителей Великого княжества Литовского, Московского великого княжества и Польши. Не исключено, что эти планы еще раз обсуждались во время личной встречи Витовта и Василия I осенью того же года в Коломне. Возможно, тогда же была достигнута договоренность о выделении в помощь литовскому князю какой-то части военных сил Московского великого княжества, как предполагаем, под командованием Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Данное предположение основывается на следующих фактах: еще в 1389 г. Дмитрий Боброк Волынский за- /147/ нимал одно из видных мест в феодальной иерархии Московского великого княжества, его подпись первой фигурирует на духовной грамоте Дмитрия Донского,⁶⁵⁶ вместе с тем летописные источники единогласно свидетельствуют о его участии в походе войск Витовта 1399 г. и гибели в битве у р. Ворсклы.⁶⁵⁷ Конечно, появление Дмитрия Волынского на территории Великого княжества

⁶⁵¹ *Супрасльская летопись*. – С. 51.

⁶⁵² *SD*. – Т. 1. – N 670. – С. 308.

⁶⁵³ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. – С. 178.

⁶⁵⁴ *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – С. 74.

⁶⁵⁵ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 209, 225.

⁶⁵⁶ *ДДГ*. – № 12. – С. 36; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 285.

⁶⁵⁷ *Рогожский летописец*. – Стб. 459; *Новгородская четвертая летопись*. – Вып. 2. – С. 104; *Патриаршая или Никоновская летопись*. – С. 74.

Литовского могло произойти и в порядке отъезда служилого князя к новому сюзерену. В таком случае, однако, вместе с ним должна была переехать и его семья. В действительности же имело место как раз обратное: семья Дмитрия Волынского осталась в Московском княжестве и, по свидетельству местных источников, его прямые потомки впоследствии принадлежали к влиятельным кругам московского служилого боярства.⁶⁵⁸ Следовательно, участие князя Дмитрия Волынского в антиордынских походах войск Витовта в конце 90-х гг. XIV в. было санкционировано московской великокняжеской властью.

Военным действиям против Орды предшествовала серьезная подготовка к ним. Витовт выделил для Тохтамыша и его двора земли на южных окраинах своего государства, в частности в Черкассах и Каневе.⁶⁵⁹ Центром сбора и операционной базой союзнических войск стал укрепленный с этой целью Киев, которому, как это видно из "Списка русских городов дальних и ближних", были подчинены в военно-административном отношении наместничества и княжества Чернигово-Северской земли и северо-припятской территории. Мысль об именно такой связи этих территорий с Киевом, отразившейся в "Списке", высказал в свое время М. К. Любавский, но не зная времени и обстоятельств создания этого документа, относил ее существование к 1432–1440 гг.⁶⁶⁰ В апреле 1397 г. орденские власти уже располагали известиями о том, что из Польши в Литву поступает воинское снаряжение и оружие, в том числе пушки и мушкеты, и Литва усиливается за счет польских военных отрядов и татар.⁶⁶¹

В конце лета 1397 г. состоялся первый поход войск Витовта против сил Тимур-Кутлука и Едигея. Не встречая сильного сопротивления, они достигли традиционных мест ордынских кочевий, в низовьях Дона, захватили там множество пленных, а затем проникли в Крым, где 8 сентября в битве близ Кафы разгромили местные отряды ордынцев.⁶⁶² В результате этого похода Крым снова перешел под власть Тохтамыша.⁶⁶³ Возможно, с этим событием было связано оповещение им в 1398 г. правителей соседних стран о возвращении к власти: "Того же лѣта, – сообщают Никоновская и Троицкая летописи, – в радости велице бывшу царю

⁶⁵⁸ Власьев Г. А. Род дворян Волынских // Изв. Рус. генеал. о-ва – СПб., 1911. – Вып. 4. – С. 134–136; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. – М., 1975. – С. 19, 136.

⁶⁵⁹ Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы 1410 г. – СПб., 1885. – С. 95. /176/

⁶⁶⁰ /176/ Любавский М. Областное деление и местное самоуправление. – С. 290–291. Вопрос о месте, времени и цели создания "Списка русских городов дальних и ближних" неоднократно рассматривался в советской исторической литературе, но первыми его исследователями являются Б. А. Рыбаков и М. Тихомиров. Первый выступил со специальным докладом еще в 1947 г., а затем, в ряде последующих работ дал принципиально новую трактовку этого источника как памятника канцелярии митрополита Киприана (Рыбаков Б. А. Древние русы. // СА. – 1953. – № 17. – С. 31–32; Рыбаков Б. А. Просвещение // Очерки русской культуры. – М., 1971. – С. 200–205; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. – М., 1974. – С. 12–16). М. Н. Тихомиров опубликовал в 1951 г. большую статью с исправленным текстом "Списка" и серией карт, на которых нанесены локализованные им 85 % наименований городов Руси конца XIV в. Существенный вклад в научную разработку вопроса сделали также Е. П. Наумов (Наумов Е. П. К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973. – М., 1974. – С. 150–163); И. Б. Греков (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 341–380); А. В. Подосинов (Подосинов А. В. О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. – М., 1978. – С. 40–48).

⁶⁶¹ SD. – Т. 1. – N 675. – S. 310.

⁶⁶² Codex epistolaris Vitoldi. – N 56. – S. 47.

⁶⁶³ Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. – Т. 3. – Ks. 10. – S. 491.

Тохтамышу Болшиа Орды, от съпротивных свободшуся, и послы своя посылаюшу по всѣм странам, имя свое прослав- /148/ ляюшу, и злато и серебро и дары многы емлющу, и Татар отовсюду к себе призываюшу".⁶⁶⁴ Но, по-видимому, уже на исходе зимы 1398 г. "одолѣ царь Темир-Кутлуй царя Тохтамыша и прогна..., а Тохтамыш царь, побѣжа к Литовским странам и сослсая с Витофтом Кейстутевичем, с великим князем Литовским, и Витофт рад ему".⁶⁶⁵

Повторное бегство Тохтамыша на Среднее Поднепровье было использовано Витовтом для осуществления политических замыслов, направленных на усиление Великого княжества Литовского, главным образом за счет земель Северо-Восточной Руси. Уже в марте 1398 г. властям Ордена стало известно о переговорах Витовта с ордынским ханом, завершившихся достижением особого соглашения.⁶⁶⁶ Политический смысл этого соглашения, оформленного, по мнению исследователей, занимавшихся данной темой,⁶⁶⁷ специальным ярлыком Тохтамыша, отражен в ряде русских летописей. Так, в Воскресенской летописи суть переговоров и соглашения сформулирована следующим образом: "Похвалися глаголяще бе Витовт: пойдем и победим царя Темир Кутуя, взям царство его, посадим на нем царя Тохтамыша, а сам сяду на Москва, на великом княжении, на всей русской земли".⁶⁶⁸

О замыслах Витовта и Тохтамыша стало известно правителям княжеств Северо-Восточной Руси. Вследствие этого в начале 1399 г. происходит резкое ухудшение московско-литовских отношений, укрепление политических связей Великого Новгорода, Пскова и Твери с Москвой, а затем и их разрыв с Великим княжеством Литовским.⁶⁶⁹

Одновременно обострились отношения между правящими кругами Литвы и Польши. Само Салинское соглашение Литвы с Орденом 1398 г., имевшее характер сепаратной договоренности, а также проявившееся при его заключении стремление литовских феодалов к ликвидации политической зависимости от Польши обусловили негативное отношение краковского двора к новым замыслам Витовта. Поэтому в 1399 г. Краков оказал правителю Литвы лишь минимальную помощь, в основном дипломатическую.⁶⁷⁰ Таким образом, существовавшие и ранее противоречия между государствами привели к середине 1399 г. к фактическому распаду коалиции.

Накануне решающей схватки с главными силами Тимур-Кутлука и Едигея войска Витовта предприняли еще один поход в пределы ордынских владений. Летом 1398 г., двигаясь через Подолье, они достигли черноморского побережья возле устья Днепра, на правом берегу которого по распоряжению Витовта была сооружена каменная крепость Тавань (город св. Иоанна).⁶⁷¹ Впослед-

⁶⁶⁴ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 167.

⁶⁶⁵ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 167.

⁶⁶⁶ *SD*. – Т. 1. – N 700. – S. 317.

⁶⁶⁷ См., например: *Prochaska A.* Z Witoldowych dziej; *W. Uk*; *ad Witolda z Tochtamyszem 1397 r.* // *РН*. – Т. 14. 1912. – З. 3. – S. 259–264; *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі. – С. 171–187; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 225–227.

⁶⁶⁸ *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 72.

⁶⁶⁹ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 228–229.

⁶⁷⁰ *VMPL*. – Т. 1. – N 1041. – S. 769; *Барбашев А.* Витовт и его политика... – С. 97; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 230. – Прим. 16.

⁶⁷¹ *Detmar von Lübeck.* Chronik // *SRP*. – Leipzig, 1813. – Т. 3. – S. 222.

основных форпостов на южных рубежах Великого княжества Литовского.

Весной 1399 г. Тимур-Кутлук направил к Витовту послов с требованием выдать Тохтамыша, но получил отказ,⁶⁷² что ускорило развязку литовско-ордынского конфликта. 18 мая огромная армия Витовта выступила из Киева против основных сил Орды. Большую часть этой армии составляли феодальные ополчения подвластных ему восточно-славянских земель под командой Андрея Ольгердовича Полоцкого, Дмитрия Ольгердовича Брянского, Ивана Борисовича Киевского, Глеба Святославовича Смоленского, Льва Кориатовича, Михаила и Дмитрия Даниловичей Острожских, подольского князя Спытка из Мельштына и многих других представителей знати Великого княжества Литовского.⁶⁷³ К ней присоединились отряды татар ("двор") Тохтамыша,⁶⁷⁴ около 100 крестоносцев,⁶⁷⁵ а также 400 воинов из Польши.⁶⁷⁶ Русский летописец отмечал, что сила Витовта была "велика зело", только одних князей с ним было около 50.⁶⁷⁷

5 августа армия Витовта достигла р. Ворсклы, где встретила полки Тимур-Кутлука. Хан ожидал подхода крымских орд во главе с Едигеем и, стремясь выиграть время, вступил в переговоры с Витовтом. Литовский князь потребовал от Тимур-Кутлука полного подчинения себе: "Покорися и ты мнѣ и буди мнѣ сын, а яз тебе отец, и давай ми всяк лето дани и оброк".⁶⁷⁸ В свою очередь, золотоордынский хан и подоспевший к нему Едигей предложили Витовту признать вассально-данническую зависимость от Орды, после чего переговоры были прерваны. 12 августа 1399 г. армия Витовта, оставив укрепленный лагерь, перешла через Ворсклу и завязала бой с отрядами Едигея, заставив их отступить. Тем временем войска Тимур-Кутлука обошли поле битвы и, разгромив отряды Тохтамыша, овладели лагерем Витовта. Окруженная ордынцами армия литовского князя была почти полностью уничтожена. Витовт, по сообщению летописца, "побѣжа в малѣ дружинѣ" и лишь тем спасся.⁶⁷⁹

Прямым следствием сокрушительного разгрома армии Витовта на берегах Ворсклы было чрезвычайное осложнение международного и внутривосточного положения Великого княжества Литовского на грани XIV и XV вв. Военно-политический потенциал Юго-Западной Руси оказался существенно подорванным. Большинство ее земель осталось без действенных средств защиты от нового нашествия ордынцев. Преследуя остатки армии Витовта войска Едигея и Тимур-Кутлука осадили Киев, взяли с него большой "окуп" и, по словам новгородской летописи, "и наместники свои посадиша" в нем. Вслед за этим погрому

⁶⁷² Тизенгаузен. – Т. 1. – С. 469–470; *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 172.

⁶⁷³ См.: список князей, погибших в битве у р. Ворсклы: *ПСРЛ*. – Т. 4. – С. 104, 142; Т. 5. – С. 251; Т. 8. – С. 73; Т. 15. – Вып. 1. – С. 458–459; Т. 11. – С. 174. Попытку реконструировать его на основе неполных и нередко искаженных сведений летописей предпринял в свое время Й. Вольф. См.: *Wolff J. Rod Gediminas*. – Warszawa, 1878. – S. 36–37. – Not. 4.

⁶⁷⁴ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 172.

⁶⁷⁵ *Długosz J. Dzieje w Polskich księstwach*. – Т. 3, кн. 10. – S. 526.

⁶⁷⁶ *Detmar von Lbeck. Chronik // SRP*. – Leipzig, 1813. – Т. 3. – S. 230.

⁶⁷⁷ *Троицкая* летопись. – С. 450.

⁶⁷⁸ *Патриаршая* или Никоновская летопись. – С. 173.

⁶⁷⁹ *Рогожский* летописец. – Стб. 428.

подверглась /150/ почти вся Юго-Западная Русь, включая Волынь.⁶⁸⁰ Опустошив ее земли и добившись возобновления дани с некоторых из них, в частности с Подолья,⁶⁸¹ ордынцы вскоре возвратились в южные степи. В расчеты правителей Орды не входило чрезмерное ослабление Великого княжества Литовского, используемого ими в качестве политического противовеса Московскому великому княжеству, и поэтому уже осенью 1399 г. Едигей стал добиваться ослабления Москвы.⁶⁸²

Используя ослабление военно-политических позиций феодальной верхушки Великого княжества Литовского, такие крупные центры восточнославянских земель, как Смоленск и Рязань, в 1401 г. предприняли попытку добиться независимости от Литвы и перейти на сторону Москвы.⁶⁸³ Видимо, подобные процессы происходили и в Среднем Поднепровье, куда Витовт поспешил назначить наместником своего родственника и наиболее верного приверженца князя Ивана Ольгимунтовича Гольшанского.

В обстановке ослабления господства литовских феодалов на землях Руси Витовт и близкие к нему круги княжеско-боярской элиты вернулись к сотрудничеству с польскими феодалами и королем Владиславом-Ягайлом, санкционировав формальную инкорпорацию Литвы и ее владений в состав Польского королевства по акту Виленской унии 1401 г. Новый акт унии стал определенной вехой в политическом развитии Великого княжества Литовского, создав условия для все большего подчинения его феодальной Польше, а вместе с ним и зависимых от Литвы земель Юго-Западной Руси. /151/

Заключение

Общность в сфере материальной и духовной культуры, общественных отношений, формировавшихся на основе древнерусской, трех восточнославянских народностей – великорусской, украинской и белорусской – выступает в XIV в. в качестве одной из основных тенденций и в их государственно-политическом развитии, хотя и осложненном феодальной раздробленностью Руси, ордынским игом и усилившимся натиском враждебных внешних сил.

Включение большей части Юго-Западной Руси в состав Великого княжества Литовского – это длительный и сложный процесс, конечный результат которого во многом зависел от соотношения внутривосточных сил и международной обстановки в данном регионе, в частности от позиции правящих кругов местного боярства и антиордынской активности Литвы. Примерно до середины 60-х гг. XIV в., в условиях господства на Руси полицентризма, правящей элите Литвы удавалось использовать в целях феодальной экспансии тенденции к сплочению антиордынских сил и политическому единству, объективно существовавшие в бывших древнерусских землях. Частичное совпадение внешнеполитических целей литовских феодалов и боярства Юго-Западной Руси, гарантирование литовской великокняжеской властью сохранения за ним определенных сословно-классовых привилегий послужили основой, на которой стало возможным

⁶⁸⁰ НПЛ. – С. 395; *Продолжение* летописи по Воскресенскому списку. – С. 73.

⁶⁸¹ Chmiel A. Zbiór dokumentów znajdujących się w bibliotece hr. Przezdzieckich w Warszawie. – Krakow, 1890. – N 6.

⁶⁸² Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – С. 232–235.

⁶⁸³ Рогожский летописец. – С. 462; ДДГ. – № 19; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. – М., 1965. – С. 243–245. /177/

сотрудничество, правда, неравноправное, этих двух разноэтнических групп господствующего класса в рамках Великого княжества Литовского. Проявлением такого сотрудничества явился разгром трех доминировавших в Северном Причерноморье орд в битве у Синих Вод осенью 1362 г., а его следствием – расширение владений Литвы на юге до устья Днепра и Днестра, закрепление в их составе Киевского и Волынского княжеств, Подолья и Чернигово-Северщины. Таков главный итог второго этапа феодальной экспансии Литвы в Юго-Западной Руси (40-е – начало 60-х гг. XIV в.).

Теснимая на своих границах рыцарством Тевтонского и Ливонского орденов, Литва не могла вести последовательную борьбу против Золотой Орды и Польского королевства, с которыми она в 1325 г. вступила в длительное противоборство за земли Галицко-Волынского княжества. Вооруженное сопротивление местных княжеств и неблагоприятная в целом международная обстановка предопределили половинчатость успеха первого этапа экспансии литовских феодалов в Юго-Западной Руси в 20-30-х гг. XIV в.

Земли Юго-Западной Руси – Волынская, Киевская вместе с Переяславской, Подольская и Чернигово-Северская – вошли в состав Великого княжества Литовского со своей сложившейся еще во времена существования Древнерусского государства социально-политической структурой, которая /152/ соответствовала обществу с развитыми феодальными отношениями. В своих основных чертах она сохранялась до конца XIV в. Развитие в предшествующий период крупного вотчинного землевладения обусловило возрастание политического значения боярства, выступившего в отношениях с литовскими и польскими феодалами в роли охранителя местной "старшины" – комплекса традиционных элементов феодальной государственности, сложившегося в рамках отдельных территориально-политических формирований ("земель") как древних, так и складывавшихся. Государственно-политическая связь этих земель с Литвой почти до конца XIV в. выражалась в форме их вассальной (и даннической одновременно) зависимости.

Подчинение юго-западных земель Руси власти феодальной верхушки Литвы произошло в период постепенного преобладания в их политической жизни тенденций к объединению, что было характерно и для других русских земель. В первую очередь, они проявились в Галицко-Волынской Руси, объединившейся на рубеже XIII–XIV вв. под властью Льва I Даниловича и его преемника Юрия I Львовича. Используя временное ослабление Орды в результате феодальной борьбы между ханом Токтой и временщиком Ногаем и разгром последнего в 1300 г., эти князья предприняли попытку ослабить зависимость своих владений от Орды и вернуть в их состав отторгнутое Галицкое Понизье. Успехи, достигнутые сначала на пути к объединению под властью Романовичей значительной части Юго-Западной Руси, оказались временными. В начале 20-х гг. XIV в. натиск Орды на Галицко-Волынское княжество усилился. Его результатом было не только восстановление ордынской власти над большей частью Галицкого Понизья, но и гибель последних галицко-волыньских князей из династии Романовичей. Пресечение династии Романовичей означало крах региональной программы объединения, которую они осуществляли, повлекший за собой перегруппировку политических сил местного боярства. В обстановке развернувшегося наступления на Галицко-Волынскую Русь феодальных сил Польши и Литвы преобладание получила группировка, стремившаяся добиться свержения ордынского ига при опоре на внешние силы, сохранив в неприкосновенности все добытые сословно-классовые привилегии, что повлияло на ход и результаты последующих политических событий в Галицко-Волынской Руси.

После раздела Галицко-Волынской Руси между Польским королевством и Великим княжеством Литовским и последовавшего затем ее политического упадка, объединительные тенденции наиболее эффективно проявились в Среднем Поднепровье, где наблюдается быстрый территориальный рост Киевского княжества, включившего в свой состав к концу XIV в., кроме собственно Киевской земли, хорошо известные до Батыева нашествия Переяславское и Путивльское княжества, а также черниговское Посеймье. Одновременно все более заметным становится стремление киевского боярства играть ведущую роль в

политических событиях региона. Так, утверждение в Киеве власти Владимира Ольгердовича в 1362 г. привело к распространению господства феодальной верхушки Литвы в Среднем Приднепровье и вместе с тем к возрастанию роли Киева как центра организации антиордынской борьбы в Юго-Западной Руси, которая сохранялась за ним до конца XIV в.

Воплощение в жизнь региональной или же, еще в большей мере, общерусской программы политического объединения угрожало господству литовской феодальной верхушки в Юго-Западной Руси. Поэтому литовская великокняжеская власть противодействовала объединительным тенденциям в зависимых от нее восточнославянских землях. Одним из наиболее существенных мероприятий подобного плана явилась ликвидация удельно-княжеской власти в Волынском, Киевском, Подольском княжествах и Чернигово-Северской земле в ходе реализации Кревской унии в 90-х гг. XIV в., приведшая к еще большей их зависимости от власти литовских феодалов.

Включение большинства земель Юго-Западной Руси в состав Великого княжества Литовского не повлекло за собой ликвидации их зависимости от Орды и прекращения выплаты ордынской дани. В связи с тем, что не была решена главная внешнеполитическая задача – свержение ордынского ига, в среде местного боярства, недовольного к тому же зависимостью от правящей верхушки литовских феодалов, ее антимосковским курсом и сближением с мамоевой Ордой, приобретают доминирующее значение политические устремления, базировавшиеся на общерусской программе объединения. Выдвижение в конце 60-х – начале 70-х гг. XIV в. Московского великого княжества на ведущую роль в объединительном процессе и организации антиордынской борьбы на Руси обусловило отход от сотрудничества с литовскими феодалами боярства части зависимых от Литвы восточнославянских земель, участие княжеств Юго-Западной Руси, в частности Чернигово-Северского и Киевского, в процессе консолидации антиордынских сил и образовании накануне Куликовской битвы возглавленной Москвой союзно-вассальной коалиции княжеств Руси. Важной вехой в этом процессе стал состоявшийся в ноябре 1374 г. съезд феодальной знати в г. Переяславле-Залесском, а также переход на сторону коалиции зимой 1379/80 г. в результате военно-дипломатической деятельности Москвы Чернигово-Северского и Киевского княжеств, участие их военных сил в разгроме полчищ Мамая. Таким образом, в конкретно-исторических условиях Юго-Западной Руси происходившие в ней объединительные процессы, начиная с середины 70-х гг. XIV в., оказывались все более связанными с борьбой разных частей Руси за освобождение их от иноземного господства и реализацию программы общерусского единства.

Начавшийся на рубеже 70–80-х гг. XIV в. процесс консолидации восточнославянских земель вокруг общерусского центра – Москвы, был, однако, временно приостановлен в последней четверти XIV в. в результате влияния на политическое развитие земель Юго-Западной и Северо-Восточной Руси ряда негативных внешнеполитических факторов. Для Юго-Западной Руси таковым явилась, в частности, польско-литовская (Кревская) уния 1385 г., способствовавшая усилению в ее землях господства польских (в Галицкой Руси) и литовских феодалов, а также сокрушительный разгром войск Великого княжества Литовского ордынцами в 1399 г., что предопределило, в конечном счете, длительное пребывание большинства этих земель в составе державы Гедиминовичей, и в последующее время осложнило и отдалило решение проблемы воссоединения трех братских восточнославянских народов в едином государстве. /154/-/177/ 684

Именной указатель

684 Страницы 154–176 печатного издания содержат Примечания автора к основному тексту (большей частью, ссылки на источники). В электронной версии эти примечания расположены по тексту (*Прим. УМ*).

А

Абдуллах 61, 62
Абу Саид 32
Азбелев С. Н. 173
Ал -Мальк аз -Захир 14
Актау 143
Акчокраклы О. 163
Александр Кориатович 44, 61, 52, 79, 86, 87, 105, 123
Александр Михайлович Тверской 66
Александр (Олелько) Владимирович 83, 137
Александр Патрикиевич 90
Алексей 58-60, 104, 109, 110
Алибек 61
Альдона (Анна) Гедиминовна 34
Амин 47
Анастасия Львовна 12, 33
Андрей (Анриан) Мстиславович 56
Андрей Ольгердович Полоцкий 63, 64, 99, 111, 113, 115, 118, 124, 130-132, 135, 149
Андрей Юрьевич 10, 11, 13, 18, 22-24, 63
Андроник Младший Палеолог 22
Андроник Старший Палеолог 22
Анжу 36
Антоний 122, 127, 145
Антонович В. Б. 43
Арсений 29
Асан 134

Б

Бальцер О. (Balcer O.) 45, 160
Барбашев А. 175, 176
Батура Р. (Bat#363;ra R.) 28, 43, 44, 154, 157, 160
Батый 26, 30, 114
Бегич 114
Бегунов Ю. К. 173
Бек -Ярык 143
Бельский М. 42
Беляева С. А. 164
Бенедикт XII 38
Бенешевич В. Н. 29
Березин И. 175
Бирдибек 61, 71
Богуслав V 45
Болеслав-Юрий II Тройденович 13, 33-39, 57, 155
Борис Кориатович 86, 87, 96, 99, 123
Борис Кракула 35
Брун Ф. 43, 160, 164
Буганов В. Н. 164, 174
Бурлюк 19

Бычкова М. Е. 175

В

Ваповский Б. 42
Василий 28, 29
Василий Константинович 90
Василий I Дмитриевич 136, 142, 146
Василий Тупик 131
Василько Романович 156
Веселовский Н. И. 155
Веселовский С. Б. 175
Виганд из Марбурга (Wigand von Marburg) 66, 68, 123, 160, 163, 171, 173
Винрих фон Книпроде 70
Витовт Кейстутович 27, 42, 70, 81-85, 96, 99-102, 111, 118, 136-150, 165
Владимир Андреевич Серпуховский (Храбрый) 115, 124, 133
Владимир Василькович 14
Владимир Ольгердович 58, 130, 83, 84, 98, 101, 105, 110, 117, 118, 129, 130, 137-140, 143, 152
Владимирский-Буданов М. В. 28, 157, 165
Владислав Локетек 12, 18, 22, 25, 32-34
Владислав Опольский 57
Владислав-Ягайло Ольгердович 50, 63, 85, 87, 89, 90, 95-102, 111, 114-117, 122, 123, 128, 129, 132-140, 144, 145, 150
Власьев Г. А. 156, 175
Влодарский Б. (Włodarski B.) 11, 155, 159
Войдат-Константин Кейстутович 66

Г

Гваньини (Guagninus A.) 42, 43, 160
Гедимин 8-11, 26-37, 40, 64, 80, 81, 83, 92, 94, 157, 158
Гедиминовичи 40, 47, 50, 63, 68, 80, 84, 94, 95, 122, 153, 157
Генрих 32
Герман из Вартберга 47, 68, 122, 154, 160, 162, 163, 172
Глеб Константинович 90
Глеб Святославович 149
Глинские 80
Голубев С. Т. 158 /178/
Голубинский Е. 162, 170
Голобуцкий В. А. (Голобуцкий В. О.) 165
Горский А. Д. 171
Греков Б. Д. 162, 166, 174
Греков И. Б. 7, 8, 116, 117, 120, 131, 132, 142, 145, 146, 154, 160-162, 164, 168-176
Григора Н. 156
Гридко (Григорий) Константинович 90, 136
Гринко 87
Грушевский М. С. 43
Грушевский А. С. 79, 165

Грыцко Коссачович 35
Гурка О. (Górka O.) 43, 159

Д

Даниил Мстиславович 156
Даниил Острожский 38
Даниил Романович Галицкий 7, 12, 13, 24
Дашкевич Н. П. 27, 28, 43, 60, 157, 160, 162
Демид 83
Джанибек 31, 45, 47, 60, 71
Джека (Чека) 19, 20
Джучиды 17
Дионисий 119, 137
Длугош Ян (Długosz J.) 12, 13, 42-44, 51, 155, 156, 159-161, 163, 168, 174, 176
Дмитриев Л. А. 173
Дмитрий Данилович Острожский 149
Дмитрий Друцкий 111
Дмитрий Дядько 38-40
Дмитрий Иванович Московский (Донской) 54, 107-109, 115, 117-121, 124-126, 128-133, 136, 147
Дмитрий Константинович Нижегородский 110
Дмитрий-Корибут Ольгердович 82, 88, 89, 98, 101, 132-135, 137-139
Дмитрий-Любарт Гедиминович 10, 11, 23, 34, 37-40, 47-52, 63, 68, 85, 96, 123, 159
Дмитрий Михайлович (Боброк) Волынский 111, 115, 124, 146, 147
Дмитрий Ольгердович 88, 89, 96, 111, 115, 117, 118, 129, 130, 149
Дмитрий-Солтан (Дементрий) 44, 57, 69, 71, 72
Довнар-Запольский М. В. 165, 167

Е

Евфимий 128
Евфимия 12
Евфимия (Офка) Гедиминовна 36
Евфросинья Палеолог 14
Егоров В. Л. 109, 155, 156, 162-164, 170, 174
Едигей 141, 142, 147-150
Елена 90
Ентяк 142
Ерошкин Н. П. 167

З

Зайцев А. К. 163
Закиров С. 155, 156, 158
Заремба С. З. 171
Земовит 12, 33
Зотов Р. В. 63, 88, 90, 107, 157, 162, 163, 167

И

Ибн-Хальдун 20
Иван Борисович Киевский 84, 149
Иван Данилович (Калита) 53, 56
Иван Иванович (Красный) 54, 60
Иван Коротопол 56
Иванов П. А. 159, 168
Иван Ольгимунтович Гольшанский 84, 85, 150
Иван Юрьевич 98
Ильбасмыш 21
Иннокентий XI 68
Иоанн XXII 18, 22, 23, 31, 32
Иоанн Кантакузин 40, 159
Иоанн Любартович 63, 64
Иоанн Патрикиевич 90
Иоанн V Палеолог 127
Иоанн Скиргайло Ольгердович 63, 84, 85, 88, 90, 100, 111, 115, 118, 123, 133, 135, 136, 138-140, 143, 144, 166, 175
Иоанн Станиславович 157
Исидор 159

К

Казимир III 34, 36-40, 45, 46, 49-51, 52, 68, 70, 96
Казимир Ягайлович 81
Каллист 59
Каракишек 19
Карамзин Н. М. 125, 172
Карл-Роберт Анжуйский 36
Карл IV Люксембургский 9, 55
Квашнин-Самарин Н. 157
Кейстут Гедиминович 47, 49-51, 63, 66, 111, 116, 123, 132, 133
Кильдибек 61, 62
Киприан 75, 108-110, 113, 116, 118-129, 136, 137, 142, 144, 145 /179/
Кирпичников А. Н. 163, 171
Клепатский П. Г. 28, 60, 157, 162, 165, 166, 171
Кобрин В. Б. 75, 164, 165
Койричак -оглан 141
Колянковский Л. (Końkowski L.) 43, 160, 161, 167, 168, 175, 176
Конрад Цоллнер 90
Константин Кориатович 44, 45, 51, 86, 87
Константин Ольгердович 63, 64, 88-90, 98, 99, 135, 136
Константин Ростовский 50
Кориатовичи 42, 43-46, 48, 51, 63, 68, 69, 85, 86, 96, 105, 111, 123
Коригайло Ольгердович 135
Котлубуга 134
Котляр Н. Ф. 154, 158, 166, 169
Креслав из Курозвонк 99
Крипякевич И. П. (Крип'якевич І. П.) 11, 154-156, 161

Кромер М. 42
Кузьмин А. Г. 176
Кулаковский Ю. А. 20, 156
Кунигунда 45
Куник А. А. 154-156
Кутлуг-Тимур-бек (Кутлуг-Бук, Кутлубуг) 44, 57, 69, 71
Кучиньский С. М. (Kuczyński St. M.) 43, 44, 65, 157, 160, 163
Кучкин В. А. 53, 161, 162, 167, 169-171

Л

Лаппо -Данилевский А. С. 155.
Лев I Данилович 14, 15, 20, 22, 33, 85, 152, 156
Лев Кориатович 149
Лев Луцкий 27, 157
Лев II Юрьевич 10, 13, 18, 20, 22, 24, 27, 32, 157
Линниченко И. А. 156, 159
Лингвель Ольгердович 135
Лихачев Д. С. 173
Ловмянский Х. (Lowmiański H.) 8, 45, 154, 159- 161, 166, 168, 169, 172
Любавский М. К. 28, 147, 157, 160, 165, 167-169, 175
Людвик 45
Людвик Виттельсбах 45
Людвик Венгерский 40, 49, 52, 72, 99, 122, 123
Люксембурги 25, 37
Ляскоронский В. 164

М

Мавродин В. В. 53, 161, 166
Максим 16, 17
Мамай 61, 62, 106-109, 113, 114, 116, 121, 129, 130, 132, 135, 153
Мамъшей 14
Мария Юрьевна 33
Маркс К. 7, 32, 34, 37, 53, 54, 80, 154, 158-161, 165
Меендорф И. Ф. (Meyendorff J.) 126, 127, 171, 172, 173
Менгли-Гирей 70
Менгу-Тимур 14
Меховский М. 43, 160
Миндовг Гольшанский 27
Михаил Александрович Тверской 105-107, 109, 111, 113, 114
Михаил Александрович Черниговский 88
Михаил VIII Палеолог 14
Михаил Данилович Острожский 149
Михаил Елезарович 35
Михаил-Кориат Гедиминович 41, 44, 47-49, 63, 85
Михаил (Митяй) 118, 119, 120, 121, 124
Михаил Явнутиевич 63, 64
Михайло Прочович 87
Моисеева Г. Н. 173

Молчановский Н. 43, 159, 165-167, 169
Мстислав Данилович 14, 15, 156
Мюрид 62, 67

Н

Назаров В. Д. 162, 163
Наримант Гедиминович 47, 63
Насонов А. Н. 155, 156, 162, 175
Наумов Е. Л. 176
Немира Бакотский 87
Нил 27, 126, 127
Ногай 13-21, 70, 152
Ноуруз 67

О

Обрягим Темирязевич 113
Олег Иванович Рязанский 114-115
Олег Переяславский 27
Олельковичи 158
Олесько 87
Олехно Сахнович 84
Ольгерд Гедиминович 9, 42, 44, 47-52, 55-63, 65-72, 81, 88, 94-96, 101, 104-109, 111-114, 122, 132
Ольгердовичи 64, 90, 94, 95, 139, 140
Ольговичи 88 /180/
Ольгимунт Гольшанский 27, 29, 158
Ордумелик-шейх 61
Остафий 87
Осташкович 83
Отек 35

П

Павел Гольшанский 158
Павел Слупич 87, 140
Параска П. Ф. 19, 20, 43, 156, 159, 160, 163, 164, 166, 170
Патрикий Наримантович (Давидович) 63, 64, 98
Пахимер Г. 155
Пашуто В. Т. 9, 15, 22, 79, 81, 154-158, 161, 162, 164-168, 171, 173
Петр Галка 156
Петрунь Ф. 164, 176
Петрушевский И. П. 160
Пимен 119, 124-126, 136
Пичета В. И. 165, 168
Подосинов А. В. 176
Похилевич Д. Л. 165

Похилевич Л. 166
Преображенский А. А. 164
Пресняков А. Е. 8, 28, 60, 154, 157, 162, 167, 169
Приселков М. Д. 29, 30, 125, 157, 158
Прохаска А. (Prochaska A.) 43, 44, 160, 168, 169, 172, 174, 176
Прохоров Г. М. 120, 121, 126, 127, 169, 171-173
Пузына Й. (Puzyna J.) 44, 161, 163, 166
Пястовичи 12

Р

Рапов О. М. 74, 164
Рашид ад-дин 15, 16
Ржежабек И. 158, 159
Рогов А. И. 28, 155-158
Рогозка 87
Розов В. А. 166
Роман Брянский 27, 157
Роман, митрополит 56, 59, 60, 65, 162
Роман, молдавский воевода 140
Роман Михайлович 88, 107, 111, 112
Романовичи 23-25, 37, 38, 85, 152
Рослав (Ратслав) 30
Рыбаков Б. А. 116, 171, 175
Рюриковичи 8, 29, 80, 82

С

Сагиб-Гирей 70
Сарай-Бука 19
Сарайка 109
Сарницкий С. (Sarnicii S.) 72, 164
Сафаргалиев М. Г. 71, 146, 155, 162, 163, 170, 174, 175
Сахаров А. М. 53, 161
Свидригайло Ольгердович 87, 90, 101, 139
Свиридов 166
Святослав 19
Святослав Смоленский 90, 107
Семен Александрович (Олелькович) 83, 84
Семен Дмитриевич 142
Семен Свислочьский 48
Сергий Радонежский 110, 118, 120
Сигизмунд Люксембургский 102, 140, 145
Сигизмунд-Август 30
Симеон Иванович (Гордый) 40, 47-50, 54, 159
Скрынников Р. Г. 116, 171
Смирнов В. Д. 43, 160, 164
Соболева А. Н. 169
Соловьев А. В. 132, 173
Софья Витовтовна 142

Спытко из Мельштына 50, 87, 102, 149
Станислав Киевский 26, 157
Старостина И. П. 165
Стефан Анжуйский 49
Стефан , воевода молдавский 140
Стрыйковский М. (Strykowski M.) 10, 11, 26, 28, 31, 42, 45, 66-69, 71, 72, 85, 86, 132, 138, 143, 144, 154, 158, 160, 163, 166, 167, 173-175

Т

Таз 19-21
Таш-Тимур 141, 143
Темерь (Темирязь) 112, 113
Тизенгаузен В. Г. 155, 156, 158, 174-176
Тимощук В. О. 156
Тимур-Кутлук 141, 145-149
Тимур (Тамерлан) 141-144
Тимур-ходжа 61
Тихомиров М. Н. 62, 116, 160, 162, 166, 171, 175
Товлубий 56
Токта 15-19, 21, 152
Толочко П. П. 166
Тохтамыш 70, 102, 106, 120, 121, 124, 132-134, 141, 145-149
Тройден 33
Тройнат 14
Тунгуз 19-21 /181/

У

Узбек 21, 22, 31, 32, 35, 38, 45, 57, 71
Усманов М. А. 175

Ф

Фасмер М. Р. 29, 157, 158
Феогност 16, 29, 30, 40, 48, 159
Феодор Глебович 47
Феодорит 56, 58
Феофил 30
Федор Данилович Острожский 85, 99
Федор , епископ галицкий 35
Федор (Феодор) Киевский 28-30, 56-58, 60, 157
Федор 56
Федор Кориатович 44, 63, 64, 87, 101, 105, 138- 140, 143
Федор Любартович 85, 89, 96, 98, 99, 101, 139
Федор Ольгердович 96, 98, 123
Федор Святославович 29
Федор Симоновский 118, 120, 125
Федор Шубачев 47, 48

Федоров -Давыдов Г. А. 70, 71, 121, 156, 158, 160, 162-164, 172, 174
Филевич И. П. 159
Филофей 58, 109
Флоря Б. Н. 76, 95, 104, 107, 112, 117, 154, 161, 165, 167-172, 173
Фома Изуфов 144
Фомичев Н. М. 156
Фотий 165

Х

Хаджи-Бек (Хаджи-бей) 57, 69, 71
Хаджи-Гирей 70
Хаджи-Черкес 61
Хамдаллах Казвини 32
Ходко 22
Хорошкевич А. П. 164
Хулагуиды 17, 32, 46
Хурмадай 143, 144

Ч

Чемерицкий (Чемярыцкі) В. А. 159
Черепнин Л. В. 53, 116, 131, 154, 161, 162, 164, 167, 169, 171, 173, 174
Чобан 32

Ш

Шамбинаго С. К. 170
Шапиро А. Л. 53, 161

Щ

Щапов Я. Н. 12, 155, 165

Э

Эльжбета Казимировна 45
Энгельс Ф. 6, 41, 73, 80, 94, 97, 154, 159, 164, 165, 168

Ю

Юлиана (Ульяна) 50, 139
Юргинис Ю. М. 165
Юрий Дмитриевич 110
Юрий Ивантич Половец 84, 130
Юрий Кориатович 44, 51, 79, 86, 87, 112, 113

Юрий (Георгий) I Львович 12, 13, 23, 33, 35, 152
Юрий Наримантович 51, 52, 64, 96, 123
Юрий Святославович 88, 138
Ючас М. А. 158

Я

Явнутий Гедиминович 40, 47, 51, 63
Ядвига 97, 99, 102
Якубовский А. Ю. 162, 174
Якубовский И. 165
Якша 47, 48
Якша Литавор 112
Ямант 142
Ян из Чарнкова (Joannis de Czarnkow) 35, 37, 38, 51, 159, 160, 161, 168
Ян Силезский 32, 33
Янин В. Л. 74, 164
Ясинский М. Н. 81

В

Bardach J. 168
Baszkiewicz J. 156
Bielski M. 168

С

Czuczyski A. 161

Д

Dębrowski J. 157, 159, 161
Detmar von Lbeck 173, 174, 176
Dowiat J. 159, 160

Н

Hammer-Purgstall J. 163

Ж

Johannis von Posilge 163

К

Kaczmarczyk Z. 160, 162
Karwasińska J. 162

P

Paszkiewicz H. 158
Petri de Dusburg 155, 157
Piekosiński Fr. 167, 174, 175

R

Rulikowski Ed. 166

S

Skrzypek J. 168, 174
Stadnicki K. 157, 163, 167

W

Wolff J. 162, 163, 166, 167, 168, 176
Wyrozumski J. 159, 162

Z

Zajczkowski St. 158, 159
Zakrzewski St. 157 /182/

Список сокращений

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией

Архив ЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов

Временник ОИДР – Временник Московского общества истории и древностей российских

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л., 1950

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

Известия ОРЯС – Известия Отделения Русского языка и словесности Российской Академии наук

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданное Археологической комиссией

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией

- СА** – Советская археология
- ТОДРЛ** – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР
- Троицкая летопись** – Троицкая летопись (Реконструкция М. Д. Приселкова, под ред. К. Н. Сербиной. – М.; Л., 1950)
- ЧИОНЛ** – Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца
- ЧОИДР** – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- ADEO** – Anonymi descriptio Eupopae Orientalis "Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia", anno MCCCVIII exarata edidit, praefatione et adnotationibus instuxit Olgierd Gorka. – Cracoviae, 1916
- ALS** – Arhiwum ksiąg Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie
- AW** – Ateneum Wileńskie
- CDP** – Codex diplomaticus Prussicus / Ed. J. Voight
- KH** – Kwartalnik Historyczny
- LVB** – Liv-, Est- und Curländisches Vrchbuch / Ed. F. G. Bunge
- MPH** – Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski
- PH** – Przegląd Historyczny
- RAU** – Rozprawy Akademii Umiejętności, wydawnictwo historyczno-filozoficzne
- SD** – Skarbiec dyplomatyczny papieskich, cesarskich, królewskich do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy i Rusi saskiej / Zebrać i w treść opisać; J. Daniłowicz. – Wilno, 1860. – T. 1.
- SRP** – Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig, 1981–1866. – T. 1–3.
- VMH** – Vetera Monumenta Historiam Hungariae carum illustrantia / Ed. A. Theiner. – Romae, 1859. – (T. 1)
- VMPL** – Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae / Ed. A. Theiner. – Romae, 1860. – T. 1.